

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени
академика И.Г. Петровского»

На правах рукописи

Максимов Артур Игоревич

Деятельность российской центральной гражданской администрации в
Царстве Польском
в период реформ 1860-х гг.

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
Доктор исторических наук, доцент,
Блохин Валерий Федорович

Брянск 2017

Содержание

Введение	3
Глава I. Характерные особенности политики Российской империи в отношении Царства Польского	29
1. 1. Преобразования в Царстве Польском как отражение государственной политики в отношении национальных окраин в 1860-е гг.	29
1. 2. Особенности формирования российской администрации в Царстве Польском	55
Глава II. Выработка вектора преобразований в Царстве Польском в условиях политических реалий первой половины 1860-х гг.	77
2. 1. Роль государственного аппарата Российской империи в подготовке реформ в Царстве Польском	77
2. 2. Складывание двух политических центров в российской администрации в Царстве Польском	105
Глава III. Российские чиновники в реализации реформ 1860-х гг. в Царстве Польском	135
3. 1. Деятельность российских чиновников по вопросам организации и осуществления реформ в Царстве Польском	135
3. 2. Внутриполитическая борьба высших чиновников в российской администрации в Польше в ходе реформ 1864–1866 гг.	180
Заключение.....	219
Список использованной литературы.....	225

Введение

Актуальность темы исследования. Проблема реформ является одной из ключевых в истории любого государства, поскольку проводимые преобразования несут в себе реорганизацию существующего положения страны и оказывают серьезное влияние на дальнейший ход развития. Российская история не является исключением, и изменения, происходившие здесь в той или иной сфере жизни, являются факторами, во многом определявшими суть общественных процессов. Особенно ярко это проявилось в XIX в., когда Великие реформы Александра II 60-х – 70-х гг. оказали серьезное влияние на экономическую и политическую ситуацию в Российской империи, предопределили развитие страны в последующие годы и способствовали формированию если не модели, то, по крайней мере, базовых подходов к национальной политике в отношении окраин государства.

В исторических трудах преобразования в России традиционно и вполне справедливо связывались с именами российских правителей, оказывавших решающее воздействие на ход намеченных преобразований. Но были люди, с которыми реформы ассоциировались в не меньшей степени, между тем в литературе вклад некоторых из них в реформы остаётся слабо изученным. К ним можно отнести таких известных исторических персонажей как А. А. Аракчеев, М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, П. Д. Киселев, С. Ю. Витте, П. А. Столыпин. Более того, до сих пор остается не в полной мере оцененным вклад многих менее известных реформаторов, несмотря на то, что их участие в подготовке и реализации важнейших преобразований на определенных их этапах было даже ключевым.

Стоит также отметить, что в ходе изучения реформ наибольшее внимание уделяется территориям центральной части России, хотя в состав империи также входили и национальные окраины, которые в силу тех или иных причин

отличались от центра. Принципиальной особенностью западных окраин государства был зачастую более высокий уровень социального, экономического и культурного развития, по сравнению с центральной частью империи. Одним из примеров такого рода является Царство Польское, включенное в состав государства по результатам Венского конгресса. Учитывая исторически сложный характер взаимоотношений Польши и России, Царство Польское превратилось в один из важных объектов государственной политики. Масштабным реформам, осуществленным здесь во второй половине XIX в. во время правления Александра II, уделено значительно меньше внимания, в сравнении с другими реформированными территориями.

Дополняет научную актуальность проблемы необходимость рассмотрения влияния российского чиновничества на ход преобразований в Царстве Польском после Январского восстания. Фактор участия российских должностных лиц в этих процессах если и упоминался, то без учета степени непосредственного воздействия на процесс реформирования данной территории.

Актуальность исследования предопределяется и новым взглядом на разработку и осуществление реформ в Царстве Польском. Их рассмотрение через призму личного вклада политических деятелей российской администрации, что позволит дополнить и уточнить историю проведенных реформ как непосредственно в Царстве Польском, так и в России в целом.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование посвящено роли российского чиновничества в реализации политики в отношении Царства Польского, а также истории реформ в Польше после восстания 1863–1864 гг., преимущественно крестьянской, монастырской и административной.

В значительной мере эти вопросы являются частью более объемной проблемы – изучения российско-польских отношений после разделов Речи Посполитой и до 1918 г., когда Польша провозгласила свою независимость. В свою очередь, важнейшей составляющей этой большой темы выступает вопрос, который долгое время являлся предметом активных дискуссий: в

качестве кого должна выступать Россия в рамках этих отношений? Государством, в котором власть принадлежит какому-то сословию (сословная монархия), либо это государство национальное в предельно широком смысле этого слова. Это противостояние национального и сословного прослеживается внутри России, но еще в большей степени оно присутствует в политике различного уровня администраторов на западных окраинах. Особое значение среди большого круга вопросов занимает определение места и роли Польши в политике Российской империи XIX в.

В рамках упомянутых проблем необходимо учитывать специфику исторических исследований, направленных на их изучение. Серьезное влияние на историографию как российскую, так и польскую оказывали политические отношения между Польшей и Россией, которые, фактически, предопределяли вектор исследований. В конце XIX в. – начале XX в. трудности были связаны с тщетными поисками оптимального соотношения между национальными интересами Российской империи и необходимым компромиссом в отношениях с населением Царства Польского.

Выстраивание новых отношений Советской России, с получившей самостоятельность Польшей, было связано со значительными трудностями и отсутствием взаимопонимания, что незамедлительно сказалось на истории взаимоотношений обоих государств¹. Польская историческая наука в период между мировыми войнами переживала свой расцвет. Однако антироссийские настроения того периода в Польше оставили свой след в работах исследователей 20–30-х гг. XX в.² С начала 1950-х гг. и до 1980-х гг. в отечественной и польской историографии

¹ Знаменский Н. Основные линии политики Николая I в отношении Польши после революции 1830–1831 гг. // Музей революции СССР. М., 1932. Сборник 3. С. 12–37; Шустер У. А. Экономическая борьба Москвы с Лодзью (Из истории русско-польских отношений в 80-х годах прошлого века) // Исторические записки. М., 1939. Т. 5. С. 141–187.

² Одной из главных работ этого периода является многотомник Я. Кухажевского J. Kucharczyński. Od białego caratu do czerwonego. Т. 1–7. Warszawa, 1923–1935.

ключевую роль играло изучение революционных связей Польши и России, кроме того, более активно начало происходило изучение общественной мысли¹.

Проблемы взаимоотношения двух государств в последнее десятилетие существования СССР также отразились на историографии. Конфликт между Польшей и Советским Союзом 1980–1981 гг. привел к новым идеологическим запретам, незамедлительно сказавшимся на исследованиях польско-российской истории как в СССР, так и в Польше. Лишь с 1989 г. ситуация начала улучшаться². В это же время в российской историографии возникает интерес к взаимоотношениям империи с национальными окраинами. Существенную роль в этой проблеме играет исследование национальной политики Российской империи. Вообще, несмотря на определенные трудности, связанные с развитием исторической науки в данном направлении, степень изученности российско-польских отношений можно оценить, как весьма высокую. Однако некоторые аспекты данной проблематики требуют дополнительных исследований. Например, преобразования в Царстве Польском в середине 1860-х гг., особенности ситуации в российской администрации в Польше в тот же период.

Говоря об исследованиях, непосредственно связанных с проблематикой нашей работы, следует отметить, что на их содержание также в значительной мере оказали воздействие общие проблемы изучения истории взаимоотношений Польши, России и СССР. Среди же специфических особенностей, повлиявших на

¹ Дьяков В. А. Изучение истории Польши советскими учеными // Новая и новейшая история. Москва, 1985. № 6. Миллер И. С. Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980. Также к работам, посвященным революционным связям можно отнести исследования 1990 г. – Табачников Б. Я. Советская историческая литература о русско-польских революционных связях конца XIX – начала XX века // Новая и новейшая история. Москва, 1990. № 1. Фалькович С. Я. Разработка советскими учеными истории польского освободительного движения и российско-польских революционных связей // Новая и новейшая история. Москва, 1990. № 1.

² Айрапетов О. Р. Польское восстание 1863 года и Н. Н. Обручев // Россия и реформы. Сборник статей. М., Вып. 2. 1993. С. 34–39; Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. Егоров Б. Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Славянофильство и современность. Сборник статей. СПб., 1994. С. 23–32; Кострыкин А. И. Формирование новой конфессиональной политики в Царстве Польском (середина 60-х гг. XIX века) // Вестник МГУ. – Серия 8. – История. 1995. № 4. С. 57–70.

исследования интересующих нас проблем, можно выделить то, что несмотря на многообразие реформ в Царстве Польском после Январского восстания, которые влияли на весь спектр общественных отношений на этой территории, главное внимание в историографии уделялось крестьянской реформе и образовательной, в меньшей степени – административной, в еще меньшей – монастырской. В дореволюционный период проблемой реформ в Польше занимались И. Л. Горемыкин, В. Грабски, А. А. Корнилов, С. Любич, В. Мачеёвски, Г. Ф. Симоненко, П. К. Щебальский¹ и др.

В этих работах весьма подробно исследованы предпосылки крестьянской реформы, положение крестьян, крестьянское движение, аграрная политика правительства. Среди работ, посвященных реформе монастырей в Царстве Польском, можно выделить статью Д. Г. Анучина², который описывал ход закрытия монастырей, а также то, какое влияние это оказало на польское общество. Кроме того, в обобщающих работах историков дореволюционного периода по русской политике в отношении Царства Польского, предстают сведения о ходе реформ и их реализации – среди таковых работы А. А. Корнилова и Э. Пильца³.

В отечественной историографии советского периода одной из самых значительных работ по реформам в Царстве Польском в указанный период была работа И. И. Костюшко⁴, в которой дан анализ планов и реализации крестьянской реформы в Царстве Польском, а также показаны преобразования в части гминного и сельского управления. Крупных исследовательских работ по монастырской реформе в отечественной историографии советского периода не

¹ *Горемыкин И. Л.* Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1869; *Grabski W.* Historia Towarzystwa Rolniczego. Warszawa, 1904; *Корнилов А. А.* Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905; *Lubicz S.* Sprawa włościańska w Polsce porozbiorowej. Kraków, 1909; *Maciejowski W.* Historia włościan. Warszawa, 1874; *Симоненко Г. Ф.* Сравнительная статистика Царства Польского и других европейских стран. Т. 1. Варшава, 1879; *Щебальский П. К.* Н. А. Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1882.

² *Анучин Д. Г.* Монастырская реформа в Царстве Польском // Русская старина. СПб., 1902. Т. 112. № 12. С. 555–576.

³ *Корнилов А. А.* Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915; *Пильц Э.* Русская политика в Польше. Варшава, 1909.

⁴ *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962.

было — здесь в большей степени оказал влияние «политический заказ», монастырская реформа не входила в круг тем важных для рассмотрения. Гораздо большее внимание уделялось, например, национальной политике в отношении Польши во времена правления Александра III.

Значительное внимание вопросу реформ в Польше уделяли зарубежные авторы, в частности, польские. Реформам в Царстве Польском, их реализации, сути и проявлениям, посвящены работы А. Айненкеля, М. Бандурки, Х. Бродовской, С. Кеневича, И. Кобердовой, К. Конопки, М. Нетыкши, Я. Редера, В. Чвика, С. Щренёвского¹. М. Бандурка на примере территорий Лодзьского воеводства представляет административные и территориальные преобразования, в том числе и в период Царства Польского. При этом «административные изменения» у автора — это серьезные изменения в государственном устройстве администрации, а «территориальные» — изменения принадлежности территорий. Период после Январского восстания раскрывается слабо, но автор старается избегать однозначных оценок.

Исследование С. Кеневича «*Problem rewolucji agrarnej...*» представляет собой попытку первых выводов из полемики относительно истории крестьянского движения, которая велась в научных кругах в момент написания этой работы. Автор опирался на новейшие для того времени исследования.

И. Кобердова в своей работе пыталась найти связь между назначением великого князя Константина на должность наместника в Царстве Польском и

¹ *Ajnenkiel A. Administracja w Polsce. Zarys historyczny. Warszawa, 1977. Bandurka M. Zmiany administracyjne i terytorialne ziem województwa łódzkiego w XIX i XX w. Warszawa 1974, Brodowska H. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864–1904. Warszawa, 1967; Kieniewicz S. Problem rewolucji agrarnej w Polsce w okresie kształtowania się układu kapitalistycznego. Wrocław, 1956; Kieniewicz S. Problem rewolucji agrarnej w Polsce 18 i 19 w. Warszawa, 1955; Kieniewicz S. Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1953; Koberdowa I. Wielki Książę Konstanty w Warszawie, 1862–1863. Warszawa, 1962; Konopka K. Reforma uwłaszczeniowa w Królestwie Polskim i jej wpływ na ograniczenie obrotu gruntami włościańskimi (1864–1914). Białystok, 2007; Nietysza M. Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914. Warszawa, 1986; Ćwik W., Reder J. Lubelszczyzna. Dzieje rozwoju terytorialnego, podziałów administracyjnych i ustroju władz. Lublin, 1977; Śreniowski S. Studia nad prawem i stosunkami agrarnymi Królestwa Polskiego 1831–1864. Warszawa, 1963; Śreniowski S. Uwłaszczenie chłopów w Polsce. Warszawa, 1956.*

русской внешней политикой, а также определить значение этого кадрового решения для внутривполитической обстановки в Российской империи. Суть назначения Константина представляется автору шагом к либерализации русской политики в отношении к Польше. И. Кобердова затронула и ситуацию в высших кругах имперской власти. Работа опирается на обширную источниковую базу, среди которой присутствуют материалы государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга.

Несмотря на то, что С. Щреневски позиционировал свою работу, о которой упоминалось выше, как предмет для дискуссий, она представляла собой одно из первых крупных исследований, касающихся процесса освобождения крестьян на территориях, разделенных между тремя монархиями. Главное внимание уделяется землям Царства Польского. Автор полагал, что польская деревня была не только объектом реформ «сверху», но и активной движущей силой в процессе антифеодальных преобразований. Освобождение крестьян, по мнению С. Щреневского, являлось необходимой экономической переменой под влиянием борьбы крестьян против гнета помещиков и было лишь побочным результатом этой борьбы. По мнению исследователя, крестьянская реформа, проводимая сверху, не отвечала потребностям крестьян и принесла им больше вреда, чем пользы.

Общим недостатком отмеченных работ, при всей многосторонности тематики, является недостаточное внимание фактору влияния русских чиновников на процесс осуществления реформ. Большинство работ посвящено крестьянской реформе, преобразования же по монастырской части главным образом упоминаются лишь в обобщающих трудах¹.

В современных отечественных исследованиях вопрос преобразований в Царстве Польском затрагивается редко. Пожалуй, самой значимой работой в этом

¹ Grzybowski K. Historia państwa i prawa Polski. T. 4: Od uwłaszczenia do odrodzenia Państwa. Warszawa, 1982. Historia kościoła w Polsce. T. 2: 1764–1945. Cz. 1: 1764–1918. Poznań–Warszawa, 1979. Wybór tekstów źródłowych z historii państwa i prawa polskiego. T. 2. Warszawa, 1953.

отношении можно считать исследование М. Е. Нигалатий¹, которая в своей диссертации раскрыла суть реформы начального и среднего образования в Польше в 1860-е гг. Кроме того, можно выделить работы М. Д. Долбилова и А. И. Миллера², которые не только освещают реформы в Польше, но и убедительно раскрывают суть политики Российской империи по отношению к этой территории. Однако публикации затрагивают значительный отрезок времени, что неминуемо сказывается на подробности предпринятого анализа. Н. Г. Карнишина в своих исследованиях³ уделяет внимание статусу Царства Польского в составе Российской империи, национальной политике России в отношении национальных окраин.

Особое внимание стоит уделить работе Л. Е. Горизонтова⁴. Исследование посвящено взаимоотношениям Российской империи с Польшей, особенностям политики империи в отношении Польши. Весьма подробно рассматривается вопрос о привлечении представителей российского бюрократического аппарата в Польшу, о попытках русифицировать систему чиновников. Не обошел своим вниманием автор и вопрос национальной дискриминации Польши со стороны России.

Кроме того, автор на конкретном материале продемонстрировал результаты, к которым привела эта мера в контексте национальной политики Российской империи в Царстве Польском после Ноябрьского 1830–1831 гг. и после Январского восстания 1863–1864 гг. Однако вопрос противостояния в самой среде российских чиновников в Царстве Польском упоминается лишь вскользь.

В современной польской историографии крестьянская реформа в Царстве Польском практически не освещается, поскольку эта проблематика была хорошо

¹ *Нигалатий М. Е.* Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е – сер. 70-х гг. XIX в.: начальное и среднее образование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

² Западные окраины Российской империи / науч. ред. *М. Долбилов, А. Миллер*. М., 2006.

³ *Карнишина Н. Г.* Национальные окраины Российской империи в середине XIX – начале XX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 22–28. *Карнишина Н. Г.* Положение Царства Польского в составе Российской империи в XIX в. в оценках современников // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2010. № 3. С. 19–26.

⁴ *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы российской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

изучена в исследованиях авторов ранних эпох. Однако работы, посвященные российским реформам в Польше в 1860-х гг., все же встречаются. Среди таковых работы С. Гаевского¹, Я. Козловского². С. Гаевски в своей работе рассмотрел ситуацию, в которой оказались польские епископы после реформы монастырей в ноябре 1864 г. исследователь заострял внимание на факторах, которые оказали влияние на консолидацию духовенства в условиях противоречий, возникших между церковными законами и принципами, которые определялись новыми нормами, введенными российскими властями в Царстве.

В работах Я. Козловского содержатся характеристики института жандармерии в Царстве Польском после 1867 г., показана роль и значение этой структуры в системе власти в Польше во время Январского восстания и после него, дан анализ изменений организации и способов функционирования жандармерии до начала 1880-х гг. Другая Я. Козловского посвящена проблемам реализации административной реформы в Царстве. Одной из главных целей которой, по его мнению, заключалась в создании системы и институтов управления по имперским образцам.

Проблема реформ неминуемо затрагивает вопрос об исполнителях намеченных планов. Российские чиновники являлись непосредственными реализаторами задуманного, и именно от них — от их компетенции, эффективности, предпринимаемых действий, политических взглядов во многом зависел успех намеченных мероприятий.

Проблема российского чиновничества получила свое развитие в исследованиях дореволюционных историков. Уже в первой половине XIX в. рассматривалось формирование законодательства по этому вопросу, анализировалась роль бюрократии

¹ *Gajewski S. Biskupi Królestwa Polskiego wobec ukazu carskiego o klasztorach z 8 listopada 1864 roku // Echa Przeszłości, 2008. № 9. S. 143–154.*

² *Kozłowski J. Reorganizacja żandarmerii w Królestwie Polskim (1861–1864) // Przegląd Historyczny, 1996. T. 87. № 3. S. 579–589. Kozłowski J. Żandarmeria w Królestwie Polskim w latach 1867–1880 // Przegląd Historyczny, 1998. T. 89. № 1. S. 49–68. Kozłowski J. Straż ziemska w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny, 2000. T. 91. № 4. S. 519–534. Kozłowski J. Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny, 1998. T. 89. № 2. S. 233–250.*

в реализации намеченных решений¹. Начало второй половины XIX в. ознаменовалось новыми исследованиями, среди которых можно выделить работу А. И. Вицина². Новый этап изучения истории местного и центрального управления, а также системы самоуправления в России принесли исследования И. Е. Андриевского, Н. В. Варадинова, Б. Б. Веселовского, А. Д. Градовского³ и др. преимущественно это были работы обобщающего характера.

В советской историографии вопрос чиновничества получил развитие после середины 1950-х гг., когда у историков появилась возможность обратиться к массовым архивным материалам. Постепенное накопление материала привело к созданию в 1970-х гг. ряда фундаментальных исследований высокого уровня с широким использованием различного вида исторических источников. Работы касались таких новых факторов, как повседневность государственной службы, отношение российского дворянства к государственной службе. Сюда можно отнести работы П. А. Зайончковского, А. П. Корелина, С. М. Троицкого, В. Г. Чернухи⁴.

Например, П. А. Зайончковский в своей работе на основе обширной источниковой базы исследовал особенности службы российских чиновников – их состав, законодательство, регулировавшее службу, численность, материальное положение. Кроме того, была дана общая характеристика реформ и внутренней политики до начала XX в. Автор также убедительно показал влияние экономического развития страны на функционирование государственного аппарата. В. Г. Чернуха в своем исследовании осветила политику самодержавия в области государственного управления. Автор полагал, что правительственная

¹ Дюгамель К. О. Опыт государственного права Российской империи. СПб., 1833.

² Вицын А. И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств. Казань, 1855.

³ Андриевский И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1905; Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел: в 2-х ч. СПб., 1858–1863; Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в 4-х ч. СПб., 1909–1911; Градовский, А. Д. История местного управления в России. Т. 1. Введение. СПб., 1868.

⁴ Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978; Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979; Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии. М., 1974; Чернуха В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978.

политика в области государственного управления свидетельствовала о неспособности самодержавия решить задачу приспособления государственного строя к новым реалиям.

В польской историографии вопрос персонального участия чиновников в реализации российской политики в Царстве Польском не получил должного развития и не являлся предметом обстоятельных исследований вплоть до конца XX в. Работы по гражданской администрации в Польше после Январского восстания, в основном, представляли собой анализ юридических актов, определявших организацию и функционирование органов гражданской администрации, а также других структур государственной власти на территории Царства Польского. При этом вопрос персонального состава и участия или не упоминался, или практически не затрагивался. Исключением являлась работа А. Коробовича¹, посвященная устройству судов в период с 1876 по 1915 гг. В ней автор на фоне описания перемен в судебном устройстве Царства Польского широко представил кадровую политику царских властей в отношении этих органов, углубился в изучение вопроса личного состава. А. Коробович приходит к выводу, что русификация должностей судебной системы проходила медленно и сталкивалась с большими трудностями. К ним автор относил нежелание чиновников из империи занимать посты в Польше ввиду отличной от российской правовой системы, а также по причине политики, проводимой теми, кто суды возглавлял. Главы судов проводили кадровую политику, которая расходилась с русификаторскими намерениями имперских властей. Подобная ситуация в судебных органах, где поляки вплоть до 1915 г. занимали многие должности, ставит вопрос не встречались ли подобные явления и в гражданской администрации.

Более обстоятельное изучение проблемы персонального участия чиновников в гражданском управлении Царства Польского получило в работе

¹ Korobowicz A. Sądownictwo Królestwa Polskiego 1876–1915. Lublin, 1995.

Я. Козловского¹. Исследование проводилось на базе материалов из российских архивов, где автор использовал послужные списки чиновников. Работа охватывает период с 1867 по 1875 г., автор попытался создать своего рода обобщающий портрет высших уездных и губернских начальников, при этом он не раскрывает степени участия и влияния чиновников на реализацию российской политики. Нельзя обойти стороной и исследования А. Гурака², посвященные деятельности центральной российской администрации, местной губернской власти в Царстве Польском, а также институту губернаторства в Польше.

Исследование Л. Химяка³ касается персонального участия варшавских генерал-губернаторов, а также губернаторов 10 польских губерний в реализации имперской политики в Польше в период с начала Январского восстания до начала Первой мировой войны. Автор представляет чиновников на указанных должностях в качестве одной общности, выделяя ее характерные черты, оказывавшие влияние на реализацию царской политики в Царстве Польском. К ним относятся происхождение, вероисповедание, образование, политические взгляды, финансовая состоятельность и др.

Среди польских историков, внесших заметный вклад в изучение указанной проблематики, особенно стоит выделить труды А. Хвальбы⁴, Х. Глембоцкого⁵ и Г. Смыка⁶. А. Хвальба посвятил свое исследование «*Polacy w służbie Moskali*»

¹ *Kozłowski J.* Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // *Przegląd Historyczny*, 1996. T. 87. № 4. S. 819–841.

² *Górak A., Latawiec K.* Rosyjska administracja specjalna w Królestwie Polskim, 1839–1918. Lublin, 2015. *Górak A.* Organizacja i kancelaria zarządów powiatowych w Królestwie Polskim (1867–1918) // *Urzędy władzy, organy samorządowe i kościelne oraz ich kancelarie na polsko-ruskim pograniczu etnicznym i kulturowym do roku 1914*. Lublin, 2010, S. 323–388. *Górak A.* Governors in governorates Kingdom of Poland: selection of candidates and the political goals of the empire // *Wschodni Rocznik Humanistyczny*. T. XII. Lublin, 2015. S. 101–110.

³ *Chimiak L.* Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim w latach 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego, Wrocław, 1999.

⁴ *Chwalba A.* Imperium korupcji. Korupcja w Rosji i Królestwie Polskim w latach 1861–1917. Kraków, 2006. *Chwalba A.* Polacy w służbie Moskali. Warszawa-Kraków, 1999.

⁵ *Głębocki H.* Fatalna sprawa : kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866).

⁶ *Smyk G.* Korpus urzędników cywilnych w guberniach Królestwa Polskiego w latach 1867–1915. Lublin, 2004. *Smyk G.* Administracja publiczna Królestwa Polskiego w latach 1864–1915. Lublin, 2011.

полякам, главным образом, жителям Царства Польского, которые находились на службе в российских органах управления. В администрации, судах, сфере образования, полиции в период с 1864 по 1915 гг. Автор предполагает, что поляки были вынуждены служить в российской администрации. А. Хвальба затронул один из важных вопросов – мог ли поляк быть патриотом, находясь при этом на службе для России, на которой он должен был исполнять поручения, которые были призваны русифицировать Царство. Исследование является важным в контексте рассмотрения ситуации в бюрократическом аппарате, проливает свет на деятельность поляков после Январского восстания, показывает отношение польских исследователей к рассматриваемой проблеме.

В другой своей работе «*Imperium korupcji...*» автор исследовал особенности коррупции в Российской империи с 1861 по 1917 гг. Он рассматривает коррупцию не только как взяточничество, но и как растраты, хищения и т. д. Говоря о сути коррупции в империи, автор попытался представить ее размеры, выяснить была ли она отклонением от моральной и общественной нормы. Кроме того, А. Хвальба оценивал ее влияние на экономику.

Главной темой исследования Х. Глембоцкого являлся отношение к польско-российскому конфликту в просвещенных слоях российского общества. Автор попытался найти связь между зачатками российского общественного мнения и политикой в отношении «непокорных» подданных. При этом он затрагивает не только спор о способах пачификации и долгосрочных изменениях в отношении Царства Польского после 1863 г., но и вопрос о возможности использования «польской карты» в борьбе чиновников за реформы середины 60-х гг. XIX в. на окраинах империи (Северо-Западный край, Царство Польское), а в более широком смысле – вопрос национальной политики. Х. Глембоцкий в своем исследовании показал генезис и основные тезисы программы «милютиновского крыла» Учредительного Комитета.

Г. Смык в исследовании «*Korpus urzędników...*», кроме прочих важных вопросов попытался представить организацию гражданского управления в

Царстве Польском. Автор изучил формально-правовой статус чиновников, дал характеристику корпусу чиновников в Царстве, например, по таким критериям, как образование, стаж, материальное положение. Г. Смык также достаточно близко изучил и показал взаимоотношения в аппарате гражданских чиновников, а также особенности русификации и верификации этой среды. Исследование проведено на обширной источниковой базе польских архивов Варшавы, Радома, Кельца, Плоцка, Лодзи, Белостока, использовались и нормативные акты органов гражданского управления в Царстве Польском, а также сборники законов, памятные книги губерний.

В другой своей работе «Administracja publiczna...» Г. Смык проводит комплексное исследование, сравнивающее систему административного управления в Царстве Польском и Российской империи, с выделением схожих черт и отличий в их организации и функционировании. Автор попытался верифицировать тезис о полной унификации Царства Польского и деполонизации аппарата чиновников. Г. Смык провел глубокий анализ правовых актов, определявших основания и способы функционирования административного аппарата в Польше.

Таким образом, работы польских ученых, отразившие роль чиновников в реализации русификационной политики империи в Царстве Польском, безусловно, вносят существенный вклад в рассмотрение проблемы. Однако в них главным образом изучался период после 1867 г., когда была объявлена административная реформа. И хотя речь идет и о русских чиновниках, роль верхушки российской администрации в Польше в процессе реализации государственной политики практически не рассматривается. Из известных нам исследований только К. Гронёвски в своей статье уделил внимание проблеме противостояния Н. А. Милютина и Ф. Ф. Берга в процессе выработки российской политики в Польше после Январского восстания¹.

¹ Groniowski K. Walka Milutina z Bergiem : (spór o reorganizację Królestwa Polskiego po roku 1863) // Kwartalnik historyczny. R. 69. № 4. Warszawa, 1962. S. 891–906.

В современной российской историографии российскому чиновничеству уделено немало внимания. Ему посвящены исследования Т. В. Борисенка, В. А. Иванова, Л. М. Лысенко, Н. Г. Карнишиной Ю. Б. Павлюка, Ю. Н. Токмановой, Д. Н. Шипова¹ и др. Однако при всей широте и многогранности работ, внимание проблеме роли российского чиновничества в подготовке и реализации реформ 1860-х гг. в Царстве Польском уделено немного. Например, личность наместника в Царстве Польском Ф. Ф. Берга во время его службы на этих территориях изучена слабо, несмотря на наличие работ о чиновнике в ранний период его государственной службы. Деятельность В. А. Черкасского в Польше с 1864–1866 гг. изучена лучше, но главным образом она рассматривается с точки зрения подготовки и реализации крестьянской реформы 1861 г., а его служба в Царстве Польском подчинена освещению главного сюжета исследования.

Рассмотренная историография общей проблемы влияния политических элит на ход подготовки и реализации реформ на территории Польши, позволяет прийти к выводу о необходимости дополнительных исследований особенностей формирования российской политики на этой территории, а еще в большей степени – условий ее осуществления и последствий для местного населения. Предпринятый анализ сыграл решающую роль в выборе темы исследования, его цели и задач.

Цель исследования – установить, как противоречия в среде русских чиновников в Царстве Польском повлияли на разработку и реализацию российских реформ 1864–1866 гг. на территории Польши.

¹ *Борисенок Т. В.* Образ чиновничества в России и во Франции во второй половине XIX века: дис. ... канд. культурол. наук. М., 2001; *Иванов В. А.* Губернское чиновничество России в 50–60-х гг. XIX в. М., 1998; *Карнишина Н. Г.* Институт губернаторства в Российской империи во второй половине XIX века // *Международный научно-исследовательский журнал*, 2015. № 6-2 (37). С. 63–64. *Карнишина Н. Г.* Реформы местного управления в оценках чиновников второй половины 19 века // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2008. № 4. С. 20–31. *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы в системе власти дореволюционной России: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001; *Павлюк Ю. Б.* Российское чиновничество в системе местного управления в первой половине XIX века (на материалах Московской и Тверской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2003; *Токмакова Ю. Н.* Провинциальное чиновничество центральной России в 1801–1861 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2011; *Шипов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. СПб, 2001.

Задачи исследования:

- показать особенности политической ситуации и специфику российской политики в Царстве Польском в 1860-е гг.;
- определить характер взаимоотношений в высших политических кругах Российской империи начала 1860-х гг., выявить специфику механизма принимаемых важнейших решений;
- отобразить особенности соотношения политических сил в условиях подготовки и в ходе осуществления реформ в Царстве Польском;
- выявить основных участников политического процесса в Царстве Польском и степень их влияния на решения, принимаемые Александром II;
- проанализировать деятельность российской гражданской администрации в Царстве Польском по осуществлению реформ в рассматриваемый период;
- отобразить сущность процессов, сопровождавших работу над подготовкой и осуществлением реформ в Царстве Польском в 1864–1866 гг.

Объектом исследования являются реформы в Царстве Польском.

Предметом исследования выступает вклад российских чиновников в осуществление реформ в Царстве Польском.

Хронологические рамки исследования. Исследование охватывает временной отрезок с 1863 г., который ознаменовался Январским восстанием, явившемся отправной точкой для решительных действий в деле реформирования Царства Польского. Ограничивается работа концом 1866 г., когда подошел к завершению первый этап реформ, проводившихся при непосредственном участии Н. А. Милютина и В. А. Черкасского. В конце 1866 г. болезнь Н. А. Милютина, не позволившая ему активно участвовать в последующих преобразованиях, и отставка В. А. Черкасского, игравшего одну из ключевых ролей в реформах, изменили расстановку сил и вектор последующего развития отношений в Царстве Польском.

Обзор использованных источников. Для реализации поставленных целей и задач использовался широкий круг источников. К первой их группе относятся

официальные государственные указы, касавшиеся Царства Польского – постановления, манифесты, главным образом исходящие от российских императоров (Николая I и Александра II), мнения Государственного совета, приказы военного министра, журналы Комитета и Совета министров, вошедшие во Второе собрание (1825–1881 гг.) «Полного собрания законов Российской империи» (ПСЗРИ). Изучение законодательных актов позволило определить суть российских преобразований на территории Польши в рассматриваемый период, выявить особенности реакции властей на процессы, происходившие в Царстве Польском, раскрыть характер предпринимаемых попыток разрешения польского вопроса, и реализации национальной политики в отношении окраин.

«Dziennik praw Królestwa Polskiego», в частности тома с 14 по 68, использовался для выявления сущности российских преобразований после Январского восстания. В этом собрании законов публиковались не все законодательные акты, а лишь те из них, которые рассматривались как наиболее важные: Высочайшие указы императора и указы наместника, а также ведомственные акты (постановления Совета управления в Царстве Польском и постановления Учредительного комитета).

Среди ключевых для нашего исследования можно выделить Высочайшие указы от 19 февраля (2 марта) 1864 г. «Об устройстве крестьян в Царстве Польском», «Об устройстве сельских гмин», «О ликвидационных комиссиях», «О порядке введения в действие новых о крестьянах постановлений»¹, которые определяли порядок проведения крестьянской реформы в Польше. «Высочайшие утвержденные правила о способах содержания и порядке управления Римско-Католических монастырей» от 22 ноября (4 декабря) 1864 г. были основным документом, положившим начало монастырской реформе, одним из главных указов дополнявшим ее был, например, «Указ об устройстве светского Римско-Католического духовенства в Царстве Польском»².

¹ Dziennik praw Królestwa Polskiego (далее – DPKP). Т. 62. Warszawa, 1864. S. 4–175.

² DPKP. Т. 63. Warszawa, 1865. S. 14–37; 368–407.

Кроме основных указов было еще и множество связанных с ними распоряжений, которые также играют свою роль в уточнении сути преобразований. Здесь имеются в виду не только документы, касающиеся крестьянской и монастырской реформ, но и административной реформы, организации военно-полицейского управления, изменений по части образования в Польше.

Ведомственные акты были направлены на реализацию основных законодательных решений и представляют также значительный интерес. К этим источникам можно отнести опубликованные в нескольких томах «Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском»¹, позволяющие более полно изучить активность властей в Царстве Польском по претворению законов в жизнь.

Помимо опубликованных источников этого направления, в исследовании использовался широкий круг источников личного происхождения. В процессе работы были задействованы материалы Archiwum Główny Akt Dawnych в Варшаве: фонд 203 «Наместника и главнокомандующего армией в Царстве Польском»². Эти документы этого фонда охватывают период с 1833 по 1865 г. В частности, здесь содержатся биографические материалы генерала Ф. Ф. Берга, включающие в себя замечания, записи, конспекты, списки корреспонденций, и даже анекдоты о наместнике.

В Archiwum Główny Akt Dawnych также находится фонд «Государственного совета Царства Польского»³, в котором находятся делопроизводственная документация, связанная с функционированием этого органа, проблемами и задачами, которыми он занимался, присутствует информация о принятых решениях, которые были в компетенции Государственного совета.

В числе российских архивов в работе используются материалы Государственного архива Российской Федерации. В фонде «Третьего Отделения собственной его императорского величества канцелярии» содержатся документы

¹ Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском: Т. 1–9. Варшава, 1864–1867.

² Archiwum Główny Akt Dawnych (AGAD), zespół 203 (Namiestnik i Głównodowodzący wojskami w Królestwie Polskim; Namiestnik i Głównokomandującą Armiej w Carstwie Polskom).

³ AGAD, zespół 188 (Rada Administracyjna Królestwa Polskiego).

о политике в Царстве Польском и западных губерниях Российской империи после 1863 г., сведения об административном управлении. В фонде «Лобанова-Ростовского Алексея Борисовича» имеются сведения о внешней политике империи, а также хранятся политические обзоры Царства Польского за 1861–1868 гг. В фонде «Берга Федора Федоровича» находятся материалы об административном управлении Польшей в 1863–1873 гг. Здесь же имеются и источники личного происхождения, например, переписка Ф. Ф. Берга с представителями здешней администрации.

В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (РГИА) наиболее важным для исследования представляется фонд 869 (Милютиных), в котором, кроме материалов личного происхождения, включающих, в том числе письма жены Н. А. Милютина, затрагивающие проблемы Царства Польского, присутствуют и материалы, касающиеся непосредственно службы чиновника, его участия в польских реформах.

Наибольший интерес для исследования представляют материалы фонда Черкасских¹, хранящиеся в научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. В нем содержатся многочисленные материалы, связанные с разработкой и реализацией реформ в Царстве Польском. Большую ценность представляет дневник жены князя – Е. А. Черкасской, в котором содержатся сведения о службе В. А. Черкасского в Варшаве. Здесь же хранится переписка В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным и Ю. Ф. Самариным по польскому делу, которая является, пожалуй, главным источником для нашего исследования.

Переписка Николая Алексеевича Милютина и Владимира Александровича Черкасского позволяет взглянуть на ход событий глазами непосредственных участников происходивших событий. В информационном плане – это источники личного происхождения с элементами делового и частного письма. Круг вопросов, который затрагивался в них, главным образом был связан с

¹ Российская государственная библиотека им. В. И. Ленина, научно-исследовательский отдел рукописей. Фонд 327 (Черкасские).

проблематикой реформ и вопросов, напрямую их касавшихся. Лишь временами присутствовали частные вопросы, посвященные семейным отношениям, общим знакомым, непосредственно не связанным со служебными обязанностями корреспондентов.

Характер взаимоотношений князя В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным определялся с одной стороны служебной иерархией: князь являлся в какой-то степени подчиненным Н. А. Милютина, но годы совместной работы, общность взглядов в значительной мере сблизили их, превратив в близких по духу товарищей. В этих письмах затрагиваются основные значимые события, которые проливают свет на политику Российской империи, содержатся интересные оценки происходившего, сделанные непосредственными участниками событий.

Необходимо учитывать специфику переписки как исторического источника. Данные письма имели характер личной корреспонденции, не предназначенной для широкого круга лиц, оба автора «пропускали события» через собственное восприятие.

Стоит отметить, что субъективность некоторых оценок в письмах В. А. Черкасского к Н. А. Милютину, достаточно высока, так как иногда князь рассказывал о произошедшем излишне эмоционально. Поэтому при работе с данным видом источника необходимо учитывать особенности подачи информации, личностное восприятие определенных событий автором письма. В то же время переписка В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным позволяет по-новому интерпретировать уже известные факты, а то, что письма были написаны сразу после произошедших событий, повышает ценность источника и его уникальность.

Достоверность рассматриваемой переписки увеличивает то обстоятельство, что в основном письма отправлялись не по почте, а неофициальным путем, что позволяло не опасаться перлюстрации, давало возможность не сглаживать оценки, не сдерживаться в выражении собственного мнения по тем или иным вопросам, хотя наиболее важные подробности, судя по содержанию переписки, в

исключительных случаях не доверялись бумаге и передавались устно через доверенных лиц.

Следует также сказать о трудностях, которые сопровождают работу исследователя с подобным видом документов. Это и состояние бумаги, на которой было написано то или иное письмо более 150 лет назад, и проблемы с расшифровкой почерка. Порой это очень неразборчивый текст, а иногда только одно слово, которое, тем не менее, является ключевым для понимания сути послания. Часть писем была написана на иностранном языке, что вместе с неразборчивым почерком создавало серьезные препятствия для расшифровки содержания. Нередко присутствуют вставки из латинских и французских слов. Наконец, часто встречается упоминание определенных лиц, которые известны корреспондентам, но в силу незначительности их вклада в исследуемые события, трудно поддаются определению современным читателем.

За время работы над исследованием было обработано более 300 писем В. А. Черкасского и Н. А. Милютина, а также более тысячи листов других писем и рукописных документов, которые имели схожие проблемы в содержании и форме изложения.

В диссертационном исследовании также использовалась польская периодическая печать. Подавление Январского восстания отразилось на интересе читателей к газетным изданиям. Происходило это на фоне эмиграции, ссылок и депортаций участников политической борьбы, которые представляли собой значительную часть аудитории газет и журналов. Свою роль сыграли и протестные настроения по отношению к царской власти и проводимой ей политике – информацию, проходящую через серьезное цензурирование, люди попросту не хотели читать. Ситуация начала меняться во второй половине 1860-х гг. на фоне поисков новых путей борьбы в кругах местной (польской) интеллигенции. Количество газет и журналов начало расти.

Стоит отметить, что середина 60-х гг. XIX в. была переходным периодом не только в государственной политике в отношении Польши, но стала таковым и для

периодической печати. В нашей работе в качестве ключевых изданий выступают «Dziennik Warszawski» – проправительственная газета, выходившая в Варшаве, краковский «Czas» и «Dziennik Poznański», печатавшийся на территории Пруссии в г. Познань. В контексте проводимого исследования нас, прежде всего, интересовала оценка событий, происходящих в Царстве Польском. В этом отношении «Dziennik Poznański» и «Czas» занимали схожую «пропольскую» позицию, по мнению изданий, целью российской власти являлась тотальная ассимиляция и русификация поляков, нахождение русских чиновников в Царстве вредило Польше и, соответственно, не позволяло надеяться на ее возрождение, как самостоятельного и независимого государства. «Dziennik Warszawski» будучи, фактически, государственным изданием парировал обвинения изданий, критиковавших сложившуюся в Царстве Польском систему. Разумеется, события в газете представлялись в выгодном для власти свете.

В исследовании при помощи этих изданий удалось уточнить особенности восприятия современниками происходивших событий, посмотреть на них через полемику, развернувшуюся в газетах разного политического направления.

При работе с указанным типом источников необходимо учитывать трудности и определенную его специфику. Помимо большого объема этих ежедневных газет, свою роль играл и способ подачи информации. Несмотря на то, что в изданиях «Czas» и «Dziennik Poznański» имелись отдельные колонки, посвященные событиям в Царстве Польском, важные детали встречались, например, в авторских колонках и в заметках корреспонденций. «Dziennik Warszawski», по сути, полностью был посвящен происходящему в Царстве Польском, количество страниц достигало порой 12-14 в каждом из ежедневных номеров.

К особенностям данного типа источника можно отнести и идеологический аспект, напрямую зависящий от видения ситуации редакцией и цензурой. Это заставляет рассматривать представленную информацию под определенным углом и вносить коррективы при ее обработке. Значительное число документов вводится

в научный оборот впервые применительно к исследованию особенностей деятельности российской гражданской администрации в Царстве Польском.

Методологическую основу исследования представляют важнейшие принципы объективности и историзма. Принцип историзма является стержневым и объединяет все уровни исторического исследования, не допуская модернизации исторических процессов и событий, позволяя видеть их в реальном развитии, а также в их взаимосвязи. Принцип историзма применительно к нашему исследованию заключается в рассмотрении событий и явлений, происходящих в Царстве Польском, а также в высших кругах власти на этих территориях, в контексте эпохи реформ XIX в.

Были использованы как общенаучные методы познания (анализ, синтез, описание), так и конкретно исторические: проблемно-хронологический и сравнительно-исторический. При поиске источников, их классификации и упорядочении информации использовался системный подход. Применение проблемно-хронологического метода вызвано необходимостью рассмотрения отдельных этапов реформ в Царстве Польском. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить общее и особенное в сравнении реформ.

Новизна методологического подхода в представленном исследовании состоит в том, что реформы в Царстве Польском рассматриваются через призму борьбы политических элит, что позволяет проанализировать внутренний механизм принятия ключевых решений, выявить факторы влиявшие на ход выработки политики в отношении того или иного вопроса. Анализ противоречий сторон, боровшихся за реализацию собственного видения решаемых проблем, а зачастую и обычных личных интересов, позволяет понять суть происходивших изменений, перспективы тех или иных вариантов развития событий. Исследование мотивации политических групп, принимавших участие в борьбе за претворение своих интересов в Царстве Польском, позволяет составить представление о национальной политике Российского государства не только на отдельно взятой территории, но и в целом в масштабах всего государства.

Научная новизна заключается в расширении представлений о российских реформах 1864–1866 гг. в Польше. Уточнена суть проведения указанных преобразований на территории Царства Польского. Конкретизирована роль отдельных личностей в процессе реформирования Польши после Январского восстания. Выделена взаимосвязь личных интересов некоторых представителей политического аппарата и их участия в преобразованиях. Впервые рассмотрена борьба в высших кругах Царства Польского как одно из условий российской политики в Польше в 1864–1866 гг. Дополнены политические портреты российских чиновников, задействованных в указанном процессе. Представлен новый ракурс и особенности решения польского вопроса в условиях середины 60-х гг. XIX в.

Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования, построенного на обширной источниковой базе, могут быть использованы для дальнейшего изучения истории российско-польских отношений, расширяя представления об особенностях государственной политики России в отношении национальных окраин, а также о тех процессах, которые протекали в высших государственных кругах. На основе полученных данных могут быть подготовлены научные статьи, а также учебные пособия для чтения специальных курсов на исторических факультетах высших учебных заведений, материалы исследования могут стать основой для проведения практических занятий на историческом факультете.

Положения, выносимые на защиту.

Все преобразования Российской империи в Царстве Польском и политика в отношении этих территорий как в мирное время, так и в периоды обострения отношений, вне зависимости от их успешности велись в рамках одной «концепции», которая подразумевала, что Польша должна оставаться частью Российской империи.

Представители высшего бюрократического аппарата Российской империи находились в постоянном внутреннем конфликте, который исходил главным

образом от консервативной ее части. При этом этот конфликт был напрямую связан с предпочтениями, которые делал император Александр II в пользу той или другой стороны.

Русское административное управление в Царстве Польском имело значительное отличие от имперских образцов. Несмотря на стремление к унификации аппарата чиновников в Польше, создавались новые органы, ответственные за разработку и реализацию политики в отношении этих территорий.

Главные противоречия между представителями Российской империи в политической среде Царства Польского сложились уже в первые месяцы 1864 г., когда началась активная деятельность, связанная с реформами на этой территории. В конфликте сталкивались интересы наместника Ф. Ф. Берга и его сторонников с одной стороны, и приверженцы идей Н. А. Милютина и представителей ветви администрации под предводительством В. А. Черкасского.

Главным фактором, определяющим вектор политического процесса в Царстве Польском, были интересы представителей бюрократического аппарата в Варшаве, в частности, Ф. Ф. Берга и Н. А. Милютина, которые по своему усмотрению реализовывали поставленные задачи. При этом свою деятельность они не всегда соотносывали с предписаниями, исходившими от императора Александра II.

Борьба в среде чиновников значительно осложняла политический процесс в Царстве Польском, что непосредственно влияло на конечный результат. Однако конфронтация позволяла удерживать чиновников от тотального посягательства на интересы империи в угоду личной выгоде. Несмотря на сложности, связанные с устройством такой системы, задачи по преобразованиям в Царстве Польском были выполнены.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования нашли свое отражение в авторских публикациях и докладах на конференциях. Было опубликовано всего 5 научных статей, из них статей ВАК – 3. Деятельности В. А.

Черкасского в Царстве Польском, а также его взглядам по поводу тех или иных преобразований было посвящено выступление на VIII Польско-российской школе «История – политика – культура» в г. Варшава и г. Гданьск (2015 г.). Выступление с докладом «Public moods in the Kingdom of Poland in 1860–1863» на международной конференции «The youth of the 21st century: education, science, innovations» в г. Витебск, (2014 г.).

Работа состоит из введения, заключения, 2 глав, которые в свою очередь делятся на три параграфа, списка источников и используемой литературы.

Глава I. Характерные особенности политики Российской империи в отношении Царства Польского

1. 1. Преобразования в Царстве Польском как отражение государственной политики в отношении национальных окраин в 1860-е гг.

Вопрос реализации реформ в Царстве Польском стоял достаточно серьезно на протяжении всего периода нахождения этих территорий в составе империи. За 50-летний срок после Венского конгресса, когда было образовано Царство Польское, произошло очень много событий, оказавших влияние на ход и суть преобразований. Для понимания процесса реализации, хода и сути реформ середины 1860-х необходимо учитывать то, какие были реформы до этого. Устройство Царства Польского определялось конституцией, которая была утверждена 15 (27) ноября 1815 г. в Варшаве. Царство Польское, согласно этому документу, навсегда становилось частью Российской империи, император, его наследники и потомки владели титулом Короля Польши, который являлся верховной властью. Царь назначал сенаторов, министров, членов Государственного совета, председателей различных комиссий, судей, а также других должностных лиц. На случай отсутствия императора в Царстве Польском, назначался наместник, которым кроме Великого князя мог стать только местный уроженец или лицо, которому было предоставлено гражданство. Наместник (пока отсутствовал император) стоял во главе Государственного совета, который разделялся на Совет управления и Общее собрание. Члены Совета управления имели только совещательное право голоса, все решения принимал наместник. Для назначения царем наместник мог предлагать кандидатуры епископа, архиепископа, министра, высшего судьи, сенатора, члена государственного совета¹.

¹ Данный порядок устанавливала Глава III (О наместнике и Государственном совете) Конституции Царства Польского 1815 г. (Текст конституции: http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html (дата обращения 11.02.2016)).

Международные отношения Польша самостоятельно вести не могла, они входили в компетенцию имперских властей, однако была сохранена польская армия, расходы на содержание которой несло Царство Польское.

Конституцией объявлялись основные гражданские права, например, свобода передвижения и перемещения своего имущества, свобода печати, равенство перед законом, неприкосновенность частной собственности. Польский народ имел право на народное представительство в двухпалатном Сейме. Сейм должен был собираться каждые два года сроком на 30 дней. На нем обсуждались проекты гражданских, административных, уголовных законов, представляемых царем и Государственным советом, который исполнял роль правительства. Обе палаты сейма совещались публично. Первая палата именовалась Сенатом и состояла из принцев, епископов, воевод, каштелянов. Сенаторы назначались пожизненно. Вторая – Палата послов состояла из 70 послов, избранных собраниями дворянства по одному на повят, и из 51 депутата, избранного гминами, каждый два года третья часть Сейма избиралась заново¹.

Судебная власть в Польше была конституционно независима, судьи назначались царем пожизненно. Учреждались мировые суды, суды первой инстанции, коммерческие суды, суды для уголовных дел и полиции, апелляционные палаты, Высший суд, Верховный государственный суд².

Оценки этой конституции противоречивы, ее считают одной из самых прогрессивных в Европе того времени³. Однако в ней были заложены механизмы, позволявшие при необходимости этот документ обойти. Это было вполне логичным, поскольку право на владение Польшей отстаивалось на Венском конгрессе не для того, чтобы Царство ощущало себя самостоятельным государством под протекцией империи.

¹ Народному представительству посвящена Глава I Титула IV Конституции Царства Польского.

² См: текст Конституции http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html (дата обращения 11.02.2016).

³ См: *Щеголев С. И.* Александр I и Польская конституция 1815 г. // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. СПб., 2014. № 12. С. 85.

В течение 15 лет система регулировалась конституцией, однако ее статьи постоянно нарушались. Это приводило к потере доверия к царской власти в Царстве Польском. Подавление либеральной оппозиции в Сейме, стремление поляков к независимости, нарушение заявленных прав привели к распространению радикальных идей и созданию тайных организаций. Это в итоге привело к восстанию, вспыхнувшему 17 (29) ноября 1830 г., в историю оно вошло как Ноябрьское восстание. Последствием вооруженной борьбы 1830–1831 гг., явилось не только изменение отношения к российской власти в Польше, но и появление нового подхода в отношении к Царству Польскому в империи. На фоне изменявшихся русско-польских отношений формировалась и новая российская политика.

Регулировать отношения в Царстве после Ноябрьского восстания был призван Органический статут 1832 г.¹, заменивший конституцию, который, впрочем, также нарушался. Управлять Царством Польским был призван Совет управления, под председательством наместника. В компетенцию Совета входило рассмотрение и составление проектов новых законов и уставов, относящихся к общему управлению, разрешение споров между правительством и судами, рассмотрение представлений и просьб областных чинов и Советов воеводств о нуждах края, рассмотрение бюджета Царства. Языком делопроизводства был польский. Местные органы власти также были сохранены, как и прежнее административное деление. Одним из значимых моментов являлось введение практики замещения должностей в администрации русскими чиновниками².

В общем и целом, манифест декларировал нормы сопоставимые с конституцией, и польская государственность сохраняла свою автономию в составе империи. На практике же, многие положения так и остались невыполненными.

¹ Манифест 14 февраля 1832 года. О новом порядке управления и образования Царства Польского (http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Nicolai_I/man14021832.html) (дата обращения: 6.03.2016 г.).

² См: там же.

Политические последствия восстания 1830–1831 гг. для Польши были не такими суровыми, как можно было ожидать¹.

В 1834 г. в Царстве Польском было введено военное положение, причиной тому были революционные брожения, которые имели место на этих территориях. Был взят курс на включение Польши в состав империи на правах обычной российской провинции. Среди мер, которые об этом свидетельствовали можно выделить ликвидацию местных особенностей административного устройства. Еще в 1832 г. был учрежден Департамент дел Царства Польского при Государственном совете Российской империи, целью его было согласование местного законодательства с имперским. В 1837 г. произошло переименование воеводств в губернии², в 1839 г. создание Варшавского учебного округа, который был подчинен Министерству народного просвещения³.

В 1841 г. был упразднен Государственный совет Царства Польского и высшая палата суда, которые были заменены двумя Департаментами и Общим собранием Сената⁴. В том же году в Царстве Польском были введены российские деньги, в 1848 г. – русские стандарты мер и весов⁵, а в 1850 г. были отменены таможенные границы⁶. Однако, несмотря на это, полного включения Польши в состав империи за время царствования Николая I так и не произошло.

Со смертью в 1855 г. Николая I уходила, по сути, целая политическая эпоха, особый политический уклад, сохранявшийся на протяжении почти 30 лет. Одной из отличительных его черт являлось стремление игнорировать происходившие временные изменения, преодолевать складывавшиеся объективные реалии. Это касалось многих сторон жизни империи, включая внутреннюю и внешнюю

¹ См: *Луферчик Е. Г.* Органический статут Царства Польского 1832 г. // Сборник работ 69-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 14-17 мая 2012 г. г. Минск. Минск, 2013. Ч. 2. С. 185.

² См: Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание второе (1825–1881). Т. 12. С. 293. № 10203.

³ См: там же. Т. 14. С. 886. № 12908.

⁴ Там же. Т. 16. С. 822. № 14852.

⁵ Там же. Т. 23. С. 53. № 21907.

⁶ Там же. Т. 25. С. 14. № 24533.

политику. Империи были необходимы внутренние преобразования, во внешней политике также необходимо было восстановить свой авторитет после тяжелого поражения в Крымской войне, к которому привел прежний режим. Новый император – Александр II понимал всю тяжесть сложившегося положения, осознавал необходимость назревших реформ. Это было главным фактором, обуславливающим российскую политику конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в.

Перемены затронули и Польшу, где закончился 25-летний период власти наместника Ивана Федоровича Паскевича, назначенного на эту должность после подавления выступления польских повстанцев. С точки зрения административно-политического устройства – интеграции Царства Польского в состав империи, как уже было сказано, не произошло. Одним из препятствий тому была деятельность имевшего чрезвычайные полномочия И. Ф. Паскевича, направленная на осуществление тотального военно-полицейского контроля над мятежным краем. Вместе с тем сама Польша в управленческом отношении изначально являлась обособленной от империи структурой, и преодолеть эту изолированность было непростой задачей для любого администратора. Усилиями И. Ф. Паскевича поддерживались сословные шляхетские привилегии, поощрялись консервативные настроения, одобрялось развитие начальных школ и реальных гимназий при одновременном расширении присутствия русского языка в образовании. Обязательным предметом стала история России, польский язык в учебных заведениях вытеснялся¹.

Политика проводилась согласно установкам правительства императора Николая I. Однако некоторые из предписаний не получили практической реализации. Так, например, не получилось заместить русскими чиновниками должности в Царстве Польском. Наместнику в повседневной работе были необходимы кадры со знанием польского языка, национальных традиций, государственных законов, отличавшихся от норм права империи. Большинство

¹ Remy J. Higher Education and National Identity. Polish Student Activism in Russia 1832–1863. Helsinki, 2000. P. 158–160.

русских чиновников этим похвастаться не могло, и И. Ф. Паскевич был вынужден привлекать к работе поляков, которые были судьями, учителями, полицейскими и пр.¹ Сам статус наместника, полномочия которого были достаточно широкими, вел к тому, что его интересы зачастую сталкивались с заинтересованностью министров в подчинении аппарата управления своим ведомствам².

На рубеже 1850–1860-х гг. политика империи в отношении Царства Польского характеризовалась значительной переменчивостью и формировалась под влиянием происходивших в это время событий³. При этом основная концепция оставалась неизменной – царь Александр II и первые лица российского государства считали, что Польша, несмотря ни на что, должна оставаться в составе Российской империи. Можно предположить, что главные противоречия в Петербурге возникали лишь по поводу того, к каким методам необходимо было прибегнуть для сохранения Польши в составе империи. Подобные конфликты в последствии обнаружились и во времена управления Царством Польским наместником графом Федором Федоровичем Бергом, между ним и чиновниками, призванными проводить реформы после восстания 1863–1864 г.

После смерти И. Ф. Паскевича в 1856 г. произошла череда смен наместников, многие из которых пребывали на занимаемой должности очень короткие сроки. Некоторым исключением являлся князь Михаил Дмитриевич Горчаков, пробывший в должности наместника в течение пяти лет. Конец периода его службы в Царстве Польском был ознаменован демонстрациями и уличными шествиями в Варшаве 15 (27) февраля 1861 г., вмешательство войск привело к смерти 5 человек.

После смерти М. Д. Горчакова в течение года в качестве исполняющих обязанности наместника в Польше побывало три чиновника: Николай Онуфриевич Сухозанет (май – август 1861 г., октябрь 1861 г.), Карл Карлович

¹ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 159–161.

² Долбилов М. Д., Правилова Е. А. Указ. соч. С. 103.

³ Chimiak Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego, Wrocław, 1999. S. 27.

Ламберт (август – ноябрь 1861 г.), Александр Николаевич Лидерс (ноябрь 1861 г. – июнь 1862 г.). При столь частой смене наместников, конечно же, не приходилось рассчитывать на последовательное и успешное проведение политики в отношении Царства Польского.

Хотя на волне «постсевастопольской оттепели» был несколько смягчен прежний жесткий режим, речь императора в Варшаве в 1856 г. охладила излишне разгорячившиеся головы: «Point de reveries, messieurs!»¹. В своем выступлении Александр II предупреждал, чтобы поляки не «улетали в облака», а «сидели тихо и ждали уступок и реформ, которые бы не шли вразрез с интересами России»². Тем не менее, некоторые послабления Царство Польское все же получило.

В 1856 г. политическим преступникам были восстановлены политические права, некоторым даже было позволено вернуться в Польшу и Россию из Сибири, а в 1860 г. было прекращено преследование виновных по прежним делам. В мае 1856 г. была объявлена амнистия всем эмигрантам, которые обратились с просьбой вернуться из-за границы на родину. В апреле 1857 г. им были возвращены политические права, и было позволено поступать на государственную службу.

В церковных делах также был достигнут некоторый прогресс. Например, конкордат, заключенный в 1847 г. с римским престолом. По нему епископы назначались по предварительному соглашению императора с римской курией. Документ был опубликован в «Дневнике законов» в 1856 г., хотя до того, он не исполнялся и не оглашался³. Кроме того, конфискованные в предыдущее царствование католические церкви возвращались духовенству, из ссылки вернулись многие греко-униатские священники. В 1856 г. был учрежден комитет по разрешению вопросов с папским престолом, который постановил, что

¹ Прочь фантазии, господа! (фр.)

² Цит по: *Petrozolin-Skowrońska B.* Przed tą nocą. Warszawa, 1988. S. 37.

³ *Колюпанов Н.* Административное и судебное устройство Царства Польского от Конституции 1815 года до реформы 1864 года // Юридический вестник. М., 1891. Т. 7. Кн. 3. С. 326.

конкордат должен был соблюдаться, однако после переговоров было условлено, что епископ должен был свободно избираться капитулом¹.

Эти постановления, однако, были отменены директором комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского – Павлом Александровичем Мухановым, который сосредоточил в своих руках все главные отрасли управления². Он не хотел, чтобы капитул получил такие полномочия, и надеялся сохранить это право за правительством. В этой связи возникал своего рода конфликт – папа римский не хотел утверждать епископов, предложенных правительством, и они теряли всякое значение в глазах духовенства. Это в свою очередь приближало духовенство, которое не имело над собой серьезного надзора, к революционным элементам.

В вопросах образования также были предприняты уступки в пользу Царства Польского. В июне 1857 г. в Варшаве была учреждена медицинско-хирургическая академия, в декабре того же года был преобразован институт сельского хозяйства и лесоводства, в ноябре 1859 г. открыт пансион при Люблинской губернской гимназии. Женское образование получило по сути своего патрона – им стала жена императора Мария Александровна. Под ее покровительство поступили пансионаты для девушек, открытые в Варшаве, Люблине, Плоцке, Сувалках, Калише и Радоме³. Был ликвидирован Варшавский научный округ, в 1862 г. был открыт Политехнический и Сельскохозяйственно-Лесной Институт в Пулавах, а также польский университет, состоящий из 4 факультетов – Варшавская Главная Школа⁴.

В конце 1850-х гг. в Царстве Польском были также предприняты попытки разрешения крестьянского вопроса, но его полное освещение требует серьезного анализа системы крестьянского устройства в Польше, что не предусмотрено в

¹ Колюпанов Н. Указ. соч. С. 327.

² Там же.

³ См: там же. С. 328.

⁴ Kwiatkowska M. Edytorskie plany administracji oświatowej Królestwa Polskiego w latach 1862–1864 // Acta Universitatis Lodzensis. Folia Librorum. Łódź, 2010. T. 16. S. 139.

рамках нашего исследования¹. Таким образом, можно утверждать, что до 1861–1862 гг. подход к политике в отношении Варшавы был достаточно либеральным, однако он не выходил за рамки существующей концепции нераздельности Царства и империи.

Более серьезные уступки, хотя и с определенной оговоркой, стали возможны после демонстраций 1861 г. в Варшаве², которые были подавлены, притом достаточно жестоко. Вместе с тем наместник Царства – князь М. Д. Горчаков предложил Петербургу введение административных реформ, которые контролировались бы сверху. Таким образом, была предпринята попытка достижения определенного рода польско-русского «согласия»³. Заключалось оно в том, чтобы ценой некоторых политических шагов добиться привлечения на свою сторону польского крестьянства и буржуазии⁴.

26 марта 1861 г. Александром II был подписан указ о возобновлении⁵ Государственного Совета в Царстве Польском⁶, о губернских, уездных, городских советах, о выборах. Кроме того, было принято решение о реформе образования, для чего была создана Правительственная комиссия духовных дел и народного просвещения, которую с польской стороны возглавил один из сторонников «согласия» маркиз Александр Велёпольский. Он был противником манифестационного движения и хотел за счет реформ добиться усиления Царства Польского в политическом и экономическом отношении. Не последнюю роль в

¹ Подробнее о крестьянских преобразованиях до нач. 60-х гг. XIX в. см: *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. М., 1962. С. 15–31.

² *Groniowski K., Skowronek J.* Historia Polski 1795-1914. Warszawa, 1977. S. 174–175.

³ См: *Kieniewicz S.* Problem ugody w Polsce w XIX wieku // *Przegląd Powszechny*. Warszawa, 1986. № 10. S. 29–30.

⁴ *Ramotowska F.* U źródeł tzw. Reform Wieloposkiego, (w:) *Wiek XIX. Prace ofiarowane Stefanowi Kieniewiczowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin*. Warszawa, 1967. S. 307.

⁵ Государственный Совет в Царстве Польском являлся распорядительным и законосовещательным органом, целью которого была координация и контроль деятельности основных ведомств Царства Польского. Впервые был создан по Конституции Царства Польского 1815 года, полномочия обновлены по Органическому статуту 1832 года, упразднен указом Николая I от 6 (18) сентября 1841 года.

⁶ ДПКР. Т. 58. Warszawa, 1861. S. 236.

этом должно было сыграть, по его замыслу, повышение уровня образования жителей Царства¹.

Согласно проекту А. Велёпольского, на польской территории должно было быть введено всеобщее обязательное начальное образование, а учебная часть Царства Польского должна была полностью быть отделена от ведомства народного просвещения империи. А. Велёпольский хотел, чтобы был восстановлен Варшавский университет с правами широкой автономии², кроме того, чтобы были восстановлены гимназии с обучением на польском языке. В исполнении А. Велёпольского с успехом проводился курс на дерусификацию бюрократического аппарата. Благодаря его усилиям, произошло фактическое ополячивание среднего и высшего звена чиновничьего аппарата³. При его непосредственном участии был принят «Устав об общественном воспитании в Царстве Польском»⁴.

Маркиз возглавлял правительственную комиссию сравнительно недолго. В ноябре 1861 г. он был освобожден от исполнения обязанностей, однако смог удержаться во власти. А. Велёпольский был назначен помощником по гражданской части нового (июнь 1862 г. – октябрь 1863 г.) наместника в Царстве Польском Великого князя Константина Николаевича. Также маркизу принадлежала должность вице-председателя Государственного совета.

Царская власть, даже прибегнув к политике определенных уступок, с целью склонить на свою сторону польские элиты, не отменяла и политического курса репрессий, и в этом состояла противоречивость политики в отношении Царства Польского. На заседании Совета министров 18 (30) января 1862 г. Александр II дал понять, что Царство не могло получить «ни конституции, ни польской армии;

¹ *Chimak L.* Op. cit. S. 29.

² *Remy J.* Указ. соч. С. 290–291.

³ См: *Stankiewicz Z.* Dzieje wielkości i upadku Aleksandra Wielopolskiego. Warszawa, 1967. S. 194–197.

⁴ Подробнее о проекте, сути «Устава» см: *Enderówna J.* Sprawa oświaty ludowej w Królestwie Polskiem w dobie reform Wielopolskiego // *Przegląd Historyczny.* Warszawa, 1928. T. 27. № 1. S. 111–138.

никакой политической автономии», возможна была лишь «бОльшая административная автономия; номинация поляков на должности чиновников, не исключая при этом русских»¹. В этом ключе император наказывал своему брату проводить политику в Варшаве – реформы не должны привести к восстановлению конституции 1815 г., равно как и к расширению границ Царства Польского за счёт Западных губерний и созданию польской армии.

В 1861 г. в Царстве Польском был восстановлен институт военных наместников. В их компетенцию входило противодействие политическим выступлениям и сбор информации о различных слоях общества, при этом они могли вести следствие по политическим делам и арестовывать подозреваемых². Кроме того, спустя много лет вновь было введено военное положение.

Значительные изменения в Польше произошли по указу 27 мая (8 июня) 1862 г.³ Согласно этому документу, военная власть в Царстве Польском была отделена от гражданского управления. Наместник оставался начальником всех властей и армии, но при этом управлять должен был при посредничестве командующего войсками и начальника гражданского управления. Наместник был наделен, по сути, всей полнотой власти кроме законодательной. В компетенцию наместника входили дела высшего управления и военной части, он мог помиловать преступников и утверждать приговоры по уголовным и политическим делам, утверждать решения по конфликтным ситуациям между судебной властью и правительством, принимать окончательное решение по военным делам. Наместник представлял императору донесения, отчеты и вопросы, которые требовали отдельного разрешения в рамках имперского управления⁴.

Однако уступки, на которые пошла царская власть, все же не привели к ожидаемому результату, поскольку были проведены с опозданием и уже не смогли переубедить и удовлетворить наиболее радикальные круги польского общества.

¹ Цит по: *Koberdowa I. Wielki księżę Konstanty w Warszawie 1862–1863. Warszawa 1962. S. 20.*

² *Ramotowska F. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860–1862. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1971. S. 19.*

³ ДПКР. Т. 60. Warszawa, 1862. S. 4.

⁴ О полномочиях и компетенции наместника Царства Польского см: там же. S. 4–16.

Кроме того, рекрутский набор, объявленный в 1863 г., должен был производиться по заранее составленным спискам, что противоречило действовавшему законодательству. Это обстоятельство послужило формальным поводом к восстанию, которое зрело не один год и представляло собой не случайный бунт, а серьезное выступление, в котором приняли участие различные слои общества, включая так называемых «белых» – выходцев из помещиков и шляхты. При этом примечательной чертой восстания было то, что к нему не примкнули крестьяне, представлявшие основную массу населения Царства Польского.

Крестьянский вопрос в проблематике преобразований того времени был фактически основным. Он являлся серьезным фактором, который влиял на российскую политику не только в отношении Польши, но и на внутреннюю политику самой империи. Крестьян и в Царстве, и в России необходимо было освобождать, но принимаемые по этому поводу решения отличались из-за разницы в положении крестьян в Польше и в российских губерниях. Слишком консервативные методы в крестьянской реформе не позволили бы царской власти рассчитывать на крестьян в Царстве Польском и облегчили бы возможность пропаганды в этом социальном слое со стороны польских радикалов. Излишняя либерализация решения польского крестьянского вопроса могла бы вызвать недовольство крестьян на сопредельных с Польшей территориях¹.

Восстание 1863–1864 гг. не могло не повлиять на политику, проводимую царской властью. В конце 1863 г. был издан указ о создании в Царстве Польском военно-полицейского управления. Согласно этому постановлению, учреждалась должность генерал-полицмейстера, которому была подчинена вся полиция на территории Царства Польского. Статья 1 Положения о военно-полицейском управлении в Царстве Польском гласила: «Впредь до восстановления законного порядка и общественной безопасности в Царстве Польском, устанавливается в оном временно должность генерал-полицмейстера, которому вверяется высшее

¹ Koberdowa I. Op. cit. S. 36.

заведование полицией, как в Варшаве, так и в других городах и уездах Царства»¹. Примечательно, что при заявленной временности данного управления на указанных территориях оно просуществовало довольно долго – порядка трех лет.

Генерал-полицмейстер подчинялся непосредственно наместнику и имел право присутствовать на заседаниях Совета управления наравне с главными директорами. Должности генерала-полицмейстера полагался штат из гражданских и военных чинов. Например, у него в подчинении был личный помощник, который должен был помимо своих обязанностей по центрально-полицейскому управлению, наблюдать за исполнением распоряжений высшего начальства².

Полицейская власть на местах принадлежала начальникам главных военных отделов – в губерниях, военным уездным начальникам – в уездах соответственно. Военным уездным начальникам наместник Царства Польского также назначал штат помощников. Таким образом, наместник без каких-либо трудностей мог создать обширную полицейскую сеть из угодных себе кадров. Еще одним примечательным фактом был способ подчинения чинов друг другу. Речь идет о том, что начальникам главных военных отделов были подведомственны гражданские губернаторы и прочие губернские власти, состоящие в компетенции их отделов. Военным уездным начальникам были подчинены гражданские уездные начальники и их управления³. При этом, если они расценивали какого-либо чиновника (кроме губернатора) как неблагонадежного – военные начальники имели право сменять или временно устранять их от должностей, и даже брать под стражу. В связи с этим, в случае, если наместник контролировал генерал-полицмейстера, то он мог контролировать каждого чиновника в Царстве как гражданского, так и военного, что придавало власти наместника практически абсолютный характер.

Штат военно-полицейского управления выполнял большое количество функций в Царстве Польском, хотя, безусловно, самой главной из них было

¹ «О военно-полицейском управлении в Царстве Польском» // ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 38. Ч. 2. С. 354. № 40456.

² Там же. С. 354–355.

³ Там же.

успокоение восставшего края¹. Среди круга действий управления была охрана общественного порядка, имущества, защита гражданских лиц от беспорядков и грабежей, раскрытие, преследование и арест неблагонадежных элементов, нарушающих общественный порядок и безопасность. Кроме того, полицейское управление имело право проводить обыски и досмотры в уездах и городах, в случае если для этого были бы основания. Полицейские должны были контролировать публичные места и пресекать все потенциально опасные для интересов империи собрания, в особенности демонстрации и манифестации².

Создав такой мощный полицейский аппарат из необходимости борьбы с восстаниями, император поставил Царство в условие, когда от такого института управления было бы очень тяжело избавиться, а при поддержке наместника эта система надзора превращалась в тотальную. Отсутствие в указе четких временных рамок позволяло сохранять эту полицейскую структуру достаточно долго даже после подавления восстания.

Попытки реформирования сложившейся за два года системы военно-полицейского управления были предприняты только в начале 1866 г., поскольку была выполнена главная цель – произошло уничтожение мятежной организации и восстановление общественного порядка³. Согласно новому постановлению, дела гражданской администрации возвращались в ведомство правительственной Комиссии внутренних и духовных дел. Кроме того, в Комиссию возвращались дела, касавшиеся гминного устройства и управления. Главные военные отделы подлежали упразднению, с передачей их функций в руки гражданских и временных губернаторов. Военные начальники должны были назначаться и увольняться по общему докладу главного директора внутренних и духовных дел, а также генерал-полицмейстера. Генерал-полицмейстер сохранял все права, которыми он обладал ранее.

¹ ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 38. Ч. 2. № 40456. С. 355.

² Там же.

³ ДПКР. Т. 64. Warszawa, 1866. S. 10.

Учреждались временные губернаторы: келецкий, калишский, седлецкий. Гражданские губернаторы: варшавский, радомский, люблинский продолжали управление в обозначенной наместником территории, а плоцкий и августовский гражданские губернаторы обладали лишь военно-полицейской и административно-хозяйственной властью на территориях этих губерний¹.

Таким образом, путем фактической ликвидации органа, ответственного за контроль над управлением в губерниях и гражданской администрацией, наделения новыми полномочиями уже существовавших органов, было осуществлено серьезное изменение управления в Царстве Польском². При этом не изменились права генерал-полицмейстера, что позволяло ему влиять на многие решения в Польше, создавая неоднозначные ситуации в системе управления в Варшаве. Полномочия генерал-полицмейстера вместе с самой должностью были ликвидированы только 1 января 1867 г., а дела его управления были переданы в ведомство Комиссии внутренних дел Царства Польского. Исключением являлась выдача паспортов для выезда за границу. Эти полномочия принадлежали начальнику Варшавского округа корпуса жандармов³.

Вспыхнувшее в 1863 г. восстание заставило царскую власть по-новому взглянуть на проблемы преобразований в Царстве Польском. Больше не предпринималось попыток договориться или примириться с поляками, как это было в начале 1860-х гг., были предприняты достаточно жесткие и серьезные меры в отношении Польши в целом. Александром II также была предпринята попытка решить корневую проблему отношений в Царстве и с Царством – крестьянский вопрос.

Несмотря на некоторое улучшение положения польских крестьян во времена Николая I, их освобождения так и не произошло. На это решился Александр II, причем это произошло в то время, когда еще не стихло восстание. Одной из вероятных причин такой решительности царской администрации было

¹ ДПКР. Т. 64. Warszawa, 1866. S. 16.

² Подробнее об упразднении Военно-полицейского управления см.: там же. S. 10–19.

³ Ibid. Т. 66. Warszawa, 1866. S. 354–357.

то, что революционный комитет восстания объявил об освобождении крестьян, и, несмотря на то, что это не встретило поддержки в среде польского крестьянства (равно как и само восстание), последствия могли быть непредсказуемыми.

Так или иначе, 19 февраля (2 марта) 1864 г. в годовщину освобождения крестьян в империи было издано несколько указов «Об устройстве крестьян», «Об устройстве сельских гмин», «О Ликвидационных комиссиях» и «О порядке введения в действие новых о крестьянах постановлений». Эти документы привнесли значительные изменения в уклад общественной жизни Царства Польского.

Согласно этим указам, крестьянские усадебные участки, которые находились в имениях, принадлежащих майоратным владельцам, частным лицам, различным учреждениям, поступали в собственность крестьян. Крестьяне также освобождались от всех повинностей в пользу владельцев имений. К таковым относились барщина, оброк, чинш, денежный откуп. За приобретенную землю, крестьяне в последствие были обязаны платить поземельный налог¹.

Кроме того, крестьянам предоставлялась возможность приобрести в собственность усадьбы, которыми они пользовались до издания указа 26 мая (7 июня) 1846 г.², за ними также сохранялись права на все угодья, которые были в их распоряжении на тот момент. Заявить о своих притязаниях на усадьбы крестьяне могли в течение 3 лет. Все земли, которые получали крестьяне, доставались им с правом пользоваться их недрами³.

Указом об устройстве сельских гмин в каждую из них теперь включались деревни, колонии, заселенные крестьянами, и фольварки помещиков. Общественными делами в гминах должны были заведовать общественные сходы и выбранные от них лица⁴. Гминное управление состояло из гминного схода, который обязательно должен был созываться четыре раз в год, гминного войта,

¹ DPKP. T. 62. Warszawa, 1864. S. 6.

² Были введены т.н. «престационные» табели, аналогичные инвентарям Юго-Западного края. Подробнее об указе см: Prawodawstwo Królestwa Polskiego dotyczące włościan od chwili ustawienia Księstwa Warszawskiego do dnia dzisiejszego. Warszawa, 1860. S. 10–21.

³ DPKP. T. 62. S. 19–20.

⁴ Ibid. S. 41.

солтыса, гминного суда и лавников. Сюда же входили лица, призванные на хозяйственные должности. Стоит отметить, что по этому указу, до тех пор, пока существовало военно-полицейское управление на местных военных начальников возлагался контроль за образованием сельского управления и его соответствующем функционировании¹.

В гминный сход входили все совершеннолетние владельцы трех моргов земли², в нем не могли участвовать местные мировые судьи, представители духовенства, чины уездной полиции, даже если они владели землею в обозначенном размере. В компетенцию гминного схода входили выборы гминного войта и должностных лиц, указанных выше (лавники, писари и пр.); постановления по предметам деятельности гмины – хозяйственные и общественные дела; учреждение гминных училищ, назначение гминных сборов и повинностей, касающихся целой гмины; контроль за деятельностью избранных данным органом лиц; распоряжение недвижимым имуществом, принадлежащим гмине и пр. Дела на гминном сходе решались путем голосования и принимались по принципу большинства³.

Обязательства и полномочия войта также были достаточно широки, они охватывали целый спектр общественной жизни польской гмины – от полицейских дел до административных. Он следил за нераспространением ложных указов на территории своей гмины, за соблюдением порядка в общественных местах, в случае нарушения порядка мог принимать меры по восстановлению ситуации до распоряжений уездной полиции. Кроме того, войт должен был задерживать бродяг, военных дезертиров и передавать их полицейскому начальству; следить за соблюдением и исполнением приговоров гминного суда⁴.

Войт мог созывать и распускать гминный сход, при этом должен был охранять его; мог представлять на гминном сходе предложения, касавшиеся потребностей гмины. Должен был следить за состоянием дорог и мостов гмины,

¹ ДПКР. Т. 62. S. 42.

² 1 морг равнялся приблизительно 0.56 гектара.

³ Ibid. S. 42–48.

⁴ См: ibid. S. 49–50.

наблюдать за должностными лицами гмины, контролировать казенные и гминные повинности, заведовать гминными общественными финансами, выдавать в разрешенных случаях жителям гмины паспорта и виды на переселение¹.

Это лишь часть того, за что был ответственным гминный войт, поэтому можно утверждать, что полномочия его действительно были крайне широкими. Наиболее привлекательным для крестьян Царства Польского могло быть то, что это должностное лицо выбиралось ими же посредством голосования на всеобщих сходах. Такая организация сельского самоуправления выглядела достаточно демократично. Однако на время действия военно-полицейского управления войт подчинялся всем законным требованиям уездного начальника, мирового суда и решениям других судебных инстанций, а также государственным ведомствам. Гминный войт вместе с двумя (в некоторых случаях с тремя) лавниками входил в состав гминного суда.

Крестьяне, принадлежавшие к одной деревне или поселению и владевшие в ней земельным участком или недвижимым имуществом, входили в состав сельского общества, кроме того, помещики и мелкие землевладельцы также вошли в его состав. Здесь также функционировало сельское самоуправление, так называемое, сельское общественное управление, в который входил солтыс и сельский сход. По аналогии с гминным сходом в ее состав входили все крестьяне-домохозяева, принадлежавшие составу сельского общества. Примечательно, что женщины, владевшие хозяйством, также могли принимать участие в сельских сходах наравне с другими участниками. Сельские сходы учреждались в тех селениях, которые служили местом сбора для гминного схода, а также в тех, которые образовывали целую гмину².

Для вознаграждения землевладельцев за земли, поступившие в собственность крестьян, создавались Ликвидационные комиссии. Эти комиссии состояли из трех членов и председателя, который назначался Учредительным комитетом в Царстве Польском. В обязанности Ликвидационной комиссии

¹ ДПКР. Т. 62. S. 52.

² См: *ibid.* S. 84–92.

входило создание и выдача ликвидационных листов, распоряжений по уплате процентов и погашению ликвидационных листов¹.

Приведение указов о крестьянской реформе в исполнение и контроль над их соблюдением были возложены на временные учреждения – Учредительный комитет, Ликвидационную комиссию и Комиссии по крестьянским делам. Главным органом, ответственным за все реформы в Царстве Польском фактически являлся Учредительный комитет. Он состоял из наместника, постоянных членов и лиц, приглашаемых по случаю для обсуждения вверенных им ведомств – генерал-полицмейстера Царства, главных директоров правительственных комиссий, председателя и членов Ликвидационной комиссии, а также некоторых членов с правом совещательного голоса. На Учредительный комитет возлагалось высшее заведование всеми делами устройства крестьян и сельского управления².

В каждой губернии учреждалось от одной до четырех Комиссий по крестьянским делам, каждая из них состояла из председателя, его товарища и от четырех до восьми комиссаров, каждому из которых вверялся один из участков подведомственных Комиссии. В некоторых случаях Учредительный комитет мог позволить военным уездным начальникам присутствовать в Комиссии по крестьянским делам с правом голоса. В компетенцию Комиссий по крестьянским делам входила проверка и исправление ликвидационных табелей, введение их в действие, засвидетельствование добровольных сделок между владельцами и крестьянами о прекращении или видоизменении пользования угодьями (сервитутами), решение о переносе усадеб, обмене угодий, разрешение споров между крестьянами и владельцами и пр.³

Если оценивать крестьянские преобразования в Польше в середине 60-х гг. XIX в., можно полагать, что полученные крестьянами наделы не удовлетворяли потребностей большинства из них, в результате чего крестьянам, размер надела которых был от 3 до 6 морг, приходилось работать на помещика или более

¹ ДПКР. Т. 62. С. 94–98.

² Ibid. С. 134–144.

³ См: ibid. С. 144–154.

богатого соседа. Поземельный налог для некоторых категорий крестьян также был выше, чем до введения в действие указов об освобождении и в целом налоговое бремя для многих крестьян было весьма тяжелым¹. Оценки реформ, безусловно, различались в зависимости от точки зрения, например, у М. Н. Каткова встречается положительная оценка: «Все известия из Царства Польского единогласно свидетельствуют о сильном, решающем и благотворном действии, которое производят там Высочайшие указы 19-февраля...»². В прусской газете «Dziennik Poznański» утверждали, что целью новых указов «московского правительства» кроме попыток расположить к себе крестьян и настроить их против землевладельцев, является уничтожение «нынешних» землевладельцев³.

Реформа, несмотря на свою значимость, оставила немало вопросов, поскольку не разрешила всех проблем крестьян и помещиков. Последним она оставляла некоторые преимущества, но и ущемляла многие их права. Однако если оценивать крестьянскую реформу в несколько ином контексте, в частности, как меру, предпринятую с целью успокоить польское крестьянство и обезопасить империю от проникновения революционных настроений в этот слой польского общества, то ее можно считать успешной, поскольку эта задача в ее перспективе была решена.

В Царстве Польском была объявлена не только крестьянская реформа. В том же 1864 г. император подписал ряд указов, затронувших сферу образования: «О начальных училищах», «О женских гимназиях и прогимназиях в Царстве», «О русской гимназии в Варшаве», «О немецком евангелическом училище в Варшаве», «Об учреждении Учебных дирекций»⁴.

Указ о начальных училищах представлял сельским гминам, гминным и сельским сходам определенное участие как в заведовании существовавшими в этих гминах начальными училищами, так и в учреждении новых. Общий надзор

¹ См: Костюшко И. И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском. С. 464–465.

² Катков М. Н. Значение крестьянской реформы для Царства Польского и деятельность по крестьянскому вопросу графа Д. Н. Блудова // Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 год. Москва, 1897–1898. С. 139.

³ Dziennik Poznański. 1864. № 62. 16 marca.

⁴ См: ДПКР. Т. 62. С. 330–405.

за учебными заведениями в сельский гминах принадлежал начальникам Учебных дирекций. Гминным и сельским сходам также было разрешено учреждать новые начальные училища¹, в городах жителям было позволено открывать начальные училища, на определенных условиях². В начальных училищах могли преподавать как мужчины, так и женщины без учета национальности и вероисповедания, за исключением Августовской и Люблинской губерний, где учителями должны были быть непременно русские или же лица греко-униатского вероисповедания³.

Снова был затронут вопрос о женских гимназиях, которые планировалось учредить, но этому помешало восстание. Женские гимназии по общему образцу уже осуществленному в империи должны были быть образованы в Люблине, Плоцке, Калише, Радоме, Сувалках. Высшее казенное женское училище в Варшаве было преобразовано в гимназию. Кроме того, во всех городах Царства могли учреждаться женские прогимназии⁴. Однако следует отметить, что реформы в сфере образования в Царстве Польском не играли ключевой роли в происходивших событиях 1860-х гг. и в большей степени были рассчитаны на перспективу.

Серьезные преобразования предпринимались и в конфессиональной политике Российской империи в отношении Царства Польского. Одним из значимых указов по этой части было постановление о закрытии монастырей⁵. Как указывалось, для «...восстановления в римско-католических монастырях, нарушенного благочиния ...»⁶, а также с целью обезопасить себя от провокаций в приходах и от антироссийской пропаганды в монастырях⁷. Немедленно упразднялись римско-католические женские и мужские монастыри в Царстве Польском, где не было определенного каноническими правилами числа монашествующих, то есть в которых постоянно пребывало менее восьми монахов или монахинь.

¹ Об устройстве и управлении начальных училищ в сельских гминах подробнее см: ДПКР. Т. 62. S. 334–340.

² См: *ibid.* S. 338.

³ *Ibid.* S. 346.

⁴ Подробнее о женских гимназиях см: *ibid.* S. 360–365.

⁵ «Указ о Римско-католических монастырях в Царстве Польском» // ДПКР. Т. 62. S. 406.

⁶ *Ibid.* S. 408.

⁷ См: *ibid.* S. 406–408.

Кроме того, закрывались монастыри, которые принимали явное участие в мятежных действиях против действующей власти. Монахам предоставлялась возможность продолжить монашескую жизнь по правилам своего ордена в других монастырях Царства или же покинуть Польшу и отправиться за границу. При этом монахам выделялось финансирование из казны, за исключением виновных в политических и мятежных акциях¹. Начальные училища при монастырях продолжали свое существование, но контроль над ними переходил в компетенцию Правительственной комиссии народного просвещения.

Монастыри, которые не были закрыты, разделялись на штатные и нештатные. Нештатные монастыри впоследствии подлежали упразднению по мере сокращения численности монахов до семи. Монастыри по этому указу подчинялись общему епархиальному начальству, монастырские капитулы упразднялись². Ответственность за исполнение указа была возложена на наместника. Учредительный комитет должен был разрешать спорные ситуации, которые могли возникнуть в процессе реализации постановления³.

На самом деле закрытие монастырей в Польше предпринималось властями империи и ранее, в 1819 г., например, было ликвидировано более 40 монастырей, тогда имущества монастырей были изъяты и предназначены для создания новых структур костела, согласно булле Пия VII, по которой образовывалось Варшавское архиепископство. В 1864 г. же всего было ликвидировано 115 монастырей из 200, остальные оставались открытыми на определенных условиях. Епископы не приветствовали и не принимали этого указа. По нему они должны были принять каноническую юрисдикцию над монастырями и действовать согласно указаниям царской власти, что было запрещено Римом⁴. Однако епископам пришлось принять

¹ См: DPKP. T. 62. S. 410.

² См: *ibid.* S. 412–414.

³ Более подробно о закрытии монастырей, а также о том, что было с этим связано см: *ibid.* S. 406–447.

⁴ Подробнее об отношении епископов к указу о закрытии монастырей *Gajewski S. Biskupi Królestwa Poskiego wobec ukazu carskiego o klasztorach z 8 listopada 1864 roku // Echa Przeszłości. Olsztyn, 2008. T. 9. S. 143–154.*

условия нового закона, несмотря противоречия с законом каноническим. Это усложняло контакты епископов с Римом, поэтому их деятельность являлась, по сути, самостоятельной. В результате этого возросла роль администратора Варшавской архиепархии П. Ржевусского (сосланного в 1865 г. за свою деятельность), как фактора, сближающего католических духовников в Царстве Польском¹.

В непосредственной связи с закрытием монастырей шли и иные преобразования в духовной части, например, были разработаны проекты постоянных штатов для всего римско-католического светского духовенства в Польше². Для постоянного финансового обеспечения духовенству определялось денежное содержание из казны, но при этом запрещалось совмещение нескольких должностей со штатным содержанием. Устанавливалось подобие структуры епархий – в штате епархиального капитула было восемь лиц, получавших жалованье (4 прелата и 4 каноника) и 4 лица без жалованья – т. н. почетные каноники. На должности прелатов и каноников назначались лица, только в случае появления такой вакансии, при этом кандидатура утверждалась Советом управления Царства³. В середине 1860-х гг., разумеется, принимались постановления, посвященные не только римско-католическому духовенству, но и греко-униатскому в Царстве Польском, однако, в контексте работы, они не играют важной роли, поскольку борьба за их осуществление не была в центре политического противостояния в Варшаве⁴.

Безусловно, не следует однозначно оценивать конфессиональную политику середины 60-х гг. XIX в. После восстания 1863–1864 гг., в котором принимала участие значительная часть духовенства, царская администрация поспешила принять срочные меры. Одним из главных направлений этой деятельности стало усиление давления на польское, прежде всего, римско-католическое духовенство. Этому способствовало введение новых правил, в которых кроме финансирования

¹ *Gajewski S. Op. cit. S. 153.*

² См: DPKP. Т. 63. Warszawa, 1865. S. 368.

³ *Ibid. S. 370.* Более подробно об устройстве римско-католического духовенства см: *ibid. S. 368–407.*

⁴ Подробнее см: DPKP. Т. 62. S. 280–287. DPKP. Т. 65. Warszawa, 1866. S. 196–209.

монастырей из казны, предусматривался жесткий контроль над их деятельностью, в частности в сфере образования. Например, им запрещалось выступать в качестве учредителей учебных заведений¹, кроме того, в Холмской епархии были предприняты попытки замены польского языка в богослужении на русский², проводилась общая политика русификации³.

Одним из ключевых преобразований середины 1860-х гг. было изменение системы уездного и губернского управления, отраженное в ряде принятых документов: «Положении о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского», «Положении о Земской страже»⁴, «Положении об управлении делами страхования, и штаты губернских и уездных управлений»⁵. Споры вокруг принятия Положения о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского длились почти весь 1866 г., а документ был подписан только 19 (31) декабря 1866 г. Согласно этому постановлению, взамен существующих пяти губерний учреждалось десять: Варшавская, Радомская, Люблинская, Плоцкая, Калишская, Петроковская, Келецкая, Седлецкая, Ломжинская и Сувалкская, которые делились на 85 уездов.

Управление губернией принадлежало губернатору и губернскому правлению, управление уездом должно было быть сосредоточено в руках уездного начальника и уездного управления, под контролем губернских властей. Для надзора за безопасностью и поддержанием общественного порядка в каждом уезде учреждалась Земская стража⁶. В компетенцию губернатора, кроме всего прочего, входило определение и увольнение чинов подведомственных ему губернского и

¹ См: *Вербицкий Д. А.* Князь В. А. Черкасский и конфессиональная политика в Царстве Польском в 1864–1867 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). Ч. 1. С. 60.

² *Сталюнас Д.* Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х гг. XIX в. // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. Антология. М., 2005. С. 581–582.

³ *Долбилов М. Д.* Русскоязычное католическое богослужение в Западном крае империи: практика перевода 1860–1870-е гг. // Петербургские славянские и балканские исследования. 2008. № 1 (3). С. 40–42.

⁴ Подробнее см: DPKP. Т. 66. Warszawa, 1866. S. 194–202.

⁵ Подробнее см: *ibid.* S. 202–247.

⁶ *Ibid.* S. 118–119.

уездного управления, представление кандидатов на должности мировых судей, назначение следствия над подведомственными лицами, представление подведомственных чиновников к наградам, а также контроль за всем происходящим в губернии¹. При губернаторе учреждалась должность вице-губернатора, который должен был помогать губернатору в исполнении его обязанностей, а также наблюдать за ведением делопроизводства в Губернском правлении².

Компетенции Губернского правления подлежали дела административного суда по спорам частных лиц с казной, рассмотрение вопросов, касающихся применения действующих законов, ведения следственных дел, произведенных по личному распоряжению губернатора или Губернского правления. Кроме того, по части городского управления, Губернское правление должно было представлять Комиссии внутренних дел заключения о выдаче денежных пособий пострадавшим, определять ссуды, выдаваемые из городской казны, вести дела, которые касались городских территорий (продажа земли, передача ее под фабрики, строительство и пр.), контроль за финансами губернии³.

Таким образом, произошли серьезные изменения в сфере управления и самоуправления в Царстве Польском. Особенно это касалось изменений на губернском уровне, когда после достаточно длительного периода господства военно-полицейской системы была предпринята попытка поставить управление, что называется на «мирные рельсы», когда военные начальники перестали обладать чрезвычайными полномочиями и уже не могли вмешиваться в вопросы гражданских ведомств. Очевидно, что административная реформа была большим шагом в сторону нормализации системы внутригосударственных отношений в Царстве Польском.

Реализация реформы столкнулась с некоторыми трудностями. В первые месяцы 1867 г., когда канцелярские процедуры (официальная корреспонденция и отчеты) стали проводиться на русском языке, чиновники польского

¹ Подробнее о компетенции губернатора см: ДПКР. Т. 66. S. 120–127.

² О компетенции губернатора см: *ibid.* S. 126–133. Об изменениях в устройстве *J. Kozłowski. Realizacja reformy administracyjnej w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1998. Т. 89. № 2. S. 233.*

³ Подробнее о полномочиях Губернского правления см: ДПКР. Т. 66. S. 132–149.

происхождения – без знания русского языка и системы делопроизводства – были не в состоянии в срок исполнять порученные дела, в связи с этим страдало качество и способы реализации¹. Еще одной причиной, тормозящей процесс реформы, было большое количество дел, переданных из старых структур новообразованные. Впоследствии трудности возникали с работой чиновников, ответственных за сбор налогов, с составом аппарата чиновников, в котором перемешаны были русские и поляки, что вело к конфликтам внутри структур. Несмотря на проблемы, появлявшиеся в процессе реализации данной реформы, преобразования шли уверенно, а негативные моменты работы административных структур успешно исправлялись².

Говоря о результатах предпринятых преобразований, носивших условно либеральный или консервативный характер, следует отметить, что в своем большинстве их нельзя оценивать однозначно. Однако ключевым положением всех реформ, проявлявшимся и в относительно спокойные периоды 1815 и 1855 гг., и в трагические 1830–1831 гг., 1863–1864 гг., было то, что все они проводились в рамках одной установки, определявшей их пределы: Польша всегда должна была оставаться частью Российской империи. Царство Польское никогда не рассматривалось высшей государственной властью в качестве территории, которая могла получить независимость. Максимумом свободы могла быть только широкая автономия, как это было в первые 15 лет существования Царства Польского. Отсюда вытекала еще одна характерная для этого периода тенденция: никакие уступки не помогли установить полностью примирительные отношения верховной власти и польских территорий, но от деятельности лиц, представлявших царскую администрацию, в значительной степени зависела амплитуда политических колебаний от резкой конфронтации до временного успокоения.

¹ *Kozłowski J. Op. cit. S. 234.*

² *Kozłowski J. Op. cit. S.236–250.*

1. 2. Особенности формирования российской администрации в Царстве Польском

После Январского восстания в Царстве Польском произошло серьезное изменение в организации и функционировании системы органов гражданского управления. Власть Российской империи намеревалась применить в Царстве систему управления, аналогичную той, которая существовала в России. В течение 10 лет после событий 1863–1864 гг. были ликвидированы многие ранее автономные центральные органы Царства Польского, а определенные части польской администрации были подчинены соответствующим ведомствам Российской империи. Реорганизация произошла не только в центральных органах власти, были реформированы местные органы управления согласно российскому образцу. Все это проходило на фоне русификации бюрократического аппарата Царства, где польские чиновники должны были заменяться русскими.

Смена устройства и способов функционирования администрации должна была, по мнению представителей власти, противодействовать польским стремлениям к независимости и придать Царству Польскому характер одной из провинций Российской империи¹. На практике же предпринятые меры в определенной степени отличались от имперского образца. Инкорпорация органов польской администрации в систему управления Российской империи не означала автоматического применения и принятия ее образцов. Несмотря на определенную степень интеграции со структурами империи, устройство Царства Польского, оформившееся после преобразований второй половины 1860-х гг., имело целый ряд отличий. Царство Польское опиралось на отдельные правовые акты, разница наблюдалась как во внутренней организации и компетенции различных органов,

¹ Smyk G. Odrębności rosyjskiego modelu zarządu cywilnego w guberniach Królestwa Polskiego po powstaniu styczniowym // Dzieje biurokracji. Lublin-Toruń-Włocławek, 2013. T. 5. Cz. 2. S. 403.

так и в используемых источниках административного права – отличных от тех, что применяли в империи.¹

Логично, что устройство административного управления в Царстве Польском после Январского восстания значительно отличалось своим генезисом. Если в Российской империи структуры эволюционировали к рационализации своей деятельности, то в Польше эти изменения были итогом кардинальной перестройки существующего уклада, отличного от российского.

После утраты независимости и разделов Польши, ее территории вошли в состав абсолютных монархий, в которых бюрократический аппарат и система управления уже имели устойчивые очертания. В них правовой статус чиновников регулировался указами монарха. Пробы введения нового устройства на присоединенных территориях предпринимались по образцу империи путем массового перемещения со «старых» должностей. Однако они оказались непостоянными и неэффективными, по крайней мере, в случае с Российской империей².

Особенно четко это проявлялось в Царстве Польском на фоне постоянного формирования новых органов управления, изменения способов функционирования старых, высокой текучки кадров. Деятельность чиновников и их отношение к жителям Царства вытекала из политики российского императора, которая была переменчива, а на этих территориях ее реализовывал наместник, руководствовавшийся царскими указаниями, но вносивший в них свою долю видения проблем.

Что касается императорских рекомендаций насчет чиновников, то они были направлены на то, чтобы новая бюрократия располагала местную шляхту к позитивному отношению к российской монархии, выставляя ее в лучшем свете. Вероятно, исходя из этого, рекомендовалось сохранять шляхетское самоуправление. Это делало возможным влияние шляхты на личный состав местных органов управления, а также на их решения. В создаваемой до 1863 г. в Царстве Польском

¹ Smyk G. Op. cit. S. 404.

² Naworski Z. Status prawny urzędników Królestwa Polskiego w okresie międzypowstaniowym (1832–1863) // Dzieje biurokracji na ziemiach polskich. Lublin-Siedlce, 2010. T. 3. Cz. 2. S. 378.

администрации оказалось немало представителей местного дворянства и аристократии. Российские чиновники в этой ситуации старались действовать мягко, внешне дружелюбно¹. Однако прибывавшие из империи государственные служащие характеризовались очень разным уровнем нравственности и профессиональной подготовки. Нередкими явлениями были пьянство и коррупция. Несмотря на свою значительную численность, администрация не всегда справлялась со своими обязанностями².

После Ноябрьского восстания 1830–1831 гг. бюрократический аппарат был сокращен, относительно предыдущего 15-летнего периода, однако функционировал он все так же на принципах и законодательстве, которое являлось обязательным до восстания. В связи с этим было издано специальное постановление Административного Совета Царства Польского о том, что все служащие должны были исполнять свои прежние обязанности³. Был верифицирован бюрократический аппарат, от службы были удалены чиновники, принимавшие непосредственное участие в восстании или сотрудничавшие с мятежниками. Согласно Органическому Статуту, право занимать должности имели все подданные империи, которые проживали в Царстве Польском и обладали там недвижимостью. Кроме того, император имел право натурализовать любых из тех, кто не проживал в Царстве как русских, так и иностранцев⁴.

Основным рабочим языком был польский. Однако уже с 1836 г. знание русского языка давало преимущество в принятии на службу в Царстве Польском⁵. Служебная иерархия административных должностей была определена Положением о гражданских мундирах от 11 (23) мая 1836 г.⁶, этот указ был

¹ Naworski Z. Op. cit. S. 378.

² Ibid. S. 379.

³ Radziszewski H. Skarb i organizacja władz skarbowych w Królestwie Polskim. T. 2. Warszawa, 1908. S. 59.

⁴ DPKP. T. 14. S. 195–197. Art. 21.

⁵ Malec D., Malec J. Historia administracji i myśli administracyjnej. Kraków, 2003. S. 135.

⁶ DPKP. T. 19. S. 36–142.

очередным шагом на пути к унификации корпуса чиновников Царства Польского с системой управления империи.

Еще один законодательный акт, упорядочивавший бюрократический аппарат и его функционирование, был Устав о гражданской службе в Царстве Польском¹. Этот документ кроме всего прочего разрешал прием на службу иностранцев. После сдачи экзаменов они могли получить медицинские, фармацевтические, ветеринарные звания. Также предполагалось отдавать им должности учебного ведомства, горной части. Они могли быть механиками или мастерами, работать в сфере искусств². Для всех кандидатов в качестве обязательного условия закреплялась необходимость знания русского языка. Все должности в Царстве по этому Уставу делились на 10 классов³.

Во всех действиях империи в отношении формирования польской администрации можно выделить две тенденции. Первая – это постепенная правовая унификация корпуса чиновников Царства с корпусом в Российской империи. Вторая – реализуемая на практике русификация, которая с одной стороны представляла собой привлечение, главным образом на высшие должности, русских, а с другой – фактически заставляла польских чиновников проявлять полную лояльность и послушание⁴. В связи с этим часто на должностях оставляли лояльных представителей бюрократического аппарата, даже, несмотря на их более низкую квалификацию. Решения подобного рода принимал как император, так и высшие чиновники Царства во главе с наместником И. Ф. Паскевичем⁵.

В польской историографии существует мнение, что Российская империя имела чрезвычайно высокое количество чиновников и кандидатов на различные должности, которые поддерживали ее величие в расчете на новые назначения на

¹ DPKP. T. 53. S. 68–227.

² Ibid. S. 74. Art. 3.

³ Ibid. S. 88–94. Tytuł III.

⁴ Naworski Z. Op. cit. S. 391.

⁵ Rutkowski M. *Zmiany strukturalne w Królestwie Polskim wczesnej epoki paskiewiczowskiej*. T. 1. Białystok, 2004. S. 177.

присоединенных территориях¹. Пожалуй, в этом есть доля правды – заинтересованность назначениями в Царстве Польском могла быть. Однако это был небольшой круг должностей, которые могли обеспечивать хороший доход и широкую власть. К таким назначениям относились должности губернаторов и генерал-губернаторов, начальников уездов (повятов), профессоров высших учебных заведений, директоров судебных и налоговых управлений, начальников окружных судов, высших полицейских комиссаров и т. п.

Особенно привлекательной являлась должность наместника. Ф. Ф. Берг был одним из самых хорошо оплачиваемых чиновников империи – его ежегодное жалованье составляло 50 тыс. р., к тому же 8574 р. он брал из казны за титул Главнокомандующего войсками Варшавского военного округа. Однако эти посты были лишь небольшой частью от всего многообразия должностей. Большинство постов в администрации Царства Польского, по крайней мере, в начале процесса деполонизации, не пользовалось спросом среди потенциальных кандидатов. По мере осуществления реформ эта ситуация несколько изменилась².

В первые месяцы после начала Январского восстания высшим представителям власти в Царстве Польском пришлось столкнуться с острой нехваткой кадров. Прежде всего, это было связано не с недостатком чиновников в империи, а с ситуацией в Польше, которая в 1863–1864 гг. была охвачена восстанием. Хотя стоит признать, что свой отпечаток на этот процесс наложили реформы середины 60-х гг. XIX в. в самой империи, которые также требовали наличия квалифицированных кадров. Подтверждением трудностей в привлечении чиновников могут свидетельствовать письма Ф. Ф. Берга к императору и Н. А. Милютину³.

В связи с такого рода ситуацией граф Ф. Ф. Берг привлекал на службу офицеров и подофицеров, поэтому в канцелярии губернаторов, на таможенной службе, в полиции, в управлении уездов в большом количестве присутствовали

¹ Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. Warszawa-Kraków, 1999. S. 88.

² Ibid. S. 89.

³ См: Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego VIII 1863 – V 1864. Warszawa, 1978. S. 40, 48, 86–87, 96–97, 120, 243.

военные. В течение первых месяцев 1864 г. был организован военно-административный и полицейский аппарат, который стоял над гражданской польской администрацией. Это являлось временной мерой и постепенно на этих должностях вновь стали появляться гражданские чиновники. К этому моменту уже сформировались особенности взаимодействия внутри администрации, компетенции органов и должностей. В 1864–1865 гг. наличие военных на высших постах в Царстве Польском не принесло заметных негативных последствий. Подобная практика, когда офицеры исполняли функции на гражданской службе, была обычной для Российской империи. Губернаторы и генерал-губернаторы и вовсе зачастую являлись действующими военными¹.

Впрочем, на некоторые должности были необходимы гражданские чиновники. В связи с трудностями в привлечении необходимых людей в ход шли личные контакты. В Царство Польское на одни из ключевых должностей прибыли И. И. Фундуклей, В. А. Черкасский, А. И. Кошелев. Кроме того, будучи членами Учредительного Комитета, они занимали еще несколько высших должностей. Например, И. И. Фундуклей и Д. В. Готовцев занимали 5 должностей, а наместник целых шесть.

Несмотря на трудности в поиске кадров представители новой польской администрации не принимали на службу всех подряд. Они старались собрать максимальное количество информации о потенциальных кандидатах. В связи с этим каждый желающий поступить на службу в Царство Польское должен был предоставить мнение своего начальника о своей предыдущей службе. Все кандидатуры рассматривались индивидуально². Однако, несмотря на это, в 1864–1866 гг. получить назначение в Царство было достаточно просто, по причине крайне скудного выбора кадров и острой необходимости в них. Для принятия на службу в Польшу нужно было иметь соответствующее вероисповедание, этническое происхождение, наличие (в случае высших должностей) опыта и

¹ Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. S. 95.

² Ibid. S. 96.

определенных профессиональных умений. Простота получения работы в Царстве влияла на качество кадров, часть из которых была непригодна для службы¹. Позднее запросы чиновников рассматривались более тщательно, поскольку, как писал Н. А. Милютин, не законодательство должно было вести к достижению целей, а четкий выбор реализаторов этого законодательства².

К причинам реорганизации польской административной системы второй половины 60-х гг. XIX в. можно отнести необходимость дать политический ответ на случившееся в Царстве Польском восстание 1863–1864 гг., успокоить бунтующий край. Это предполагалось сделать, обеспечив полицейский и административный контроль, ликвидацию институциональных отличий Польши. Разумеется, реализация этих планов сталкивалась с определенными трудностями, связанными, прежде всего, с различием общественных, экономических и правовых отношений в Царстве Польском, а также уменьшением детерминации властей в ликвидации административных отличий. В результате система, созданная после Январского восстания представляла собой симбиоз российской модели территориального управления с институтами, происходящими из административного устройства периода между восстаниями, с созданием органов учитывающих специфику местных отношений и различием местного административного права с российским³.

Основной чертой, отличающей новое административное устройство в Царстве Польском, являлось то, что оно опиралось на отдельное законодательство, использовало местные источники административного права. Ликвидация особенностей администрации Польши не обозначала автоматического применения законов на империи на этих территориях, а скорее наоборот. Согласно принципам российского законодательства, каждый новый закон для Царства Польского должен был уточнять, что действует только на его

¹ Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. S. 96.

² Kozłowski J. Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 // Przegląd Historyczny. Warszawa. 1996. № 4. S. 827.

³ Smyk G. Op. cit. S. 405

территории. Несмотря на стремления властей империи к унификации системы управления в Польше, значительная часть законов периода между восстаниями сохранялась и после 1864 г. Внутренняя организация, способ функционирования, компетенция тех или иных органов была закреплена в отдельных актах, определяющих их устав. Вне зависимости от уровня интеграции этих актов в систему общего российского законодательства, различия сохранялись вплоть до конца существования Царства Польского. Самый высокий уровень интеграции наблюдался в организационной структуре органов специальной администрации – почтовой, экономической, образования; наименьший в органах административного управления – в губернской, городской администрации, а также в системе сельского самоуправления¹.

Одним из признаков особого отношения царской власти к административным отличиям Царства было сохранение должности наместника, а после 1874 г. генерал-губернатора. Хотя стоит отметить, что согласно Указу от 29 февраля (12 марта) 1868 г.² наместник по некоторым вопросам своей деятельности был подчинен ведомственным министрам в Петербурге. В отношении него должны были использоваться принципы губернской организации, как и в отношении других губернских начальников империи. Должность наместника и генерал-губернатора во второй половине XIX в. сама по себе являлась особенностью и встречалась на территориях, не являющихся этнически русскими. Эти посты представляли собой своего рода связующее звено между губернаторами и центральными органами государственной власти в Петербурге. Должности характеризовались большой самостоятельностью в принятии решений, симбиозом военных и административных функций, широкими полицейскими полномочиями, а также определенной властью в сфере правосудия. В отличие от остальных органов губернской власти, наместники были формально независимы от министров, и как высшие представители императора на

¹ Smyk G. Op. cit. S. 406.

² ДПКР. Т. 68. S. 19. art. 2.

территориях, отчитывались только перед Правительствующим Сенатом¹. Фактически, само применение этой должности на территории Царства Польского после 1864 г. являлось своего рода компромиссом между ликвидацией различий в законодательстве и устройстве Польши и необходимостью сохранения органа контроля над местным управлением и администрацией.

Основной чертой реформы территориального управления Царства Польского была фактическая монополия право принятия решений в одиночных должностях. Это приводило к падению влияния и значения коллегиальных органов, а также политизации функций всего аппарата местной администрации в губерниях и повятах². Проявлением этой тенденции являлось выдвижение на первый план должности губернатора, а также введение поста вице-губернатора. В отличие от периода между восстаниями, когда губернатор являлся лишь главой коллегии, ответственной за принятие решений и составленной из глав органов губернского управления. В такой ситуации он лишался каких-либо самостоятельных полномочий.

Указ 1866 г. закреплял за губернатором полномочия политического и полицейского характера, а также поставил его, по сути, над коллегией, наделив функцией надзора и контроля над ней и нижним звеном административного управления в губернии. Одним из последствий такого шага стало создание зависимой только от губернатора канцелярии и появление должностей чиновников по специальным поручениям³. Согласно законам, регулирующим компетенцию губернаторов, они, как представители власти в подчиненных им губерниях, осуществляли общее управление и высший надзор над соответствующим

¹ Smyk G. Op. cit. S. 406. Градовский А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России // Собрание сочинений А. Д. Градовского. Т. 1. Спб, 1899. С. 299–338. Блинов И. А. Губернаторы: историко-юридический очерк. Спб, 1905. С. 200–209.

² Smyk G. Op. cit. S. 408.

³ Ustawa o rządzie gubernialnym i powiatowym w Polsce // DPKP. T. 66. S. 121–127. Art. 6–19. Smyk G. Rosyjska administracja gubernialna w Królestwie Polskim po powstaniu styczniowym. Zarys organizacji // Zeszyty Naukowe Puławskiej Szkoły Wyższej. Puławy, 2002. Cz. 4. S. 177.

функционированием гминных, повятовых и губернских органов власти¹. Губернаторы также являлись руководителями начальников жандармерии и земской стражи².

Согласно Указу 5 (17) февраля 1866 г.³, по российскому образцу, но с некоторыми отличиями, при каждом из 5 губернаторов учреждался вице-губернатор. Уже в декабре 1866 г. эта должность была выделена в отдельную структуру в рамках губернского управления. Основной обязанностью вице-губернаторов, как уже упоминалось, было содействие и замещение губернатора во всех сферах губернского управления, кроме политических и полицейских вопросов. К главным задачам вице-губернатора относился непосредственный надзор за текущими функциями и вектором работ губернских органов, а также контроль за соответствующим исполнением постановлений и решений, принятых губернатором. Еще одной немаловажной задачей вице-губернатора являлся контроль над экономикой по части правильного расходования городскими властями фондов, депозитов городских касс. Свои функции вице-губернатор исполнял через канцелярию губернского управления⁴. В остальной же империи вице-губернаторы таких полномочий не имели⁵.

Как уже упоминалось, после Январского восстания изменения затронули не только губернное управление и гминное самоуправление. Серьезным изменениям подверглось и центральное управление, создавались новые структуры, которые должны были обеспечить проведение преобразований в Царстве Польском.

Органом, который должен был проводить надзор за реализацией реформ в Царстве Польском, был Учредительный Комитет. Создавался он по Указу 19 февраля (2 марта) 1864 г. в качестве временной и переходной институции, для быстрого проведения крестьянской реформы, введения новой организации сельских

¹ DPKP. T. 66. S. 121. Art. 8.

² Ibid. S.123–127. Art. 15–18.

³ Ibid. T. 64. S. 71. Art. 14.

⁴ Nikiforuk A. Kancelaria Rządu Gubernialnego Łomżyńskiego z lat 1867–1918 // Archeion: czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym. Warszawa, 1984. T. 78. S. 199–200.

⁵ DPKP. T. 66. S. 129–133. Art. 127–129.

гмин. На деле полномочия Комитета выходили далеко за рамки сферы крестьянской реформы и аграрных отношений, поскольку в Петербурге видели в Учредительном Комитете инструмент для ликвидации различий в управлении Царством¹.

Учредительный Комитет состоял из председателя, которым являлся наместник, постоянных членов, назначаемых императором, а также временных членов, приглашаемых по необходимости, например, если на заседаниях обсуждались и затрагивались вопросы их полномочий. Непостоянными членами Комитета являлись: полицмейстер г. Варшавы, главные директора Правительственных комиссий, председатель и члены Ликвидационной комиссии, а также с правом совещательного голоса председатели Комиссий по крестьянским делам².

Кроме освобождения крестьян, заданием Учредительного Комитета являлось проведение реформ гражданского управления, выработанных Комитетом по делам Царства Польского и Собственной Его Императорского Величества Канцелярией³. Эти преобразования были направлены, прежде всего, на ликвидацию высших административных властей Царства Польского, а затем на учреждение вместо них унифицированных российских структур, подчиненных высшим ведомственным властям в Петербурге. Для этого Учредительный Комитет был наделен особыми законодательными полномочиями – он имел право самостоятельного издания постановлений и распоряжений, представляющих собой развитие царских указов⁴. По мере ликвидации органов администрации Царства Польского, их функции принимал Учредительный Комитет, и тем самым он превращался, по сути, в главный орган административного и гражданского управления в «переходный»⁵ период. Комитет согласно ст. 2 Указа от 19 февраля (2 марта) 1864 г. получал

¹ Smyk G. Korpus urzędników cywilnych w guberniach Królestwa Polskiego w latach 1867–1915. Lublin, 2004. S. 40.

² О полномочиях Учредительного Комитета см: ДПКР. Т. 62. S. 136–144.

³ Smyk G. Korpus urzędników ... S. 41. Ohryzko-Włodarska C. Organizacja władz włościańskich w Królestwie Polskim i ich pozostałość aktowa. Warszawa, 1973. S. 12–13.

⁴ ДПКР. Т. 62. S. 135–173. Постановления касались главным образом трех вопросов: способов расширения споров между крестьянином и двором, порядка, согласно которому крестьяне получали ранее используемые земли, а также способ организации сельских гмин.

⁵ В данной ситуации период до подчинения органов управления в Царстве ведомствам в Петербурге.

функции, которыми до того был наделен лишь Административный Совет. В течение периода существования Учредительного Комитета были ликвидированы фактически все особенности устройства центральной власти в Польше. Свое существование Комитет прекратил свое существование 1 (13) апреля 1871 г.¹

Подтверждение о степени влияния Учредительного Комитета в процессах Царства Польского можно найти в прессе уже в мае 1864 г. Краковский «Czas» писал об этом органе: «Комитет по урегулированию крестьянского вопроса так стремительно вошел во все ветви управления, что деятельность соответствующих органов абсолютно парализована...»². По мнению издания, Комитет активно препятствовал функционированию некоторых органов администрации. При этом упоминалась ситуация в губернском управлении и в комиссии, возглавляемой В. А. Черкасским, которая занималась тем, что «...москализатор Черкасский считал необходимым для поддержки своих замыслов...»³. Комиссия же юстиции и комиссия финансов и казначейства занимались только регистрацией того, что постановлено в Учредительном Комитете⁴.

Главным органом, составляющим и разрабатывающим политику (реформы и преобразования) был Комитет по делам Царства Польского в Петербурге. Он был создан 25 февраля (8 марта) 1864 г. по инициативе Н. А. Милютина. Первые 2 года эта структура функционировала тайно, а официально только с 1 (13) декабря 1866 г.⁵ По своей сути этот Комитет являлся совещательным органом. На самом же деле он был центром, координирующим все планы, замыслы и проекты ключевых реформ в Царстве Польском. В компетенцию Комитета по делам Царства Польского входил надзор за претворением в жизнь крестьянской реформы, рассмотрение и обсуждение всех законодательных проектов, а также административных преобразований, составленных

¹ ДПКР. Т. 71. S. 132–135.

² Czas 1864. № 46. 28 мая.

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ Targowski J. K. Komitet Urządzący jego ludzie // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1938. T. 14. S. 170.

Учредительным Комитетом, представление отчетов царю. Главным заданием Комитета по делам Царства Польского было сохранения вектора в стремлении к слиянию Польши и империи¹.

Комитет заседал под особым управлением императора. В состав органа входили председатель, 5 членов, управляющий делами, секретарь управляющий канцелярии². В Комитете заседали входящие в ближайшее окружение императора, проверенные в вопросах русификации деятели того времени. В первый состав этой структуры вошли П. П. Гагарин, Н. А. Милютин, В. Н. Панин, К. В. Чевкин, П. А. Валуев, А. А. Зеленой, С. М. Жуковский, постоянным членом до 1866 г. являлся В. П. Платонов. Орган просуществовал до 1881 г., хотя его необходимость отпала после проведения в Царстве судебной реформы 1876 г. После роспуска Комитета по делам Царства Польского часть его полномочий перешла Государственному Совету, а часть Комитету министров³.

19 (31) мая 1866 г. была образована Собственная Е.И.В. Канцелярия по делам Царства Польского. Ей было доверено проведение реформ, ведущих к постепенной унификации административного управления в Царстве Польском и его слиянию с российской системой организации власти⁴. Ведению Канцелярии подлежали законодательные работы, относящиеся к гражданскому управлению Польши, проводимые согласно личным указаниям императора. Составленные в Канцелярии проекты и выводы передавались для рассмотрения и обсуждения в Комитет по делам Царства Польского или другие соответствующие органы власти в Петербурге или Варшаве, а после того на одобрение императора. Компетенции Канцелярии также подлежал общий надзор над реализацией и проведением административных преобразований, исполняемых местными властями Царства⁵. Деятельность Канцелярии проходила в двух направлениях: ликвидация особых

¹ Smyk G. Korpus urzędników ... S. 43

² Okolski A. Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskiem. T. 1. Warszawa, 1880. S. 206–207.

³ Ohryzko-Włodarska C. Op.cit. S. 30. Targowski J. K. Op.cit. S. 168.

⁴ Okolski A. Op. cit. S. 205. Targowski J. K. Op.cit. S. 170.

⁵ Okolski A. Op. cit. S. 205–206.

органов власти в Польше и передача определенных сфер гражданского управления Царства соответствующим ведомственным властям в Петербурге, подготовка к введению российских органов власти на территории Польши. Канцелярия была ликвидирована в 1876 г., после того, как по судебной реформе последний особый орган в Царстве Польском – Правительственная комиссия юстиции – был ликвидирован¹.

Стоит отметить, что российская система организации власти как таковая оказывала серьезное влияние на происходящие в Польше процессы. Суть ее заключалась в статусе императора, который являлся полновластным монархом с абсолютной властью. Его воля была достаточной для того или иного указа, который становился обязательным на всей территории империи. Царь был самым важным источником законов и начальником всех властей. Разумеется, он не был связан никакими правовыми нормами, и не один его акт не требовал участия какого-либо органа власти². Вся верховная государственная власть была сконцентрирована в руках и персоне царя, осуществление власти лежало на нем или на уполномоченных им органах.

В условиях российской системы власти можно говорить лишь об условном разделении властей на законодательную и исполнительную, при этом только царь мог решать, как это разделение проходило. В этой ситуации можно делать определенные выводы относительно Комитета министров (который с 1861–1862 гг. назывался Советом министров). Он был совещательным органом, координирующим работу министров без самостоятельных властных полномочий. В нем рассматривались вопросы, касающиеся компетенции более чем одного министерства, касающиеся управления губерниями Сибири, Кавказа и Царства Польского, а также вопросы, выносимые по личному предложению императора³. Формально этот орган не имел ни характера, ни прав законодательного органа, поскольку ни один правовой акт не обязывал его к изданию новых норм. Совет

¹ Smyk G. Korpus urzędników ... S. 47.

² Idem. Administracja publiczna Królestwa Polskiego w latach 1864–1915. Lublin, 2011, S. 153

³ Ibid . S. 159.

министров не был также уполномочен рассматривать и готовить законодательные проекты – это являлось задачей Государственного Совета. На деле же ситуация обстояла несколько иначе. Заинтересованный министр мог просить императора вынести на обсуждение тот или иной проект нового или изменения старого закона. Принятие данного проекта в Совете министров вело к изданию к изданию царского указа без участия Государственного Совета¹.

Ликвидация различий в гражданской администрации и административном управлении началась фактически сразу после Январского восстания. В то время Царство Польское уже имело ряд отличий от системы управления, сложившейся в Российской империи. До момента, когда вспыхнуло восстание 1863–1864 гг. в Административном Совете, Правительственных комиссиях и других центральных органах власти Царства Польского решения принимались коллегиально, большинством голосов. Рабочим языком администрации в Польше являлся польский. Разница в гражданском управлении выражалась и в определенной самостоятельной политике, которая во время правления Александра II (в нач. 1860-х гг.) привела к опоячиванию административного аппарата Царства. Правовой статус чиновников в Польше регулировал отдельный устав о гражданской службе. Отличалась также классификация органов и должностей. В определенной мере правовая система Царства Польского также имела свою обособленность, например законы, касающиеся Польши, издавались отдельно².

Процесс, направленный на размытие разницы между устройством Царства и системой Российской империи, был начат установлением военной диктатуры и созданием необходимых для этого структур. 1864–1865 гг. ознаменовались формированием пристального надзора над функционированием гражданских властей в Царстве Польском. Тогда же произошли частичная реорганизация центральных органов власти и занятие ключевых постов русскими чиновниками. Главные унификационные преобразования проходили в 1866–1869 гг., когда была

¹ Smyk G. *Administracja publiczna ...* S. 159.

² Idem. *Korpus urzędników ...* S. 49. DPKP. T. 19. S. 42–141. Ibid. T. 53. S. 72–223.

ликвидирована большая часть органов гражданской администрации, а различные сферы административного управления перешли под контроль министерств в Петербурге. Окончательно процесс унификации произошел 1870–1876 гг.

В 1864 г. была начата реорганизация Правительственных комиссий, прежде всего это касалось Правительственной комиссии вероисповеданий и народного просвещения. Управление духовными делами по Указу 27 октября (8 ноября) 1864 г. переходило в полномочия Правительственной комиссии внутренних и духовных дел¹. Комиссия народного просвещения (так стала называться бывшая Правительственная комиссия вероисповеданий и народного просвещения) просуществовала еще 3 года – до мая 1867 г. После на ее месте был образован Варшавский учебный округ, подчиненный министерству народного просвещения империи².

Ликвидировано было и отдельное управление финансами в Польше, когда в министерстве финансов империи был учрежден отдел по финансам Царства Польского 10 (22) мая 1866 г., а 28 марта (9 апреля) 1867 г. должна была быть упразднена Правительственная комиссия финансов и казначейства в Царстве Польском. Это, по сути, окончательно подчиняло Польшу российскому законодательству по экономическим вопросам³. Кроме того, в 1867 г. был распущен Государственный Совет в Царстве Польском⁴. Это лишь часть тех изменений, которые произошли в сфере организации власти в Польше во второй половине 60-х гг. XIX в.

Как уже упоминалось, проведение преобразований в административном управлении Царства и создание новых структур вело к привлечению новых кадров, преимущественно это были чиновники российского происхождения. Привлечь чиновников в Польшу можно было, главным образом, деньгами. Создавалась целая система надбавок, согласно законодательству российской

¹ Комиссия просуществовала до 1 (13) июля 1868 г.

² ДПКР. Т. 67. С. 62. *Okolski A.* Op. cit. S. 164–166.

³ ДПКР. Т. 67. С. 42–45.

⁴ *Ibid.* S. 34–35.

империи. Во время развития капиталистической экономики представители бюрократического аппарата не гнушались поиском иных способов получения дохода, что не только не запрещалось царской властью, но и приветствовалось. Особенно это касалось тех способов обогащения, которые имели политические эффекты в Царстве Польском¹.

Свою жизнь чиновники видели не только через призму рабочего стола, зная, что был шанс обогатиться, используя все предоставлявшиеся возможности. Чиновники выходили за непосредственно служебную сферу контактов с представителями польских и еврейских городских кругов. Желание преумножить собственный капитал заставляло их преодолевать изоляцию, разрушать образ российского чиновника – обособленного и игнорируемого местной интеллигенцией. За пределами рабочих обязанностей российский чиновник или офицер становился контрагентом, экономическим партнером, человеком, который мог предоставить работу и доход, гарантирующим прибыль и возможность экономического успеха².

Новые чиновники начали появляться в Царстве Польском после Январского восстания благодаря Н. А. Милютину. Прежде всего, это были должности комиссаров по крестьянским делам – всего порядка 150 чиновников³ заняли эти посты. Их преданность империи и дисциплинированность были обусловлены тщательным отбором, высоким статусом должности и соответствующим окладом⁴. Следующий приток кадров произошел после административной реформы 1866 г. В первые годы после ее объявления из 19 губернаторов и 16 заместителей, ни один не являлся поляком, а из 147 чиновников, назначенных в учреждения начальников уездов, польского происхождения было лишь двое⁵.

¹ *Latawiec K. Działalność gospodarcza urzędników rosyjskich w Królestwie Polskim po powstaniu styczniowym // Dzieje biurokracji. Lublin-Siedlce, 2011. T. 4. Cz. 1. S. 484.*

² *Ibid. S. 497.*

³ *Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 167–169.*

⁴ *Bex C. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в. // Studia slavica et balcanica petropolitana. Спб, 2013. № 2 (14). С. 199.*

⁵ Там же. С. 200.

Одним из серьезных стимулов для русских чиновников стал новый проект привилегий, утвержденный в 1867 г.¹ Для того, чтобы привлекать новых чиновников в Царство Польское, власти империи использовали инструмент привилегий и поощрений. За право на денежные поощрения, выплаты и другие финансовых вознаграждений для прибывавших в Польшу государственных служащих ратовали Н. А. Милютин, Ф. Ф. Берг, Ф. Ф. Витте. Финансовые поощрения начали выплачиваться только тогда, когда стал функционировать фонд для служебных расходов в новых уездных и губернских органах Царства Польского².

После 1867 г. были ликвидированы все трудности для православных, которые перебирались в Польшу на постоянное место жительства. Высочайший указ о преимуществах чиновников русского происхождения от 30 июля (11 августа) 1867 г. (дополненный в 1869 г.) гарантировал русским чиновникам в Царстве Польском более быстрое продвижение по службе и как следствие – скорейшее обогащение. Каждый чиновник, прибывавший на службу в Польшу, получал надбавку к жалованью в зависимости от ранга. Кроме того, этот закон позволял служащим рассчитывать и на определенные преференции при выходе на пенсию³. Царство Польское фактически становилось местом, где можно было достаточно быстро обогатиться.

Это повлекло более чем 2 тыс. просьб и заявлений о желании устроиться на службу в Царство Польское. Желание кандидатов осложнялось тем, что в то время за распределение были ответственны губернаторы. Они же потеряли связь с чиновничьей средой империи и были подвержены влиянию поляков. Система

¹ AGAD. Zespół 196 (Sekretariat Stanu Królestwa Polskiego), Sygn. 678/1865. S. 10–11, 15–18. DPKP. T. 67. Warszawa, 1867. S. 291–299.

² Chwalba A. Polacy w służbie Moskali. S. 101. Автор ссылается на архивные материалы Статс-секретариата Царства Польского: AGAD, Sekretariat Stanu Królestwa Polskiego (zespół 196). Syg. 1866/595.

³ DPKP. T. 67. S. 288–299.

начала меняться в нач. 1870-х гг.¹ Если в 1862 г. из 11 тыс. служащих около 5–7% были русскими, то к 1878 г. уже порядка 20%, а к 1897 г. около 50%².

С течением реформ в Польше формировалась общность российских чиновников и в столице, и в губерниях³. Разумеется, Варшава привлекала русских чиновников значительно сильнее, чем провинция, это было логично, в условиях величины русской общности в столице. Здесь также было множество церквей, библиотек, ресторанов, клубов и т. д., фактически, русские могли здесь чувствовать себя как дома, при этом контакт с польской средой был крайне мал⁴.

До 1867 г. полномочия по русификации личного состава протекала хаотично, хотя и действенно, используя значительные денежные средства⁵. В мае 1867 г. в Учредительном Комитете были рассмотрены способы претворения в жизнь распоряжений императора об определении русских чиновников на службу в Царство Польское⁶. В том же году было установлено, что пора было приступить к вызову и подготовке русских чиновников к службе в гражданской администрации Царства, а также в губернских и уездных управлениях. При этом кандидаты должны были вызываться не только на руководящие должности, но и на второстепенные. Кандидатам выплачивались прогонные и подъемные в рамках единовременной помощи, с постоянными выплатами содержания.

Формировавшаяся в Царстве Польском после 1867 г. система поощрений, вместе с попытками найти кроме самой должности параллельные способы обогащения создавали достаточно негативный образ чиновника. При этом русский чиновник, вне зависимости от того в Царстве Польском или на территории остальной империи, вне зависимости от этнического происхождения окраины,

¹ Bex C. Указ. соч. С. 201.

² Там же. С. 202.

³ Latawiec K. Op. cit. S. 483.

⁴ Bex C. Указ. соч. С. 205–206.

⁵ Górak A. Привилегии чиновников русского происхождения в администрации Царства Польского после восстания 1863 г. // Поляки и Россия, Польша и русские. Краснодар, 2009. С. 23.

⁶ Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском. Т. 10. Варшава, 1868. С. 233.

кроме, пожалуй, Финляндии¹, всегда представлялся одинаково. Взятки брались вне зависимости от образования, возраста, пола, культуры, личных черт. Не было такой общности, профессиональной группы, среды, о которых можно было смело сказать, что они взяточничества не знали и взятки не давали или знали, но не пользовались².

Разумеется, подобная особенность не могла не затронуть Царство Польское. Чиновники, сидящие на рабочих местах, не намекали на необходимость дачи взятки, в отличие от визитов дома. Однако дача взятки, фактически, становилась неизбежной ввиду медлительности чиновников³. Порой несколько копеек или рубля хватало, чтобы какой-нибудь чиновник низшего звена охотнее реагировал. Соответственно, чем выше ранг чиновника, тем выше была взятка. Подобные факты подтверждались у А. Залесского: «...если ты знал, что у главного суда или ведомства, управления канцелярией твое письмо уже лежит достаточно давно, а ты не можешь дождаться ответа, ты тут же должен поговорить с глазу на глаз с секретарем или помощником секретаря. Так за соответствующую оплату, секретаря ловко подсовывал письмо начальнику на подпись. И готово...»⁴. «...Самая маленькая услуга кому бы то ни было оказанная должна быть окуплена даром, как обычная дань. Каждая просьба, каждая жалоба была гласом вопиющего в пустыне...»⁵. Александр II до 60-х гг. XIX в. старался бороться с проявлениями коррупции, но второй половине его правления коррупция взяла свое и расширилась до огромных масштабов⁶.

С точки зрения образа российского чиновника и особенностей российского управления в Царстве Польском любопытным представляется факт празднования в Варшаве 60-летия службы наместника Ф. Ф. Берга в 1872 г., когда попытки угодить главному начальнику становились, как нельзя более, очевидны. «...В первой же

¹ Chwalba A. Imperium korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w latach 1861–1917. Kraków, 2006. S. 28.

² Ibid. S. 22.

³ Ibid. S. 135.

⁴ Zaleski A. Op. cit. S. 437.

⁵ Ibid. S. 286.

⁶ Chwalba A. Imperium korupcji ... S. 239.

аванзале красовался поднесенный графу заведующим Ботаническим садом, овальный щит, из живых цветов, на котором посреди лаврового венка была изображена цифра LX и года 1812–1872. Тут высокопочтенный юбиляр был встречен депутацией от города, которая на овальном щите из пунцового бархата, с вышитыми по краям золотом и серебром надписями «Obywatele miasta Warszawy hrabiemu Teodorowi Berg, d. 26 lipca (7 sierpnia) 1872 r» поднесла ему большую золотую медаль с его изображением. Медаль эту окружал вычеканенный из серебра венок из лавровых и дубовых ветвей, идущих от изображения фельдмаршалского жезла, обвитого серебряной лентой...»¹.

Разумеется, это сопровождалось благодарственными речами в адрес наместника. Поздравляли и чествовали Ф. Ф. Берга не только граждане Варшавы, но и представители Варшавской музыкальной консерватории, представители духовенства всех вероисповеданий, члены Варшавского Сената, значительные дворяне и представители гражданской администрации в Царстве и различных учреждений, генералы, обер-офицеры, воспитанники и воспитанницы различных благотворительных заведений. Вечером был дан помпезный обед в честь наместника. Главную речь² произносил тайный советник Ф. Ф. Витте, попечитель Варшавского округа, в ней всячески высказывалась благодарность графу за его важную роль в эпоху коренных преобразований в Царстве Польском, за ответственную и кропотливую работу во благо, за беспокойство о судьбе Царства. Благодарные речи произносили не только чиновники, но и представители польского дворянства, например, ординат Ф. Замойский, который благодарил Ф. Ф. Берга за строительство двух железных дорог, устройство Кредитного Общества и другие общественно полезные заведения, за толчок к развитию промышленности и торговли, который дал наместник. Всем этим, по мнению Ф. Замойского край был обязан только Ф. Ф. Бергу. За черты характера и службу

¹ Описание празднования в Варшаве 26 июля (7 августа) 1872 года, юбилея 60-летней службы генерала-фельдмаршала наместника в Царстве Польском и Главнокомандующего войсками варшавского военного округа, графа Федора Федоровича Берга. Особое приложение к № 159 «Варшавского дневника». С. 4–5.

² Там же. С. 11–14.

наместника благодарил президент города Варшавы К. К. Витковский и радомский губернатор Д. Г. Анучин. Все старались выказать юбиляру искреннюю привязанность.

Таким образом, к основным особенностям российской администрации в Царстве Польском можно отнести ее постоянное изменение, выражающееся в ликвидации старых органов управления и формировании новых. Стремление к унификации бюрократического аппарата и системы управления Царством по образцу империи, являлось важнейшей составляющей реформ. Этим же целям была подчинена русификация должностей и органов власти в Польше, подкрепляемая развитием системы привилегий и поощрений для российских чиновников. Коррупция, как явление, характерное для империи перекочевало и в польский административный аппарат. Законодательная система Царства, которая долгое время не входила в систему империи, а также должность наместника, встречавшаяся на этнически нерусских присоединенных территориях, выступали единственными отличиями от общеимперской системы управления.

Глава II. Выработка вектора преобразований в Царстве Польском в условиях политических реалий первой половины 1860-х гг.

2. 1. Роль государственного аппарата Российской империи в подготовке реформ в Царстве Польском

Говоря о роли государственных чиновников в процессе реформотворчества, мы имеем в виду тех представителей бюрократического аппарата, которые были непосредственно связаны с формированием государственной политики и с ее практической реализацией. Осознавая тот факт, что в России начала 1860-х гг. влияние императора на принятие важнейших решений являлось ключевым, оценка тех или иных исторических персонажей, находившихся в непосредственной близости от трона, играет существенную роль в понимании происходивших процессов. В российской политике 1860-х гг. в отношении Царства Польского одними из ключевых фигур являлись Н. А. Милютин, В. А. Черкасский и Ф. Ф. Берг. В этом параграфе мы попытаемся показать характерные черты этих деятелей, оказавшие существенное влияние на способы реализации реформ 1860-х гг., кроме того, проанализируем ситуацию, сложившуюся в отношениях во властных кругах до начала реформ.

Помочь разобраться в вопросах, связанных положением дел в Царстве Польском до 1864 г, могут дневниковые записи тогдашнего министра внутренних дел Российской империи, Петра Александровича Валуева. Он также являлся членом Комитета по делам Царства Польского, образованного в 1864 г. Информация, которая содержится в этом источнике, помогает представить процесс обсуждения путей изменения отношения к Царству Польскому в высших эшелонах Российской империи в начале 1860-х гг., оценить атмосферу, в которой принимались ключевые решения. Характеристики людей, непосредственно связанных с разработкой основных проектов реформ в Царстве Польском,

помогут оценить влияние субъективного фактора в политике Российской империи в отношении польских территорий, вошедших в состав России.

События начала 1860-х гг. не могли ни вызвать озабоченности в правительственных кругах. В Варшаве 13 февраля 1861 г. произошли беспорядки, вызванные годовщиной Гроховской битвы. Проходила поминальная служба, в демонстрации принимало участие несколько тысяч человек, а российскими войсками был дан залп по толпе, в результате чего было убито 5 человек¹. Характеризуя эти события, министр заявлял, что поляки уже давно искали повода подставиться под пули, а целью этих действий было стремление обратить внимание Европы на Польшу².

В итоге, 19 февраля 1861 г. российскому императору был направлен адрес за подписью 140 прелатов и иных почетных лиц, с прошением восстановить конституцию Царства Польского. Совету министров было поручено обсудить сложившуюся ситуацию с тем, чтобы дать ответ на полученный адрес и наметить выход из сложившейся ситуации. На заседание, кроме постоянно присутствовавших 15 членов, были приглашены также генерал Феофил Егорович Мейендорф, Александр Григорьевич Строганов³, действительный тайный советник Иосиф Игнатьевич Тымовский и тайный советник Валериан Платонович Платонов⁴.

Ситуация в Совете была далека от единства, и по разрешению сложившейся в Царстве ситуации звучали различные предложения. Например, граф Виктор Никитич Панин⁵ видел проблемы управления в Царстве исключительно в части народного просвещения. Он считал опасным избирательное начало в городах, потому предлагал: «...бургомистров и ратманов назначать от правительства <...> улучшить часть народного просвещения. Действовать постепенно и осторожно в

¹ Vivat Polonia // Колокол. 1861. № 91. 15 марта.

² Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х томах. (далее – Дневник П. А. Валуева). М., 1961. Т. 1. С. 69.

³ Бывший министр внутренних дел, с 1854 по 1863 гг. Бессарабский и новороссийский губернатор.

⁴ Дневник П. А. Валуева. С. 83.

⁵ Министр юстиции с 1841 по 1862 гг., член Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу.

отношении к реформам...»¹. Сохранилась запись П. А. Валуева о выступлении министра иностранных дел князя Александра Михайловича Горчакова, который настаивал на том, что необходимо как можно скорее разрешить вопрос без контактов с Варшавой: «...в наши дни время пожирает, но не укрепляет...»². Приглашенный на заседание член Государственного совета В. П. Платонов, заявлял: «...никаких уступок. Существует органический статут, его следует выполнять...»³. Будущий председатель Комитета по делам Царства Польского Константин Владимирович Чевкин считал, что торопиться нельзя и что выборное начало полезно в польских городах. Главным врагом он считал высшее сословие: «...они выдают за общественное мнение свой собственный взгляд на вещи...»⁴. К. В. Чевкин не упоминал ни слова о крестьянах, полагая, что лучшим вариантом будет сделать 39 уездных представительств с коронными представителями, чем одно центральное. Граф С. Г. Строганов в противоположность другим участникам обсуждения считал, что следует опираться на низшие сословия⁵.

Такое разнообразие мнений и отсутствие четко выработанной позиции не располагали к взвешенному решению. Позже П. А. Валуев отмечал, что заседание заходило в тупик: «...Государь начинает обнаруживать нетерпение...» и в итоге «...никто не решается прямо сказать своего мнения...»⁶. В конце концов, Александр II пришел к выводу, что все согласны принять предложения статс-секретариата. Суть предложений состояла во введении в действие с некоторыми изменениями Органического статута 1832 г., добавлялась возможность допущения двух епископов или прелатов в Государственный совет, отделение народного просвещения и духовных дел от Комитета внутренних дел.

Реакция П. А. Валуева лишь подтверждает то, что в Совете министров существовала неразбериха и отсутствие единодушия: «...под конец всё происходит

¹ Дневник П. А. Валуева. С. 84.

² Там же. С. 84.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

так неотчетливо, что я, перед кем лежат бумаги, не знаю сам, что принято, что не принято...»¹. Из материалов заседания Совета министров в изложении П. А. Валуева следует, что его члены практически не осознавали главного, т. е. того, что поляки – другой народ, самосознание которого в первую очередь нацелено на достижение независимости, что он исповедует иную веру, обладает иным типом политического мышления. В высших образованных слоях польского общества было в полной мере развито личностное начало, что не было характерно для России: «...Русь сохранила общину, развила государство, образовала войско, но не развила вольного человека...», – в свое время отмечал А. И. Герцен².

Однако отсутствие единства взглядов по многим из стоявших перед Польшей проблем имело свою оборотную сторону: полякам не удалось создать сильное государство, что влекло за собой утрату целостности и политического значения. В условиях такого рода различий, подход к политике по отношению к Польше должен был быть не менее серьезным, чем забота о своих подданных.

Записи министра внутренних дел помогают разобраться в том, насколько правительство стремилось и обладало инициативой в попытках разрешить ситуацию и в каком направлении предполагало направить свои действия. Из дневниковых заметок следует, что оно просто пыталось как-то отсрочить что-то неизбежное и полумерами немного ослабить напряженность. В своих записях П. А. Валуев подтверждал именно такой сценарий принятия решений: «...строго логичен был один гр. Строганов. Он признавал движение в Польше мятежом и, следовательно, не хотел ничего, кроме подавления движения. Другие члены Совета в душе также считали дело мятежом, но полагали более уместным с ним заключить сделку, чем его покарать. Это неизбежно вело их к переменам в прежней системе. Но они попытались ограничиться частностями, не коснувшись ее коренных начал...»³. На слабость окружения императора указывал в беседе с П. А. Валуевым

¹ Дневник П. А. Валуева. С. 85.

² Герцен А. И. Поляки прощают нас! // Собрание сочинений: в 30 т. М., 1957. Т. 12. С. 89.

³ Дневник П. А. Валуева. С. 88.

князь В. А. Долгоруков¹: «...еще нет при его величестве советника, который мог бы быть выразителем мнений и защитником больших и смелых мер...»².

В апреле 1861 г. состоялось заседание Совета министров, на котором обсуждался вопрос о мерах надзора за университетами. Кроме всего прочего речь шла об учреждении университета в Вильно для отвлечения польских студентов от российских университетов. П. А. Валуев, характеризуя это совещание, называл его «бесцельным разговором». Он записал в своем дневнике: «...мы словно в черной котловине, исходного пути не видно. Государь не замечает, что перед ним дилемма: вести дело новою стезею или не вести его вовсе. Его советники или сами того не видят, или не имеют духа ему это высказать...»³. Возмущение автора «Дневника» вызывала бездеятельность правительства, ему также было непонятно, почему, имея 30-летний опыт ведения дел в Царстве Польском, никто не замечал их неэффективность. Причинами неверных государственных решений фактически являлись слабая осведомленность о ситуации в Польше, отсутствие прогресса в мышлении чиновников, которые жили прошлым и не хотели видеть реалии, в которых они существовали.

3 сентября 1862 г. в Варшаве был составлен адрес о воссоединении Литвы с Польшей, а 20 сентября подольское дворянство составило адрес о присоединении в административном плане Подолии к Польше. В тот же день был образован Западный комитет, задачей которого являлась выработка мер по подавлению польского национально-освободительного движения в Белоруссии, Литве, правобережной Украине. Однако реальных изменений не произошло, поскольку Комитет был образован при участии всё тех же людей из Совета министров, чьи политические взгляды и действия не могли улучшить ситуацию в Царстве Польском. По сути, этот Комитет стал очередным примером политической недееспособности его участников. Подтверждением этого является то, что вскоре после его создания, 25 сентября 1862 г., П. А. Валуев предложил на заседании его

¹ Владимир Андреевич Долгоруков – генерал, будущий Московский генерал-губернатор.

² Дневник П. А. Валуева. С. 88.

³ Там же. С. 97–98.

членам высказаться по поводу ситуации в Западном крае, однако те заняли выжидательную позицию.

В конце концов политическая ситуация в Польше, слабая осведомленность о положении дел в Царстве Польском, нежелание и неспособность власти Российской империи применять действенные меры, отсутствие политической дальновидности у высших государственных чиновников, привели к тому, что в Польше в начале 1863 г. вспыхнуло восстание.

В своем дневнике П. А. Валуев негативно оценивал характер принимаемых правительственных решений относительно польских событий. В его записях периодически обнаруживается стремление к силовому разрешению вопроса. Вместе с тем со всей очевидностью он считал, что такой способ, при определенной его эффективности, не был достаточно разумным с точки зрения будущего положения дел и не решал проблему окончательно. Ситуация в Польше могла нормализоваться, но это на очень долгое время отложило бы возможное примирение двух народов и практически исключало их мирное сосуществование.

В записи от 7 июня 1863 г. сообщалось о том, что «...положение дел в Царстве нестерпимо...»¹. Главным образом это было связано с личностью наместника Великого князя Константина, который, по мнению П. А. Валуева, «...явно в руках предателей, или под влиянием страха за свою особу, или, что еще было бы хуже, под влиянием расчетов на возможность отделения Польши под его скипетр...»². Чем дольше Константин находился в качестве наместника, тем больше росло недовольство его бездействием. В конце концов, Константин был окончательно отозван из Варшавы, хотя и очень этому противился. Если оценивать пребывание его в качестве наместника, то следует констатировать, что он плохо справился со стоявшими перед ним задачами. Сам Великий князь заявлял: «...я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению,

¹ Дневник П. А. Валуева. С. 228.

² Там же.

она не привела к доброму результату...»¹, но вряд ли это можно считать достаточным оправданием.

Примечательна оценка действий правительства империи, данная послом Франции в России Луи Наполеоном Огюст Ланном (герцогом де Монтебелло), который заявил: «...история, вынося беспристрастный приговор всему происходящему, должна скорее обвинить русское правительство в слабости, чем в чрезмерной суровости...»². В этой связи П. А. Валуев записал в своем дневнике: «...верно, но что сказал бы он, если бы знал то, что я знаю о нашем управлении в Царстве...»³.

В проходивших правительственных обсуждениях ситуации в Польше свою роль играла существовавшая система власти в России, не предусматривавшая открытых возражений по поводу действий императора. Видимость коллективной выработки решений по тому или иному вопросу сводилась к беспрекословному следованию решениям, зачастую принятым Александром II без участия представителей правительства. Отсутствие попыток поиска альтернатив силовому варианту решения проблем, связанных с событиями в Царстве Польском, ставило П. А. Валуева в один ряд с теми политиками, которые ввиду своей нерешительности колебались в принятии решений и также не могли предложить реальную программу выхода из кризиса.

В конце 1863 г. польское восстание пошло на спад, и в польской политике империи проявилась важная тема, связанная с последующими реформами на этой территории. Однако в записях за 1864 г. упоминаний о проблемах, связанных с Польшей было немного: в основном это заметки без подробностей, сообщения о заседаниях Польского комитета. Первое из них, состоявшееся 28 декабря 1863 г., было посвящено проектам крестьянской реформы. Запись весьма эмоциональна, она пронизана негодованием, недоумением и возмущением: «...проект составлен лицом, не знающим Польши, пробывшим там 6 недель и будет обсуждаться и

¹ Перетц Е. А. Дневник Е. А. Перетца (1880–1883). М.; Л., 1927. С. 28.

² Дневник П. А. Валуева. С. 231.

³ Там же.

обращаться в закон без участия хотя бы единого поляка!...»¹. Составителем этого проекта являлся Николай Алексеевич Милютин, с которым в дальнейшем была связана значительная часть преобразований в Царстве Польском.

Так была обрисована П. А. Валуевым ситуация, сложившаяся в высших эшелонах власти. Даже с учетом особенностей подхода к ней министра внутренних дел, материалы его дневника позволяют оценить степень осведомленности о делах в Царстве Польском тех лиц, от которых во многом зависело принятие ключевых решений, возможность успешных преобразований на этой территории. Становится очевидным, что отсутствие критического мышления и адекватного взгляда на реальную ситуацию мешали российским властям предпринять какие-либо успешные действия в разрешении польской проблемы. Ввиду такой ситуации вряд ли кто-то из окружавших императора чиновников мог повлиять на его взгляды относительно перспектив польской политики.

Помимо особенностей атмосферы, в которой происходило принятие важных решений в Петербурге, не менее значимым фактором выступало видение перспектив государственной политики в отношении Царства Польского людьми, которым предстояло непосредственно осуществить реформы на этой территории. Речь идет о Н. А. Милютине и о его ближайших помощниках. Сразу следует отметить, что между взглядами Н. А. Милютина и «реформаторского крыла» Учредительного комитета в Царстве Польском можно смело ставить знак равенства, поскольку именно этот человек определял подходы к польской политике в среде своих сторонников. Примечательно, что его собственные представления во многом опирались на идеи Юрия Федоровича Самарина², оказавшего на Н. А. Милютина заметное влияние.

Видение политики в отношении Царства Польского Ю. Ф. Самариным было отражено в его статье «Современный объем польского вопроса»³. По мнению

¹ Дневник П. А. Валуева. С. 262–263.

² О взглядах Юрия Федоровича Самарина см: *Нольде Б. Э.* Юрий Самарин и его время. Париж, 1926. С. 146–171.

³ Опубликована она была впервые в газете «День» от 21 сентября 1863 года.

автора, целью России должно было быть разделение «польского вопроса» на три отдельных части: «...поляки – как народ, как особенная стихия в группе славянских племен. Польша – как самостоятельное государство. Наконец, Польша или, точнее, полонизм – как просветительное начало, как представительство и вооруженная пропаганда латинства в среде славянского мира...»¹. Одним из главных факторов конфликта между Россией и Польшей Ю. Ф. Самарин называл «конкурирующий мессианиззм», т. е., как это понимал он сам, программа объединения поляками славян при помощи цивилизационных идей Запада². Сутью проблемы, согласно воззрениям славянофилов, были различия в культурных, политических и религиозных, а также социальных идеалах, которые представляли два народа³.

Разрешение этого конфликта крылось в ликвидации внутреннего раздвоения Польши путем славянского «фундаментального духовного возрождения», то есть после победы славянских цивилизационных принципов, которые представлял крестьянский элемент, над латинской культурной традицией, которую «исповедовали» просвещенный слой польского общества и аристократия. Такая «реславянизация» Польши могла пройти только при помощи России⁴.

Кроме Ю. Ф. Самарина еще одним славянофилом, который играл значительную роль в формировании идеологических основ политики «милютинского крыла» Учредительного комитета был Александр Федорович Гильфердинг⁵. Программа преобразования славянофильских идей в политическую программу «реславянизации» была изложена в цикле его статей, опубликованных в газете «Русский инвалид», а затем перепечатанных в газете «День», издателем и

¹ См.: Самарин Ю. Ф. Современный объем Польского вопроса. URL: http://dugward.ru/library/alexandr2/samarin_polskiy_vop.html (дата обращения 17.05.2016.) Подробнее о его видении польского-российского конфликта см: там же.

² Подробнее о взглядах Ю.Ф. Самарина см: *Glebocki H.* Op. cit. S. 436.

³ См: *ibid.* S. 437.

⁴ См: *ibid.* S. 438.

⁵ Александр Федорович Гильфердинг была славяноведом и фольклористом, с 1856 г. член-корреспондентом Академии наук, а с 1861 г. служил в канцелярии Государственного совета Российской империи.

редактором которой являлся еще один известный проводник славянофильских идей – Иван Сергеевич Аксаков¹.

А. Ф. Гильфердинг видел разрешение польского вопроса в крестьянах, которые, по его мнению, благодаря изоляции от политической активности, сохранили славянские основы быта и культуры. Главным практическим выводом А. Ф. Гильфердинга было то, что польский вопрос нельзя решить политическим путем, а только «упразднить»². Подобные взгляды славянофилов нашли свое отражение в последующей деятельности Учредительного комитета.

После провала политики «согласия», осуществлявшейся с опорой на представителей польской аристократии в начале 1860-х гг., произошла перемена в видении способов решения «польского вопроса». Восстание 1863–1864 гг. стало своего рода катализатором к тенденции использования социальных конфликтов между крестьянами и шляхтой, положенных в основу новой российской политики в Польше. Приведение в действие этой системы, через умиротворение Польши, преобразование ее социальной структуры, было доверено человеку, который имел опыт реализации аграрной реформы 1861 г. в Российской империи.

Н. А. Милютин, которого некоторые называли «красным бюрократом»³, пригласил к себе в помощники В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина. Стоит отметить, что работа «Современный объем Польского вопроса» была создана именно по просьбе Н. А. Милютина⁴. Несмотря на то, что в 1864 г. Ю. Ф. Самарин был вынужден покинуть Царство Польское и выехать за границу, в связи с состоянием здоровья, его контакт с реформаторами поддерживался при

¹ Одна из таких статей «За что борются русские с поляками» была опубликована в «Русском инвалиде» от 3 апреля 1863 года. Подробнее о его взглядах см: *Гильфердинг А. Ф.* За что борются русские с поляками // *Собрание сочинений*. СПб, 1868. Т. 2. С. 291–312. А также в статье «В чем искать разрешения польскому вопросу» // *Гильфердинг А. Ф.* Указ. соч. С. 312–333.

² Подробнее см: *Гильфердинг А. Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 357–360.

³ Об обстоятельствах, предшествующих назначению Н. А. Милютина см: *Leroy-Beaulieu A.* Op. cit. S. 156–191.

⁴ *Glebocki H.* Op. cit. S. 483.

помощи корреспонденции. Посредством переписки он нередко давал консультации по тем или иным вопросам¹.

В. А. Черкасский стал наиболее близким и доверенным Н. А. Милютину соратником, проводником его идей в Царстве Польском. Сближал их похожий взгляд на крестьянский вопрос и технократический подход к модернизации России, который отводил самодержавию роль главного двигателя перемен. Кроме того, объединяло их и схожее неприязненное отношение к аристократии².

Приняв предложение императора, Н. А. Милютин получил чрезвычайные полномочия, не исполняя никаких функций в официальной управленческой структуре Царства Польского. Будучи подчиненным непосредственно императору, он мог предпринимать попытки самостоятельно реализовывать свое видение политики в отношении Польши. Н. А. Милютин, вероятно, стремился к созданию в Царстве бюрократического аппарата, управляемого доверенными лицами и проверенными кадрами. Можно даже говорить о создании нового типа российского государственного чиновника, воодушевленного идеей выполнения на территории Царства Польского особой миссии, под знаменем национализма и различных современных для того времени идей «хлопоманства»³, трактуемых как «царский демократизм», наполненный неприязнью к католицизму и антиполонизму⁴.

В октябре 1863 г. с целью ознакомления с ситуацией в крае была предпринята поездка чиновников по Царству Польскому, осуществленная под руководством Н. А. Милютина, В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина. По ее итогам Ю. Ф. Самарин был составлен рапорт, взятый за основу главных принципов дальнейшей российской политики в отношении Царства Польского.

¹ О роли Ю. Ф. Самарина см: Leroу-Beaulieu A. Указ. соч. С. 179. Корреспонденция Ю. Ф. Самарина, Н. А. Милютина, В. А. Черкасского в т. ч. содержится в РГБ НИОР, например: Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 1.

² См: *Glebocki H.* Op. cit. S. 484.

³ От пол. «Chłopomanstwo» — в этом контексте, идеализация крестьян, связанная напрямую со взглядами славянофилов в отношении крестьян, с их отношением к способу разрешения «польского вопроса», основанному на идее, что только при помощи крестьян можно достичь успеха в здешних преобразованиях.

⁴ *Chwalba A.* Imperium Korupcji w Rosji i w Królestwie Polskim w Latach 1861–1917. Krakow, 1995. S. 50–51.

Одним из главных выводов этого доклада было признание необходимости замены локальной администрации и продолжение системы военно-полицейской диктатуры, но при обязательном освобождении крестьян¹. Хотя эта «Записка» и носила рекомендательный характер, посыл был очевиден. В ней также говорилось о надеждах крестьян, которые доброжелательно были настроены к российской власти, на освобождение из-под гнета помещиков, о том, что крестьяне находятся в постоянном конфликте со шляхтой, приводились даже слова одного из крестьян: «Да! Худо нам от войны, а все же лучше, чем если бы нас рвали паны...»². По мнению автора «Записки», отсутствие крестьянской общины в польских селениях и подчинение власти в гминах войту, а фактически, помещикам, позволяло иметь серьезное влияние на крестьян, как со стороны самих помещиков, так и духовенства и интеллигенции³.

Таким образом, после анализа ситуации в Царстве Польском реформаторы пришли к заключению, что польское общество нуждается в перестройке социальной структуры. Предполагалось совершить это при помощи освобождения крестьян на определенных условиях – ликвидировать зависимость от помещика, возратить изъятые у них земли, наделить дополнительно всех крестьян землей. В дополнение к этим мерам реформаторы предполагали изменить систему сельского самоуправления, превратив ее в действенный инструмент в руках российской бюрократии⁴. Впоследствии эти идеи легли в основу некоторых указов в Царстве Польском, например, в Указ о гминном самоуправлении.

Программа, воплощаемая Н. А. Милютиным, выражала идею государства, «управляемого с абсолютной минимализацией влияния шляхты, опирающегося <...> на бюрократию, развитую промышленность, где пресса контролировалась самим государством; это должен был быть своего рода синтез российского

¹ Отчетная записка, представленная Государю вместе с описанием поездки по деревням от 1 (13) декабря 1863 года // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. № 590а. Л. 88–91.

² Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 379.

³ Glebocki H. Op. cit. S. 490.

⁴ Ibid.

хлопоманства и самобытности с самодержавной системой Второй империи...»¹. Очевидно, Царство Польское стало местом, где Н. А. Милютин мог реализовывать часть своих взглядов, которые были своего рода социальной инженерией, основными признаками которой выступали попытки снижения влияния шляхты, подавление гражданских свобод, борьба против католического духовенства².

Ограничение влияния костела было одним из основных и важных элементов «программы» Учредительного комитета. Изменение социальных и экономических отношений должно было привести к «возрождению истинной Польши», то есть славянской и, возможно, православной³. Костел же виделся неугодным, поскольку поддерживал «старую» Польшу – врага России. В глазах реформаторов он был главной основой сохранения своеобразия польской провинции⁴. Подобный настрой в отношении католического духовенства выражался в проводимых реформах, например, в Указе о закрытии монастырей в 1864 г., Указе, касавшемся ликвидации патроната шляхты над парафиями от 14 (26) июля 1865 г.

Аналогичные подходы реформаторы во главе с Н. А. Милютиным использовали и при изменении системы образования в Царстве Польском. Главным идеологом и разработчиком этой реформы был А. Ф. Гильфердинг, а основной целью этих изменений должен был стать уход крестьян из-под влияния мятежных элементов и сторонников восстания. В условиях освобождения крестьян, с формированием из них самостоятельного общественного слоя, в качестве одной из важнейших мер, реформаторы видели создание сети элементарных школ с использованием их в качестве одного из способа воздействия на крестьянство⁵.

Основой новой образовательной системы должен был стать аполитичный характер школ, который бы обезопасил поляков от воздействия революционной пропаганды. Что касается женских гимназий, то они должны были оградить

¹ Wereszycki H. Historia polityczna Polski 1864–1918. Warszawa, 1990. S. 52.

² См: Leroy-Beaulieu A. Op. cit. S. 191–195

³ Костыркин А. «У нас возможна только римско-католическая церковь...» // Родина. Москва, 1994. № 12. С. 107.

⁴ Glebocki H. Op. cit. S. 494.

⁵ Ibid. S. 500.

девушек от влияния духовенства, которое использовало обучение в монастырях для поддержания антирусских настроений¹.

Однако программа реформ в сфере образования все-таки не стала орудием русификации², по крайней мере, в той степени, на которую делался расчет. Она была своего рода попыткой применения славянофильских подходов через сохранение внешних форм якобы нацеленных на уважение прав национальностей. Впрочем, определенные попытки русификации все же были предприняты, например, произошло введение русского языка в качестве обязательного для средних школ, в богослужениях, в системе управления. Все эти меры явились своеобразным фундаментом для будущей, целостной русификации Царства Польского³.

Необходимо отметить, что подходу унитаризма и социальной демагогии Н. А. Милютина противостояла группа консерваторов, связанная с так называемыми «российскими немцами»⁴. В качестве главных ее представителей выступали П. А. Валуев и П. А. Шувалов⁵. Примечательно, что даже Великий князь Константин по некоторым вопросам присоединялся к ним, хотя в целом оставался оппонентом немецких и балтийских баронов⁶. Конфликт с этой группой аристократов, которую можно определить в качестве «пронемецкой», в первую очередь касался прибалтийских губерний, но затрагивал и политику в отношении Польши. В своем отношении к политике Н. А. Милютина они были солидарны со сторонниками наместника Ф. Ф. Берга, которые также занимали если не

¹ *Glebocki H.* Op. cit. S. 500.

² Отражены ее идеи были, пожалуй, в плане устройства школ и в принятом проекте рескрипта, точнее в его преамбуле от 20 августа (1 сентября) 1864 г. См: Исследования в Царстве Польском, по высочайшему повелению произведенные под руководством сенатора, статс-секретаря Милютина. СПб., 1864. Т. 4. С. 1–7.

³ См: *Glebocki H.* Op. cit. S. 504.

⁴ *Ibid.* S. 510.

⁵ Петр Андреевич Шувалов – чиновник, с 1861 по 1874 гг. начальник III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

⁶ См: Дневник П. А. Валуева... С. 280. Там же. Т. 2. С. 89.

Стоит отметить, что Константин был представителем распавшихся «либеральных бюрократов», которые также являлись политическими оппонентами «немецкой партии». Причиной этого распада стали новые подходы к реализации политики в отношении Польши Н. А. Милютина и М. Н. Муравьева.

«немецкую», то «пронемецкую» позицию, поскольку сам граф Ф. Ф. Берг был по происхождению немцем¹.

Политические оппоненты «милютинцев» в Царстве Польском выступали за ассимиляцию поляков, тогда как сторонники взглядов Н. А. Милютина, по утверждению исследователя Е. Едлицкого, желали создать в Царстве Польском инструменты и общественные структуры, несвойственные Российской империи, представляя Привислинский край как поле для своеобразного социального эксперимента. Сопратники же Ф. Ф. Берга считали, что нет необходимости в создании институтов, которых не могло быть на остальной территории Российской империи².

Именно спор в высших кругах власти вокруг политики в отношении окраин, в первую очередь Польши, а также балтийских губерний знаменовал новую тенденцию в борьбе между консерваторами и «милютинцами». Примечательно, что в этом противостоянии перевес имели сторонники Н. А. Милютина. П. А. Валуев объяснял это тем, что они пользовались серьезным кредитом доверия со стороны Александра II: «...вечером был у меня гр. Шувалов. Между прочим, он рассказал недавний разговор с военным министром, который на замечание, что в публике удивляются стойкости государя, жертвующего всей своей популярностью сохранению на нынешних местах его самого, военного министра, его брата и ген. Зеленского, отвечал, что государь их никогда не уволит, потому что они имеют перед их противниками двойное и великое преимущество: во-первых, в том, что они знают, чего хотят, и готовы высказать это на Адмиралтейской площади, чего другие (т. е. мы) не сделают; и, во-вторых, в том, что государь знает, что они поддерживают его полновластие во всей целостности, а другие (т. е. опять мы) будто бы желают его ограничить. Последняя

¹ Его взгляды и способ ведения дел описываются далее, и подтверждают данное утверждение.

² Подробнее об этом см: *Jedlicki J. Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji: analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX w.* Warszawa, 1964. S. 223–345.

мысль, действительно, верна в том смысле, что его величество так именно думает, и что эту думу в нем заботливо поддерживают...»¹.

Эта борьба не продлилась долго, она завершилась в 1866 г., в связи с болезнью Н. А. Милютина и его фактическим отходом от политических дел, что привело к потере политического веса его сторонников. Несмотря на их недавнее преимущество, победителями в итоге вышли все-таки консерваторы. Что примечательно, они не стали отказываться от принципов политики Н. А. Милютина: «...нет необходимости менять политику в отношении Польши, наоборот, необходимо действовать энергичнее...»². Ликвидированы были лишь наиболее яркие и характерные элементы милютинского направления, а заменены они были проверенными методами административной русификации.

Если, резюмируя, попытаться обрисовать политику и взгляды Н. А. Милютина, то можно было бы назвать их своего рода компиляцией либеральных и даже демократических идей, а также представлений «либерального абсолютизма», утверждавшего исключительность России и стремящегося приспособить достижения Запада для нужд империи³. Основу его убеждений составляла национальная идея, позволившая эволюционировать представлениям самого Н. А. Милютина, которые в условиях сложившихся обстоятельств приобрели более прагматичный характер, по сравнению с той социальной утопией, доминировавшей изначально. И хотя основные идеи Н. А. Милютина остались по большей части лишь задумками, можно допустить, что они действительно соответствовали его взглядам на переустройство России, а на практике были адаптированы к сложившейся ситуации необходимости умиротворения Польши.

¹ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. М., 1961. Т. 2. С. 88–89.

Военным министром был Дмитрий Алексеевич Милютин – брат Николая Алексеевича, упомянутый генерал Александр Алексеевич Зеленой, по мнению Х. Глембоцкого, был своего рода связующим звеном между милютинцами и антипольски настроенными кругами бюрократии, представляемыми М. Н. Муравьевым.

² Цит. по: *Glebocki H. Op. cit. S. 514.*

³ *Lincoln W. B. N. Miliutin: an Enlightened Russian bureaucrat. Newtonville, 1977. S. 71–83.*

Важно также отметить, что, несмотря на ключевую роль Н. А. Милютина в деле реформ, его личный вклад в их разработку, при участии своих помощников, остью всех процессов в Царстве Польском являлся наместник Федор Федорович Берг. Его полномочия, как уже отмечалось, были очень велики, и касались практически всех сфер жизни в Польше. Это обстоятельство регулярно вносило коррективы в планы реформаторов. С наместником, который имел столь широкие функции, нельзя было не считаться, а тем более с таким как граф Ф. Ф. Берг, который имел в Польше влияние, определявшееся не только законом. Об этом можно судить на основе свидетельств участников событий. Они позволяют понять причины влияния графа, установить степень его авторитета в высших варшавских кругах. Благодаря ним, можно выявить главные мотивы, которыми он руководствовался при принятии важнейших решений, что в свою очередь поможет в определенной мере понять суть противоречий, существовавших между наместником и реформаторами в ходе реализации задуманных реформ. Наконец, это позволит воспроизвести политический портрет Ф. Ф. Берга, и покажет личность наместника под другим углом, отличным от того, каким он представлялся в переписке Н. А. Милютина и В. А. Черкасского.

В 1863 г. Ф. Ф. Берг был призван в Польшу для подавления восстания, что он с успехом и проделал, но его позиция в Царстве на должности наместника тогда еще была весьма шаткой. Граф Ф. Ф. Берг, вероятно, по этой причине был вынужден вступить в противостояние с Н. А. Милютиным, чтобы не быть отстраненным от управления в Царстве, и не покинуть этот пост. Как писал польский историк С. Кеневич, эта борьба велась достаточно осторожно. Ф. Ф. Берг, осыпая Н. А. Милютина комплиментами, старался перетянуть на свою сторону, а где-то даже пытался отстранить его от управления в некоторых вопросах¹. Здесь

¹ См: *Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg – wielkorządca w feudalnym czy też w burżuazyjnym stylu? // Między feudalizmem i kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych. Wrocław, 1976. S. 280.*

стоит упомянуть, что, например, Дмитрий Гаврилович Анучин¹ отмечал, что Ф. Ф. Берг всегда вел честную и открытую борьбу. Однако тут же оговаривался, что не без разного рода хитрокомбинированных и эффектных сюрпризов², что звучит достаточно противоречиво. К этим хитростям, пожалуй, можно отнести и создание в Учредительном комитете Царства Польского лагеря, противостоящего В. А. Черкасскому и Ю. Ф. Самарину, сторонникам Н. А. Милютина³.

По сведениям Евгения Константиновича Андреевского – российского государственного деятеля, граф Ф. Ф. Берг, не отдавал предпочтение немцам, и часто назначал на должность какого-нибудь русского человека⁴, но при необходимости поддерживал немецкий элемент, в частности, если речь шла, например, о железных дорогах, когда он заставлял акционеров Варшавско-Венской и Варшавско-Быдгоской (Быдгошской) железной дороги, доверить управление барону Мушвитцу⁵. Граф Ф. Ф. Берг противостоял и государственной политике в Царстве Польском, он не допускал массовой конфискации имущества у участников восстания⁶, считая, что воздействовать на землевладельцев и крестьян гораздо эффективнее при помощи контрибуций и штрафов, в чем оказался, в общем-то, прав. Кроме того, Ф. Ф. Берг не упускал возможности удовлетворить свои интересы – ведь эти штрафы приносили доход и самому наместнику, и военным начальникам, и полиции Федора Федоровича Трепова⁷.

¹ В то время был помощником Ф. Ф. Берга, а с 1869 г. был назначен Радомским генерал-губернатором.

² *Анучин Д. Г.* Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском (1863–1874) // *Русская старина*. СПб., 1893. Т. 77. С. 41.

³ *Костюшко И. И.* Крестьянская реформа 1864 в Царстве Польском. М., 1962. С. 152–155.

⁴ *Андреевский Е. К.* К воспоминаниям о графе Федоре Федоровиче Берге // *Русская старина*. СПб., 1907. Т. 132. С. 455.

⁵ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 281.

⁶ [Ф. Ф.] Берг – [Н. А.] Милютину 18/30 января 1864 года // РГБ НИОР. Ф. 169. К. 58. Ед. хр. 18. Л. 13–14.

⁷ *Kieniewicz S.* Op. cit. S. 283. Ф. Ф. Трепов с 1863 года был назначен начальником 3-го Округа корпуса жандармов в Царстве Польском, а в декабре того же года стал генерал-полицмейстером Царства Польского, позже – членом Государственного совета, членом совета управления, членом Учредительного комитета по крестьянским делам Царства Польского.

Как утверждал историк Николай Васильевич Берг (однофамилец графа), взятки Ф. Ф. Берг не брал, однако не отказывался от присутствия в серьезных экономических мероприятиях. Ему предлагалось участие, и инициаторы порой даже не просили денег у наместника, им достаточно было получить его подпись. После определенного времени наступал расчёт, и граф с чистой совестью клал в конторку значительную сумму¹. Все финансовые и экономические вопросы обсуждались с Ф. Ф. Бергом и отправлялись в Петербург только с его одобрения (учреждение Торгового Банка, Кредитного Товарищества города Варшавы). Обосновывал это наместник тем, что улучшение экономической ситуации усиливает связи империи с Царством². Как утверждал всё тот же Н. В. Берг, Ф. Ф. Берг многое позволял финансистам и даже помогал им. В этой связи необходимо упомянуть случай, когда наместник помог Леопольду Станиславу Кроненбергу³, упоминавшемуся в брошюре некоего Устимовича «O spiskach i zamachach na życie hr. Berga»⁴, исчезнуть из нее. Стоит признать, что вне зависимости от интересов, которыми руководствовался граф в проведении своей политики в Царстве Польском, при нем оно стало активно развиваться экономически, и даже обрело черты развитого капитализма.

Важным для нас моментом является то, каким он представал перед современниками. Об этом писал варшавский журналист Антони Залески в работе «Towarzystwo Warszawskie». Граф Федор Берг был, по его мнению, прежде всего политическим обманщиком, солдатом старой николаевской школы, проворным, резвым, удивительно до последних минут стойким, жестким, не без способностей к систематической работе⁵. Русским, по мнению А. Залеского, граф никогда себя не ощущал, и до смерти оставался немцем. И немцем – старой, петербургской

¹ Berg M. Zapiski i polskich spiskach i powstaniach. Cz. 10. Warszawa, 1906. S. 90.

² Kieniewicz S. Op. cit. S. 284.

³ Леопольд Станислав Кроненберг – основатель и владелец банкирского дома в Варшаве, финансировал промышленные предприятия, железные дороги. Учредитель Санкт-Петербургского Учетного и ссудного банка. Один из крупнейших финансистов Российской Империи. Один из деятелей национального движения в Польше т. н. «белый банкир».

⁴ «О заговорах и покушениях на жизнь графа Берга»

⁵ Zaleski A. Towarzystwo Warszawskie : listy do przyjaciółki. Warszawa, 1971. S. 75.

школы – верный слуга императора, слепое орудие его воли, однако без разного рода патриотичных порывов и без специфических стремлений к «миссии русификации». Ультраконсерватор старого «пошива», всегда с подозрением относился ко всем новым петербургским фигурам как к тайным революционерам. Его германская кровь, воспитание на антиреволюционных принципах и служба во времена Николая I сыграли свою роль в отношении Ф. Ф. Берга ко всему новому¹.

По мнению автора «Listów» граф был противником отмены крепостного права, и вздрагивал, только слыша упоминание об этом, встречаются также упоминания, что Ф. Ф. Берг старался радикальные стороны реформы всячески сгладить². Не скупился А. Залески на эпитеты, описывая натуру и внешность наместника: «...Берг называл себя человеком порядка, а был лишь живой мумией николаевского застоя и терроризма. Никаких сомнений, а еще меньше каких бы то ни было благородных чувств в этом сухом мундире, очерненных усах, гуттаперчевом лице, сердца, кажется, никогда не было, но зато была несомненная жажда власти, и крепко с ней связанная, сумасшедшая самоуверенность в своем уме и собственной утонченности...»³.

Стоит обратиться и к тому, что о нем писали его подчиненные. Например, Д. Г. Анучин, который был помощником Ф. Ф. Берга на должности наместника в Царстве Польском. Д. Г. Анучин не скупился на похвалу в своих воспоминаниях о графе, он писал, что Ф. Ф. Берг очень много и усердно работал. Каждый день проходил в работе с корреспонденцией, которую граф очень внимательно выслушивал. Он «...следил не только за мыслью, но и за каждым словом, отлично схватывая все подробности и делая меткие замечания, а нередко прибегал и к крепким словам, которые по большей части произносил по-русски и совершенно кстати...»⁴. Граф Ф. Ф. Берг, по свидетельствам Д. Г. Анучина,

¹ Zaleski A. Op. cit. S. 75.

² Stankiewicz Z. Z dziejów reformy uwłaszczeniowej w Królestwie Polskim // Przegląd Historyczny. Warszawa, 1959. T. 1. S. 75.

³ Zaleski A. Op. cit. S. 75–76.

⁴ Анучин Д. Г. Указ. соч. С. 47

был особой очень педантичной, поскольку принадлежал к военным офицерам и дисциплина была для него крайне важна.

Иначе он слушал записки и журналы, которых ему приходило очень немало. Их он выслушивал с закрытыми глазами, если же был встревожен чем-либо, то погружался в размышления, не особо обращая внимание на происходящее. Что любопытно, наместник, по словам Д. Г. Анучина, частенько после окончания выслушивания того или иного доклада уходил в спальню и ложился спать на пять минут, и это действительно были буквально пять минут, после которых он снова появлялся свежим, с блеском в глазах и вечной улыбкой¹.

Еще одной любопытной чертой графа, по сведениям Д. Г. Анучина, являлась его любовь к написанию писем, причем граф старался не упускать ни одного случая, чтобы отправить письмо не по почте, а при случае с кем-либо. Всю свою переписку и множество копий с важнейших или интересующих его бумаг наместник тщательно сохранял в своем архиве. Еще Д. Г. Анучин отмечал, что граф Ф. Ф. Берг не знал усталости, не любил ничего откладывать в долгий ящик, не давал себе покоя, соответственно, будучи такого склада человеком, не очень заботился о спокойствии своих подчиненных. Характерно для него было высказывание: «Молодых и старых людей нет, есть больные и здоровые – я здоровый»².

Д. Г. Анучин характеризовал наместника, как человека «быстрой мысли», способного мгновенно овладевать сутью дела, образно излагать свои соображения живо и красноречиво, но немногословно. Автор воспоминаний отмечал у наместника «...тонкий и язвительный ум, который так и светился в быстрых, выразительных глазах, не утративших с годами своего блеска...»³. Ф. Ф. Берг, по его мнению, был любезным, приятным человеком, с мягкими и вкрадчивыми манерами, не допускавшим, однако, ни малейшей фамильярности. Кроме того, Д. Г. Анучин писал, что граф Ф. Ф. Берг отличался необыкновенной любезностью и предупредительностью со всякими лицами, имевшими к нему дело, или с

¹ Анучин Д. Г. Указ. соч. С. 54–55.

² Там же. С. 56

³ Там же.

которыми он знакомился сам. В общении он обладал способностью распознать собеседника и заставить его говорить, при этом, практически не высказываясь сам. Он был человеком хитрым и действовал по принципу, что слово дано человеку для того, чтобы лучше скрывать свою мысль. «Даже, отдавая приказание, Берг уклонялся от точной формулировки, желая, чтобы его поняли и сделали, то, о чем он думает, но не желает говорить...»¹.

Д. Г. Анучин, касаясь отношений наместника с прессой, писал, что граф не обращал никакого внимания на газетные статьи, которые в том числе относились к нему: «...когда его бранили – он лукаво посмеивался, когда хвалили – хладнокровно выслушивал и несколько этими отзывами не утешался...»². Причину такого прохладного отношения графа Ф. Ф. Берга к периодической печати можно увидеть в одном из моментов, описанном Д. Г. Анучиным. В одной из личных бесед с Д. Г. Анучиным наместник говорил: «...опротивели мне эти [газетные] вырезки ужасно. В течение нескольких лет они меня преследуют. Обязательно прочитывая массу гадостей, распускаемых заграничными газетами насчет России, я изверился в прессе и не вижу от нее добра. На каждом слове ложь и клевета, и притом сознательные. Гг. газетчики – говорю о заграничных – с азартом печатают всякую мерзость о России и это им приносит доход. Из алчности к деньгам готовы на все. Заплатите – и завтра будут хвалить вас и порицать ваших противников. Не верю я им и не унижусь никогда перед заправилами прессы...»³.

Характеристика Д. Г. Анучина контрастирует с упоминаниями А. Залеского, которые печаталась в газетах⁴, а, следовательно, в большей степени были ориентированы на публику Царства Польского, а не с целью фактического сохранения воспоминаний о наместнике. Подтверждением тому служат и обороты речи, используемые при описании А. Залеским, и содержащие преимущественно

¹ Анучин Д. Г. Указ. соч. С. 57.

² Там же. С. 63.

³ Там же. С. 64–65.

⁴ Подробно о том, как выходили в свет и что представляли собой «Listy» см: Zaleski A. Op. cit. S. 5–20

негативные и даже оскорбительные обороты. В свою очередь, характеристику Д. Г. Анучина, тоже нельзя принимать как эталон, поскольку в записках о Ф. Ф. Берге, помощник наместника не отметил ни одной отрицательной черты в поведении графа, не дал ни одной негативной характеристики его поступкам. Д. Г. Анучин отмечал очень ровные, даже доверительные отношения Ф. Ф. Берга с приближенными¹, что никак не вяжется с острой политической борьбой, развернувшейся вокруг реформ в Царстве Польском. Примечательно, что Д. Г. Анучин в 1865 г. стал Радомским губернатором и произошло это не без участия наместника, о котором он оставил свои воспоминания.

Достаточно противоречивую характеристику Ф. Ф. Бергу дал Александр Иванович Кошелев – один из членов Учредительного комитета в Царстве Польском в 1864–1866 годах, который также ведал государственными финансами на этой территории в этот период. В своих «Записках» А. И. Кошелев описывал наместника как очень умного человека, вежливого, деятельного, но, в то же время, легкомысленного, способного менять свое мнение два и три раза в течение часа, для которого сказать неправду было очень просто². «Работать с ним было очень приятно: он быстро все понимал, легко входил в мысль докладчика и не затруднялся в решении дел... сказавши «да», он более об этом не думал, и на его слова никак нельзя было рассчитывать и полагаться...»³. Впрочем, это позднее не мешало А. И. Кошелеву сохранять с Ф. Ф. Бергом хороших отношений. Вероятно, это происходило в первую очередь из-за заинтересованности в поддержании таких отношений со стороны наместника, и А. И. Кошелев в условиях развернувшихся батальей в Учредительном комитете по некоторым вопросам противостоял В. А. Черкасскому⁴.

Еще одна характеристика графа Ф. Ф. Берга содержится в воспоминаниях Павла Петровича Карцова – военного писателя, генерала, одного из участников

¹ Анучин Д. Г. Указ. соч. С. 60.

² Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 119.

³ Там же. С. 120.

⁴ Записки Александра Ивановича Кошелева. С. 111.

подавления польского восстания 1863 г. Его оценки наместника отличаются в своей основе сдержанностью. Автор отмечал, что граф всегда замечал способного человека, и под видом особого внимания заваливал его работой и поручениями, не относящимся к его прямым обязанностям. В таких ситуациях наместник не скрывал своих предпочтений к избранному даже перед старшими начальниками. Каждый работавший на него человек, по словам П. П. Карцова, в глазах Ф. Ф. Берга являлся материалом, силой, которую стоило оберегать, пока она могла помочь ему в достижении поставленных целей: «Подчиненный делец был в его глазах нечто вроде лимона, годного только до тех пор, покуда из него не выжать сок; раз же это сделано, лимон следует бросить...»¹. Бездарных и неспособных он, по мнению писателя, оставлял в покое и даже награждал за покорность и преданность, а также за лояльность направлению местной политики, избираемой в тот или иной период наместником.

В личности Ф. Ф. Берга П. П. Карцов также отмечал энергичность, «проворство», удивлялся тому, каким насыщенным был каждый из дней наместника. Любопытна его характеристика административных и управленческих способностей графа Ф. Ф. Берга: «...если бы побольше правдивости и поменьше эгоизма и сваровок, заставлявших его действовать не так, как требовали русские интересы, а ради желания угодить тому или иному направлению, то граф Берг мог бы принести громадную пользу...»².

Еще одну характеристику наместнику, на которую стоит обратить внимание, дал Евгений Константинович Андреевский – российский политический деятель. По его воспоминаниям, граф Ф. Ф. Берг – тонкий дипломат, который умел ловко отстаивать независимость своего положения в роли наместника, знал с кем стоит считаться, через кого устраивать свои дела. Если речь шла о Берге-военном, то мнение о нем было исключительно положительное. Он высказывал свои требования, но редко давал указания, представляя подчиненным свободу

¹ Карцов П. П. Граф Ф. Ф. Берг // Русская Старина. СПб., 1883. Т. 37. С. 311–312.

² Там же. С. 322.

инициативы. Был кроток, умен, мудр, не проявлял высокомерия, старался никого не подпускать к себе близко, был почти недоступен¹.

Графа Берга, по словам Е. К. Андреевского, никто никогда не видел смеявшимся. Когда он находил что-то забавным, у него появлялась только легкая ухмылка, едва раздвигавшая губы, и совсем немного проясняющая глаза. Наместник никогда не выражал своего гнева, и никто не видел его кричащим. Портрет Ф. Ф. Берга в воспоминаниях Е. К. Андреевского, достаточно схож с тем, о чем писали Д. Г. Анучин или А. Залески – рост выше среднего, в плечах плотный, но худой, совершенно черные волосы на голове и усы, даже в 84 года. «...Глядя на его лицо, всегда можно было припомнить Мефистофеля. – Это было крайне типичное лицо, нос орлиный, а глаза, при всей старческой вялости бросали взгляд пронизывавший...»². Ф. Ф. Берг, как писал Е. К. Андреевский, представал человеком очень серьезным и сдержанным, но при этом остроумным и всегда в беседах его было много юмора. Это был человек непреклонной воли и железного характера, со стороны казавшийся добрым и кротким. Поляки, перед ним трепетали – перед его спокойствием, и тихой, невозмутимой решительностью, хотя в обращении с ними он был мягок и никогда не был с ними суров³.

По мнению уже упоминавшегося русского историка и публициста Николая Васильевича Берга, одной из ярких черт наместника была его способность при необходимости проявить себя мягким, приятным человеком, а в других ситуациях – выносить и исполнять самые суровые приговоры, не выходя из состояния обыкновенного его спокойствия⁴. Терпения и способности точно исполнять указания у него было более чем достаточно, а если графа посещала какая-то идея в политическом или житейском плане, то мало что могло препятствовать ее осуществлению. Если же возникало что-то подобное, то он всегда искал способ

¹ См: *Андреевский Е. К.* Указ. соч. С. 445–448.

² Там же. С. 453–454.

³ Там же. С. 454.

⁴ *Berg M.* Zapiski o polskich spiskach i powstaniach. Cz. 8. Warszawa, 1906. S. 53.

разрешить сложившуюся ситуацию¹. Несмотря на его преклонный возраст, в нем была постоянная жажда движения, он великолепно ездил конно, ел и пил за четверых, работал с утра до поздней ночи, имел завидные слух, зрение и память, не чувствовал усталости².

Однако автор допустил и весьма нелестный отзыв о наместнике: «...никому не пришло в голову, что граф Берг не является русским, что это немец, не терпящий попросту России и называющий ее Китаем; что не допускает, что у русских было чувство чести; что, в конце концов, это человек, если не абсолютно плохо, то, по крайней мере, несоответствующе воспитан для должности, на которую он предназначался...»³. Характеризуя его как политика, Н. В. Берг отмечал, что граф Ф. Ф. Берг был замкнут в себе, когда он не хотел, никто не имел понятия какого мнения наместник был о той или иной ситуации, личности, проблеме. Касаясь его появления в Варшаве в качестве помощника тогдашнего наместника – великого князя Константина, подмечал, что Ф. Ф. Берг как тень следовал за Константином, ничему не мешая, ничему не оппонировав, никогда не высказывая даже малейшего своего мнения, слушая всё в молчании⁴.

В документах Archiwum Główny Akt Dawnych в Варшаве сохранились записи нескольких исторических анекдотов о Ф. Ф. Берге, которые отчасти дополняют представленную картину. «Граф Берг часто говорил, что женатые офицеры и спекулянты, имеющие много денег – приносят мало пользы военной службе. Одного не оторвешь от жен, а другого от спекуляций. Однажды он говорил об этом за обедом у себя в Варшаве, где обыкновенно за столом собирались все его *maison militaire*. М. Н. Анненков, бывший в числе обедавших, спросил, а что же вы сам граф и женат, и имеете немало денег? Я совершенно другое дело, отвечал граф: с женой живу возможно меньше, а деньги держу в кредитных бумагах»⁵.

¹ *Berg M. Op. cit. Cz. 8. S. 54.*

² См: *ibid. S. 55.*

³ *Ibid.*

⁴ *Ibid. S. 54–57.*

⁵ *Materiały dotyczące gen. Fiodora Berga // Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie. Z. 203 (Namiestnik i Głównodowodzący wojskami w Królestwie Polskim). Syg. 161. S. 6.*

При некоторых различиях в характеристиках Ф. Ф. Берга авторы воспоминаний о нем сходятся во мнении, что это был человек весьма мудрый, умеющий добиваться своего, хороший администратор и тонкий дипломат. Все характеристики как позитивные, так и негативные, так или иначе, позволяют понять главное в системе его управления в качестве наместника Царства Польского, будь то период подавления восстания или время активных преобразований в Польше и после них. Большинство приведенных примеров, пожалуй, имеет излишне эмоциональную окраску, отличается определенной долей субъективности. Однако они не отменяют приведенных реальных фактов, показывают специфические особенности управленческой деятельности графа Ф. Ф. Берга, создают довольно цельный политический портрет наместника.

В приведенных свидетельствах очевидцев и участников событий присутствует важный для нашей работы вывод, позволяющий разобраться в особенностях подготовки и реализации реформ 1860-х гг. в Царстве Польском. Несмотря на колоссальную роль в осуществлении преобразований князя В. А. Черкасского и Н. А. Милютина, осью, вокруг которой вращалась вся система управления этими процессами в Царстве Польском, являлся наместник Ф. Ф. Берг. Именно от него по большому счету зависела деятельность реформаторов, и его полномочия могли позволить или не позволить реализовать те или иные акты. На многое было необходимо одобрение наместника, если не официальное, то, по крайней мере, формальное. Многие это понимали, возможно, именно на этом и основывалось то, с какой легкостью чиновники переходили в стан «лагеря наместника». Потерять расположение Ф. Ф. Берга, чей социальный и политический вес был куда более значимый, чем у того же Черкасского, для чиновника могло бы грозить неисчислимыми трудностями в политической карьере в Царстве Польском. А исходя из того, каким был человеком Ф. Ф. Берг можно полагать, что даже не имея четкого плана действий и не разбираясь в чем-то, он старался придерживаться своей собственной точки зрения. Из этого, в том числе, следовали конфликты в российской администрации в Царстве.

Говоря об особенностях политической ситуации в преддверии реформ в Царстве Польском можно утверждать, что государственная политика, проводимая имперскими властями, стала одним из ключевых факторов, приведшим к восстанию в Царстве Польском. Для проведения новой политики необходимо было новое понимание места Польши в рамках империи. В результате этого к влиянию на польскую политику пришли новые чиновники с противоположными подходами и новыми задачами, люди которые ранее уже проявляли себя на государственной службе: Н. А. Милютин, который имел свои достаточно новые и прогрессивные взгляды на ведение политики и проведение реформ, на организацию и устройство территории Царства Польского, Ф. Ф. Берг, назначенный наместником в Польше, был чиновником с иными интересами, другим способом ведения дел, другой степени интеграции в государственном аппарате. Такая ситуация предопределяла конфликт, который мог произойти в Царстве Польском в последующие годы. Вопрос, по сути, состоял лишь в том, какой масштаб приобретет противостояние в среде русской администрации, а также какое влияние окажет эта ситуация на подготовку и ход российских реформ в Царстве Польском.

2. 2. Складывание двух политических центров в российской администрации в Царстве Польском

Восстание, которое вспыхнуло в Царстве Польском и на территориях Западного края, не могло не повлиять на планы самодержавной власти в отношении мятежного края. Оно заставило предпринять более решительные попытки исправить положение дел. В это время командующим войсками в Польше был Эдуард Андреевич Рамзай (Edward Ramsey), назначение он получил еще в июле 1862 г., но в марте 1863 г. был уволен и награжден алмазными знаками ордена св. Александра Невского¹, официальная причина – плохое здоровье, из-за которого Рамзай вынужден был просить отставки. Впрочем, есть и другая версия, согласно которой уволен он был из-за конфликтов с Велепольским². На замену Рамзаю был назначен граф Федор Федорович Берг, который в апреле 1863 г. прибыл в Варшаву.

Ф. Ф. Берг – старый генерал, немец незначительного происхождения, карьерная дорога которого была достаточно трудна, поскольку у него не было возможности воспользоваться чьей-либо протекцией. При этом он являлся «...человеком не отступающим даже перед самыми сложными поручениями, живым, вертким, верным, надежным, умеющим справляться с любыми делами...»³. Незадолго до своего назначения в Польшу он занимал должность генерал-губернатора Финляндии, являлся почетным директором, генерал-адъютантом Николаевской академии Генерального штаба.

По сведениям, его однофамильца, современника и писателя Н. В. Берга, оставившего подробное описание тогдашних событий, прибыв в Варшаву, граф Ф. Ф. Берг сразу «...начал как тень следовать за великим князем Константином, не

¹ Русский биографический словарь. СПб., 1910. Т. 15. С. 490.

² *Berg M.* [Mikołaj в польском варианте, Николай Васильевич – в русском]. *Zapiski o polskich spiskach i powstaniach*. Warszawa, 1906. Cz. 8. S. 56.

³ *Ibid.* S. 36.

вмешиваясь ни во что, ничему не противодействуя, единственное, что он изредка делал – легко и тихо пожимал плечами. Не было большего старания, чем требовалось. Когда наместник был в церкви – граф был рядом, устраивал просмотр войск – Ф. Ф. Берг был рядом. Случалось даже, что он присутствовал при принятии Константином служебных отчетов, но никогда не высказывал своего мнения...»¹. Сам граф Ф. Ф. Берг, в своем письме к Д. А. Милютину², оценивал свою работу с Константином неоднозначно. Граф не отрицал, что периодически бывали дискуссии и обмен мнениями между ним и наместником, и что они не приходили к согласию по некоторым вопросам, однако подчеркивал взаимное доверие³. Он также отмечал, что поставил перед собой две цели: поддержать авторитет наместника и помочь в управлении войском, исполнял он это самоотверженно и практически «жертвуя собой»⁴. Впрочем, Ф. Ф. Берг скорее держался особняком и старался не брать на себя ответственности за неудачи войск в борьбе с восстанием.

Можно предположить, что ситуация в Царстве была весьма тяжелой, если речь шла о властных кругах. К дуэту А. Велепольский – Константин было все меньше доверия. Подавали в отставку члены Государственного совета, члены городских советов, советов повятов. Чиновничий аппарат, полонизированный А. Велепольским, все чаще либо переходил в оппозицию к проимперским властям, либо был индифферентен к происходящим событиям, что осложняло деятельность русских войск из-за противоречий между гражданской и военной властью⁵.

Мнение приближенных к правительственным кругам в самой империи и даже самого Александра II также не было позитивно в отношении Константина. Так, сохранились сведения о том, что в беседе с тогдашним министром народного просвещения А. В. Головниным император говорил, что надежды, связанные с

¹ Berg M. Op. cit. Cz. 8. S. 57.

² Дмитрий Алексеевич Милютин – военный министр Российской империи в 1861–1881 гг.

³ См.: Берг [Ф. Ф.] – Д. [А.] Милютину от 6/18 августа 1863 года // Российская Государственная Библиотека Научно-исследовательский отдел рукописей (далее РГБ НИОР). Ф. 169. К. 58. Ед. хр. 17. Л. 60–61.

⁴ См.: там же.

⁵ См.: Koberdowa I. Wielki Książę Konstanty w Warszawie, 1862–1863. Warszawa, 1962. S. 216.

назначением Константина, не оправдались – поляки видят в нем представителя ненавидимой России, а русские – преграду в подавлении восстания. Многие политики считали, что дни Константина в качестве наместника подходят к концу. Защищал его лишь канцлер А. М. Горчаков, он в конце мая 1863 г. убеждал царя, что Константин нужен был в Польше в качестве символа гуманного правительства¹.

Чем дольше Константин находился в качестве наместника в Царстве Польском, тем хуже становилось его положение, особенно на фоне успехов М. Н. Муравьева² в Виленском крае, где его жесткие и радикальные методы приносили результаты. Так или иначе, в августе 1863 г. великий князь Константин был отправлен в отставку, и на его место был назначен граф Ф. Ф. Берг.

Август был значимым месяцем в государственных делах Польши не только из-за назначения нового наместника, но и в связи с тем, что император предпринял попытку организовать реформы не только путем смены персоны, возглавлявшей мятежный край, но и путем поиска новых участников для осуществления этого процесса. Именно поэтому в конце августа 1863 г. Александр II призвал Николая Алексеевича Милютина – родного брата военного министра Дмитрия Алексеевича Милютина, одного из главных разработчиков крестьянской реформы 1861 г. в Российской империи.

Подробности встречи удастся узнать, благодаря запискам М. А. Милютиной – жены Н. А. Милютина. В Царском Селе 31 августа (12 сентября) 1863 г. состоялась личная беседа Н. А. Милютина и императора Александра II, в которой царь убеждал своего собеседника, чтобы тот принял предложение работы в Царстве Польском. Хотя известно, что царь обычно ставил своих подданных перед фактом, и лишь формальным делом было принятие окончательного решения, Н. А. Милютину удалось отстоять свою позицию в рассматриваемом вопросе. Изначально император хотел сделать Н. А. Милютина начальником гражданской администрации в Царстве, с чем последний не

¹ Цит. по: *Koberdowa I. Op. cit. S. 217.*

² Михаил Николаевич Муравьев – гродненский, минский и виленский генерал-губернатор (1863–1865 гг.).

соглашался. В итоге он получил, по сути, функции чрезвычайного комиссара. Александр II говорил, что необходимо обратиться к народу и искать в нем опору, а антиаристократические взгляды (позже царь с усмешкой поправился и сказал «демократические») Н. А. Милютина нужны ему в Польше¹.

Кроме того, по мнению Александра II, необходимо было прибегнуть к мерам иного рода. Он считал, что все средства для примирения были исчерпаны, поэтому с польской аристократией император «покончил»². Очевидно, что российский царь считал, что система, которая существовала со времен Александра I, и которую поддерживал его брат вместе с А. Велепольским, превратилась в неэффективный пережиток прошлого, абсолютно бесполезный в сложившейся ситуации. Александр II предостерегал Н. А. Милютина от использования прежних методов, чтобы не совершать ошибок А. Велепольского и Константина. Необходимо отметить, что Н. А. Милютин, вероятно, знал, что Александр II «покончил с аристократией», желая, в том числе, добиться равенства всех перед законом, однако он в то же время осознавал, невозможность управления в Царстве без образованных слоев населения³.

Одним из показательных моментов, иллюстрировавших то, что Александр II еще до разговора с Н. А. Милютиным всё для себя решил относительно системы управления в этой части Российской империи, являлось поведение императора во время указанной беседы. По сведениям французского историка и публициста А. Леруа-Болье, Александр II во время переговоров с чиновником занимался незначительными делами — приготовлениями к отъезду в осенне-зимнюю резиденцию в Ливадии, и существенного внимания предмету их встречи не уделял⁴.

¹ См.: Записки М. А. Милютиной 1863–1866 гг. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 869. Оп. 1. Д. 1144. Л. 11.

² Там же.

³ См.: *Щебальский П. К.* Николай Алексеевич Н. А. Милютин и реформы в Царстве Польском. М., 1883. С. 49.

⁴ См.: *Leroy-Beaulieu A.* Un homme d'etat russe. Paris, 1884. S. 186.

Н. А. Милютин пытался отказаться от нового назначения, аргументируя свое решение тем, что практически ничего не знал о способах возможного решения проблем польского крестьянства, что в свое время довольно много времени потратил на изучение ситуации даже со своим, русским крестьянством. Кроме того, он не знал польского языка, без которого ему было бы трудно заниматься серьезными преобразованиями в Польше. Император же был непреклонен, Н. А. Милютину были предоставлены все средства для скорейшего и более полного ознакомления с ситуацией в Царстве Польском¹.

Причины, по которым Н. А. Милютин не горел желанием вступать в предложенную должность, в общем-то, достаточно очевидны. Если допустить, что он принял бы назначение на пост, который занимал перед ним А. Велепольский, то неминуемо пришлось бы столкнуться с многочисленными проблемами. Вся официальная переписка и все доклады велись на польском языке, которого Н. А. Милютин не знал. Отсутствие у него опыта администратора, [ранее он имел опыт руководства только на уровне департамента – Авт.], также усложняло бы его положение. Теперь же ему предстояло решать дела руководства, по сути, целой страной в составе империи.

Самым главным поводом отказаться от назначения в Царство Польское была существовавшая там кадровая ситуация. Чиновничий аппарат сложился в условиях, которые после Январского восстания претерпели серьезные изменения, и на долю Н. А. Милютина выпадали трудности его переустройства, что ставило под сомнение достижение результата в главном – в осуществлении реформ. Кредит доверия императора к Н. А. Милютину измерить было трудно.

В результате Н. А. Милютину удалось получить для себя наилучшие условия². Александр II хотел, чтобы чиновник занялся всеми делами в Царстве, а не только крестьянской реформой. Это позволяло Н. А. Милютину оказаться не на административном поприще, а заняться законодательством, что было для него

¹ Щебальский П. К. Указ. соч. С. 50.

² См.: Leroy-Beaulieu A. Op. cit. S. 189–191.

предпочтительней, поскольку опыт и репутация в этом деле у него уже имелись¹. Кроме того, император позволил Н. А. Милютину взять тех помощников, которых бы сам чиновник счел нужным привлечь для осуществления реформ. Ему на помощь были призваны люди, с которыми он трудился над крестьянской реформой. Это были Юрий Федорович Самарин и князь Владимир Александрович Черкасский. Первый в 1859 г. приглашался к участию в трудах редакционных комиссий, (он работал в хозяйственном и административном отделениях)². Вторым был приглашен в качестве члена-эксперта в комиссию для составления положений о крестьянах, а после объявления свободы крестьян – уехал из Петербурга и занимал должность мирового посредника в Веневском уезде Тульской губернии до 1863 г.³ В. А. Черкасский являлся наиболее близким помощником Н. А. Милютина при разработке принципов реформы, был солидарен со славянофилами в отношении роли России, но, несмотря на некоторую схожесть взглядов, к славянофилам его можно отнести с некоторой долей условности⁴.

Сближало Н. А. Милютина, В. А. Черкасского и Ю. Ф. Самарина наличие схожих взглядов на крестьянский вопрос, специфический подход к модернизации России, который давал бы государству, представляемому самодержавием, роль главного фактора и главной движущей силой перемен. Объединяла их и нелюбовь к аристократии, у Н. А. Милютина это приобретало формы своеобразной идеализации крестьян, у Ю. Ф. Самарина было связано с коллективистскими принципами славянофильской идеи, который противники называли «православным социализмом»⁵.

Для ознакомления с ситуацией в Польше Н. А. Милютиным на октябрь 1863 г. была назначена поездка по территориям Царства, и 12 октября комиссия, в составе которой были Н. А. Милютин, В. А. Черкасский и Ю. Ф. Самарин

¹ Leroy-Beaulieu A. Op. cit. S. 189–191.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (далее – ЭСБЕ). СПб., 1900. Т. 28. С. 176–177.

³ Там же. Т. 38. СПб., 1903. С. 574

⁴ См.: *Трубецкая О. Н.* Материалы для биографии В. А. Черкасского. М., 1901. Т. 1. С. 37–38.

⁵ См.: *Głębocki H.* Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866), Kraków, 2000. S. 484.

прибыла в Польшу. Участники поездки посетили несколько местностей Варшавской и Петровской губерний, а также территорий, соседних с Австрией и Пруссией. По результатам поездки Ю. Ф. Самарин был составлен рапорт, касавшийся ситуации в Царстве, и ставший основой долгосрочной российской политики в отношении Польши¹.

Существенную роль в нем сыграли взгляды губернатора М. Н. Муравьева, с которым Н. А. Милютин встречался в Вильно по пути в Варшаву. Несмотря на то, что они ранее являлись противниками в подходах к решению крестьянского вопроса, когда речь шла о благе для империи, эти противоречия отходили на задний план. М. Н. Муравьев даже писал Н. А. Милютину, что в этих вопросах они «должны идти рука об руку», и с абсолютной откровенностью предлагал свою помощь в надежде, что разные взгляды в прошлом не навредят, а послужат во благо общего дела². Главными выводами по итогам поездки были: необходимость смены локальной администрации, продолжение функционирования системы военно-полицейской диктатуры, опиравшейся на крестьянство, которое должно было бы быть на стороне российских властей после дарования ему свободы³.

Осень–зима 1863–1864 гг. прошли в приготовлениях и разработках проектов реформ, среди которых на первом месте было решение крестьянского вопроса⁴. Принципы крестьянской реформы были представлены 28 декабря⁵ 1863 г. на заседании специально созванного для этой цели комитета. Царь требовал, чтобы реформа приняла статус закона до 19 февраля 1864 г. – очередной годовщины освобождения крестьян в Российской империи. Несмотря на несогласие некоторых

¹ Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1877. Т. 1. С. 355–391.

² См.: М. Н. Муравьев – Н. А. Милютину от 25 сентября 1863 года // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 590 а (Официальная переписка Н. А. Милютина в связи с деятельностью в Царстве Польском). Л. 14.

³ Отчетная записка, представленная Государю вместе с описанием поездки по деревням от 1 / 13 ноября 1863 года // РГИА. Оп. 1. Ф. 869. Д. 590 а. Л. 88–91.

⁴ РГБ НИОР. Ф. 265. К. 138. Ед. хр. 8. Л. 79–82.

⁵ В случае, если дата представлена без дублирования, она представлена по старому стилю.

членов Польского комитета¹, в конце концов, было сделано так, как пожелал император – в течение двух месяцев, в ходе семи заседаний проект был финализирован. Были определены условия освобождения крестьян, размеры компенсаций и порядок гминной реформы в Царстве Польском. Утверждены эти проекты были 13 (25) февраля 1864 г., с датой 19 февраля (2 марта) 1864 г.

На основании принятых указов был создан административный аппарат для реализации реформ – Комитет по делам Царства Польского в Петербурге в главе с князем П. П. Гагариным² и Учредительный комитет в Варшаве, в компетенцию которого входила непосредственная реализация царских указов³. Своего рода уступкой в пользу старой российской администрации в Царстве было назначение Ф. Ф. Берга⁴ главой Учредительного комитета, а также возможность участия в работе Комитета чиновников, подчиняющихся непосредственно наместнику. Это, по сути, и заложило бомбу замедленного действия под комплекс взаимоотношений власти в Царстве Польском.

На посту наместника граф Ф. Ф. Берг, по утверждению Н. В. Берга, решил действовать подобно М. Н. Муравьеву в Литве – выбивать клин клином⁵. Однако Ф. Ф. Бергу необходимо было этот клин еще найти. Местная администрация, доставшаяся графу, из-за действий А. Велепольского была в крайне плачевном состоянии. Варшавская полиция состояла из людей, не вызывавших доверия, и с этим необходимо было что-то сделать, ведь именно при помощи полицейского аппарата предполагалось установление жесткого режима в Царстве Польском.

При преобразованиях в личном составе варшавской полиции граф столкнулся с проблемой недостатка соответствующих поставленным задачам

¹ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. С. 262–263.

² Павел Павлович Гагарин – председатель Комитета министров Российской империи (1864–1872), председатель Государственного совета (1864–1865), член Комитета по делам Царства Польского (1864–1872) – в отсутствии императора на его заседаниях, был председателем Комитета.

³ О создании Комитета по делам Царства Польского, его организации, компетенции и составе см.: Высочайшее повеление об учреждении Комитета по делам Царства Польского // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–167.

⁴ В конце 1863 г. назначен наместником в Царстве Польском.

⁵ *Berg M. Op. cit. Cz. 9. S. 51.*

солдат и офицеров¹. По описанию Н. В. Берга, разрешить этот вопрос наместнику помог один генерал, который посоветовал графу укомплектовать низшие кадры полиции самыми расторопными солдатами из гвардейских и гренадерских полков, стоявших в Варшаве. На высшие должности нужно было бы призвать офицеров из тех же полков, оставив им жалованье, которое они получали в полку, и мундир. Новая варшавская полиция графа Ф. Ф. Берга насчитывала 60 офицеров и порядка 3000 солдат и подофицеров².

Вообще везде, где какой-либо механизм властной структуры давал сбой, он тут же заменялся новым. Как о графе Ф. Ф. Берге писал историк Н. В. Берг: «Он вдавался в малейшие подробности, как "хитрый кардинал". Тень превратилась в человека и с 8 утра принимал рапорты, отчеты различных чиновников и офицеров <...> после них приходили директор канцелярии, директор следственной комиссии, генерал аудитор, начальник генштаба, окружные военнопольские начальники и т. д...»³. По воскресеньям в Замке проходили приемы, на которых собирался весь высший свет Варшавы, по большим праздникам наместник посещал кафедральную церковь. Граф едва ли тратил на сон 4–5 часов в сутки, все время проходило в работе. Ф. Ф. Берг установил такой порядок вокруг себя – утренние приемы, выступления, молебны, смотры, поездки проходили систематически, и регулярно это все было в одном и том же порядке и как по часам⁴. Таким образом, в Царстве Польском многое поменялось со времен последнего наместника Константина. Впервые после смерти И. Ф. Паскевича в королевском замке сидел человек, «...которого можно было назвать настоящим хозяином в доме...»⁵. Фактически, в Царстве Польском начала складываться такая ситуация, когда наместник все держал в своих руках,

¹ Berg M. Op. cit. Cz. 9. S. 51.

² См.: *ibid.* S. 52. Стоит отметить, что такие данные Н. В. Берг получил от самого наместника, который, впрочем, о подобного рода вещах говорил в общих чертах, предпочитая не вдаваться в подробности.

³ *Ibid.* S. 55.

⁴ См.: *ibid.* S. 56–58.

⁵ *Ibid.* S. 60.

концентрируя вокруг себя угодных ему людей. Ф. Ф. Берг обрстал реальной властью, в которой никто не мог ему ничего противопоставить.

Успехи Ф. Ф. Берга, наверняка, положительно были восприняты императором. Причиной могло быть правило графа, в отличие от Константина, сообщать только о позитивных событиях, а негативные моменты всячески умять или вовсе замалчивать¹. Наместник, вероятно, понимал, что он был нужным в Польше до тех пор, пока там не было подавлено восстание. Когда это случится, там уже будут нужны гражданские чиновники. Роль Ф. Ф. Берга и его военно-полицейского режима неминуемо должна была сойти на нет, а это могло угрожать либо снятием с поста наместника, либо вовсе ликвидацией этой должности, что в планы Ф. Ф. Берга не входило. Таким образом, влияние его на процессы, происходившие в Царстве Польском, в особенности, в высших слоях польского общества со временем усиливалось, целью можно назвать стремление удержать свое властное положение в Варшаве.

В газете «Dziennik Poznański» персона графа Ф. Ф. Берга представлялась во время Январского восстания однозначно отрицательно. На фоне подавления восстания, арестов, казней его систему уже в сентябре 1863 г. характеризовали как очень жестокую: «...Варшава превратилась в огромную тюрьму. <...> Судьбы всех тюрем, которыми с этого момента будут все города в стране, находятся в руках Трепова, начальника полиции во всем Царстве, а всем несчастным Царством владеет пан жизни и смерти, заместитель, а скорее преемник Константина, генерал Берг...»². Такая реакция газеты не удивительна, поскольку в Варшаве помимо преобразований в администрации Царства Польского шла борьба с восстанием. Единственную помощь, которую могли оказать поляки своим соотечественникам в Царстве – писать о несправедливостях и жестокостях российских властей.

Издание подчеркивало, что, получив от царя «абсолютную» власть над Царством, Ф. Ф. Берг начал «наводить порядок». Среди принятых мер

¹ Kieniewicz S. Teodor hrabia Berg – wielkorządca w feudalnym czy też w burżuazyjnym stylu? // Między feudalizmem a kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych. Wrocław, 1976. S. 279.

² Dziennik Poznański. 1863. № 209. 15 września.

перечислялись: закрытие лавок торгашей, которые «не заплатили Москве дань», угрозы контрибуцией в размере 45 тыс. руб. за каждую политическую акцию или теракт¹. В этом контексте нельзя обойти стороной покушение на графа Ф. Ф. Берга, которое произошло 7 (19) сентября 1863 г. в Варшаве. После него дом графа Анджея Замойского, возле которого произошла попытка убийства наместника, был разграблен солдатами. 120 семей остались без крова и имущества, жители дома Замойского и дома купца Крупецкого, находящегося по соседству с местом покушения, были арестованы, а женщины были оставлены в закрытом доме на ночь с солдатами². Безусловно, эти действия, осуществленные на основе решения наместника, вызвали возмущение жителей города.

Большой резонанс породило введение военно-полицейского управления в Царстве Польском, на которое решился граф Ф. Ф. Берг. Российская власть здесь в то время отождествлялась с наместником, поскольку именно он реализовывал планы по подавлению восстания и успокоению края, был главным и самым ярким представителем империи в Царстве. Одним из примеров такого отождествления была реакция на распоряжение Ф. Ф. Берга о вышеупомянутой реорганизации управления. По мнению автора статьи в «Dziennik Poznański», распоряжение являлось свидетельством анархии и безвластия, до которых дошла московская власть в Польше, свидетельством того, что она не способна управлять обычными способами³.

Путем введения военно-полицейского управления империя хотела, будто бы управлять Царством с чистого листа. Там же говорилось о том, что российская администрация в Польше не любит оставлять старого административного деления, а объединяет повяты, снова делит, дробит на меньшие части для минутной выгоды. Характерной чертой системы российского управления в Польше представлялось то, что уничтожалось верхнее и низшее звено власти, а среднее оставалось функционировать, из-за чего возникали противоречия и

¹ Dziennik Poznański. 1863. № 212. 18 września.

² Ibid. № 216. 23 września.

³ Ibid. 1864. № 3. 5 stycznia.

коллизии¹. Действительно, с введением военно-полицейского управления гражданские чиновники должны были продолжать исполнять свои функции. Газета также утверждала, что подобная реорганизация управления не могла успокоить Польшу и примирить поляков с империей, а скорее наоборот, только усложняла и без того трудную ситуацию².

Другим центром силы в Царстве Польском стали «милютинцы». Н. А. Милютин здесь выступал в качестве противовеса власти Ф. Ф. Берга. Он имел чрезвычайные полномочия, которые фактически ставили его над всей административной структурой Царства Польского, не исполняя в ней никакой роли и никаких официальных функций, поскольку подчинялся он непосредственно царю. Н. А. Милютин стремился к созданию бюрократического аппарата, возглавляемого его товарищами по крестьянской реформе 19 февраля 1861 г., а также кадрами из центральной России. В этот период он практически был одним из наиболее приближенных к царю государственных деятелей.

Новый подход царской власти в Польше, заключавшийся в ориентации на крестьян, а не на польскую шляхту и буржуазный слой польского общества, по сути, развязывал Н. А. Милютину руки. Ему уже не было необходимости считаться с интересами дворян, как это было при разработке реформы 1861 г. Наиболее вероятным раскладом последствий этих преобразований явилась бы, вероятнее всего, полная ликвидация автономии Царства Польского и опять же, института наместничества, чего, наверняка, не очень хотелось графу Ф. Ф. Бергу. Естественным образом, такая разница в интересах двух сторон не могла не вести к конфликту. Впоследствии, противоречия становились всё сильнее. Тем не менее, процесс реализации реформ был запущен.

В марте 1864 г. Н. А. Милютин оказался в Варшаве в должности статс-секретаря императора по делам Царства Польского. Наиболее приближенным к нему чиновником стал князь В. А. Черкасский, который занял пост директора

¹ Dziennik Poznański. 1864. № 3. 5 stycznia.

² Ibid.

комиссии внутренних дел. Прибытию российских чиновников в Варшаву не было уделено большого внимания в печати. «Dziennik Poznański» поместил лишь небольшую, но весьма критическую заметку: «...все высшие посты теперь занимают Москали, которые прибыли из глубины России, и в большей части не знающие края, которым должны управлять. Князь Черкасский никогда ранее не был в Польше и ничуть не знакомый с местными отношениями, что для московской власти абсолютно неважно...»¹.

Перед вступлением в должность В. А. Черкасский произнес в Варшаве речь перед всеми его будущими подчиненными. В ней он обозначил принципы своей работы в Царстве Польском: бескорыстная и честная служба, преданность правительству и соблюдение присяги императору². Интересно описываются последствия прибытия Н. А. Милютина и В. А. Черкасского: «...и если какой-нибудь крестьянин оказал услуги нашим войскам, мы находили его повешенным повстанцами. Так дело тянулось несколько месяцев, без всякой надежды на скорый конец, покуда не прибыли Н. А. Милютин и В. А. Черкасский. Как только они освободили крестьян и дали им землю, всё сразу изменилось. Крестьяне перешли на нашу сторону и стали помогать нам ловить повстанцев. Революция кончилась...»³. По сути, этим двум чиновникам, а не Ф. Ф. Бергу и армии, напрямую приписывалось освобождение края от повстанцев, что подтверждает тезис о том, что корнем многих противоречий в Польше было положение крестьян. Вместе с тем, острыми были и другие вопросы: это и преобразования по части духовных дел, и некоторые моменты, связанные с системой образования в Царстве Польском, военно-полицейское управление, административная реформа и др.

Решать вопросы управления предполагалась при помощи Учредительного комитета, который являлся противовесом Совету управления при наместнике,

¹ Dziennik Poznański. 1864. № 69. 24 marca.

² Князь Владимир Александрович Черкасский. Его статьи, речи и воспоминания о нем. М., 1879. С. 281–282. Dziennik Poznański. 1864. № 72. 27 marca.

³ Кротошкин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 191.

являвшемся проводником его идей¹. Членами Учредительного комитета были Федор Федорович Берг в качестве председателя, Александр Иванович Кошелев, позднее назначенный управляющим финансами Царства Польского², князь Владимир Александрович Черкасский – главный директор внутренних дел, Яков Александрович Соловьев – заведующий устройством крестьянских дел, Виктор Антонович Арцимович – сенатор, главным образом наблюдавший за судебным ведомством, а впоследствии назначенный председателем юридической комиссии, генерал Заболоцкий, генерал-полицмейстер Федор Федорович Трепов. Позднее (в июне 1864 г.) был назначен Рудольф Иванович Брауншвейг в качестве председателя ликвидационной комиссии «по удовлетворению землевладельцев, за отошедшие от них крестьянам земли». Также впоследствии членом Учредительного комитета стал Федор Федорович Витте – директор народного просвещения³. Пресса же высказывала однозначное мнение на этот счет: «...все эти сановники, которым Москва поручила разрешить жизненно важную проблему для края, не знают нисколько его отношений, обычаев, даже польского языка...»⁴.

Одной из первоочередных задач для князя В. А. Черкасского в начале его управления в Царстве Польском было привлечение новых кадров, что вызывало трудности лишь в первые дни, но уже в письме к Н. А. Милютину от 19 февраля 1864 г., еще будучи в Москве, В. А. Черкасский писал, что «...вербовки пошли довольно удачно...»⁵. Проблема у князя возникла, когда он пытался убедить А. И. Кошелева принять должность в Царстве Польском. Разрешить эту ситуацию получилось только благодаря вмешательству императора, который настоял на назначении А. И. Кошелева, несмотря на его решительный отказ⁶.

¹ Щебальский П. К. Указ. соч. С. 67.

² После разговора с императором Кошелев попросил не сразу назначать его управляющим финансами в Царстве, поскольку ему было необходимо ознакомиться с этим вопросом более конкретно, на это он просил у Александра II два-три месяца.

³ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). Берлин, 1884. С. 148.

⁴ Dziennik Poznański. 1864. № 75. 1 kwietnia.

⁵ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 февраля / 2 марта 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327 (В. А. Черкасские). К. 30. Ед. хр. 2. Л. 10.

⁶ Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С. 145.

Наиболее существенные факты о состоянии дел в Царстве Польском в начале 1864 г. в переписке В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным можно найти в майских письмах. Князь сообщал, что после отъезда Н. А. Милютина из Варшавы развернулась достаточно активная деятельность. В частности, принималось множество постановлений в рамках Учредительного комитета. По словам В. А. Черкасского, его работа, по сути, заключалась в печатании большинства статей в журналах Учредительного комитета, причем работать приходилось даже в воскресенье¹. Кроме разного рода рабочих и не очень существенных моментов принимались и достаточно значимые решения, например, «Постановление о приостановлении всех денежных сборов с крестьян на строительство церквей». По этому вопросу случился спор с В. А. Арцимовичем, содержание которого, однако, не было подробно освещено в переписке.

Тогда же, в мае 1864 г., в окружении наместника начались разговоры о произвольных действиях ликвидационных комиссий. Речь шла о Влоцлавской комиссии с неким Пейкером во главе. Она требовала от военного начальника удаления из имения помещика Кретковского, который не соблюдал распоряжений данной комиссии насчет коморников и гонял их насильно на барщину. Впрочем, ситуация была быстро разрешена Ф. Ф. Треповым и В. А. Черкасским. Один написал письмо к военному начальнику, чтобы тот не горячился, а другой письмо к Пейкеру с советом не превращать малейшее противоречие в уголовное дело, а уметь договариваться гражданским порядком, то есть присуждать крестьянам вознаграждение².

Очевидно, что ситуация в сфере управления в Царстве Польском в тот момент позволяла договариваться и разрешать противоречия, а Ф. Ф. Трепов и В. А. Черкасский – представители двух противоположных властных центров, были в состоянии находить компромисс. Как писал А. И. Кошелев: «...вскоре я увидел, что и в "Учредительном Комитете", и в "Совете Управления", имеются две партии, из

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 2 / 14 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 20.

² Там же. Л. 21.

которых одна, под влиянием Наместника составляла большинство, мало говорившая и еще менее руководствовавшаяся настоящими государственными соображениями; а другая, состоящая из князя В. А. Черкасского и Я. А. Соловьева, поддержанная из Петербурга Н. А. Милютиным, образовывала меньшинство и отличалась способностями и трудолюбием, предприимчивостью и дерзостью; она во много превосходила большинство и даже его угнетала...»¹. Однако май 1864 г. еще не настолько обнажил противоречия в отношениях высших государственных чиновников в Царстве Польском. Что до самих жалоб на работу комиссий, по мнению В. А. Черкасского, это был весьма хороший признак, поскольку в России это также случалось в начале реформы².

В то же время, В. А. Черкасский раздумывал насчет необходимости усиления Учредительного комитета. Князь предвидел прибавление там работы, требовавшей увеличения расходов и расширения кадрового состава «на случай болезни или дезертирства»³. В. А. Черкасский нуждался не только в проверенных чиновниках для улучшения работы Комитета, но и в тех, кто мог подменить и поддержать его самого: «...сам я завален делом, так что не нахожу минуты подышать воздухом; буду работать покуда могу, но без товарищей только сам осрамлюсь и изнурюсь без пользы для дела...»⁴. Воспоминания А. И. Кошелева, с которым В. А. Черкасский был хоть и в дружеских отношениях, но очень часто спорил по вопросам реформ в Царстве из-за разницы во мнениях, лишь подтверждали слова князя. Возвращаясь к вопросу о деятельности комиссий, В. А. Черкасский достаточно высоко оценивал их работу, за исключением Остроленской комиссии, где войт «крайне неудачно и глупо пародирует М. Н. Муравьева»⁵. Оттуда приходила масса донесений, и работа велась достаточно активно.

¹ Записки Кошелева А. И. С. 148.

² См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 2 / 14 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 22.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 24.

⁵ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 7 / 19 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 28.

Вообще, наибольшее беспокойство князя В. А. Черкасского в первые месяцы работы в Царстве Польском после оглашения указов, судя по его переписке с Н. А. Милютиным, вызывал кадровый вопрос. В письмах к Н. А. Милютину он часто просил обратить внимание на тех или иных чиновников, или же поспособствовать появлению какого-либо определенного человека в Царстве, консультировался насчет финансирования вновь прибывших или потенциальных кадров. Пожалуй, это занимало большую часть переписки двух чиновников до конца мая 1864 г.

Примечательно, что в газетах уже в апреле встречаются упоминания о значительном обрусении состава чиновников в Царстве Польском, так «Dziennik Poznański» со ссылкой на корреспондента краковской газеты «Wiek» писал: «...усилия российских властей по искоренению всего польского в Царстве растут с каждым днем. Новые московские сановники стараются ввести московский язык во всех ветвях администрации Царства, который абсолютно не понимают. Количество гражданских чиновников, прибывающих из глубины России, растет ежедневно. Уже ранее бюро генерал-полицмейстера создал Трепов практически полностью из Москалей; сейчас в Комитет по крестьянским делам и в ликвидационную комиссию в Варшаву прибыло много Москалей; князь Черкасский также привез их достаточно, чтобы ввести их в состав Комиссии внутренних дел. Все это люди малообразованные, не знающие языка, отношений, обычаев края, которым должны управлять, характеризующиеся только ненавистью к нему и желанием обогатиться на своем посту...»¹.

Между тем, граф Ф. Ф. Берг пытался склонить несогласных с реформаторской деятельностью «милютинцев» на свою сторону. И речь не шла о простых чиновниках, они выступали лишь в роли подчиненных и следовали указаниям своих непосредственных начальников. Наместник привлекал на свою сторону тех, кто мог оказывать какое-либо более-менее значимое влияние на ситуацию в Царстве, заручаясь поддержкой все большего числа чиновников.

¹ Dziennik Poznański. 1864. № 84. 13 kwietnia.

В. А. Черкасский не мог, как наместник, раздавать привилегии, он был лишь наделен правом предлагать высокое жалованье и трудную, напряженную работу¹.

При том влиянии, которое имел наместник в Царстве Польском, он мог действовать в своих интересах и, как позже выяснилось, в том числе и для собственной наживы, а также проводить свою собственную политику, но от имени императора. Таким образом, в Царстве Польском, по сути, было «двоевластие» в рамках власти императора, только две противоборствующие стороны уравнивали друг друга, но не помогали друг другу во благо общей цели, находились фактически в состоянии постоянной конфронтации, которая лишь на первый взгляд могла показаться согласием.

Описывая свое препирательство с военными начальниками, В. А. Черкасский сообщал, что суть его состоит в том, что они, в особенности В. С. Семека², не выполняли или же не позволяли выполнять решения комиссий, группировали около себя оппозицию и выдавали неприличные циркуляры, в которых требовали самого строгого отправления барщины³. Примечательно, что в Царстве Польском каждый член Учредительного комитета имел доступ к неprivатной корреспонденции и легко мог обнаружить любую «неправильность» и вывести ее наружу⁴. В. А. Черкасский выражал свое недовольство этим обстоятельством, поскольку видел в этом недоверие к своей персоне и даже был готов снять с себя принадлежавшие ему полномочия и передать их В. А. Арцимовичу. По мнению князя, это негативно влияло на дело, и оно могло остановиться, а те, кто был за него ответственен, посрамлены⁵.

Польские помещики, видевшие в деятельности В. А. Черкаского вред своим интересам и сложившимся устоям, считали наместника возможной опорой для

¹ Стоит отметить, что В. А. Черкасский старался для своих подчиненных или для тех, кого он призывал на службу в Царства, получить улучшенное жалованье, об этом он часто писал в своих письмах к Н. А. Милютину в первые месяцы своего пребывания в Царстве.

² Владимир Саввич Семека – генерал-лейтенант, начальник Плоцкого военного отдела.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 13 / 25 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 54.

⁵ Там же.

противостояния реформам. «...Польские паны, убедившись, что ни от Вас, ни от меня они никакого прока не получают, решительно обратились к самой умной системе: они пали ниц перед Наместником и лобзают пыль его сапог, <...> они перепуганы до мозга костей действиями Комиссий наших, чувствуют, что здесь они ничего не могут сделать, и направляют все свои усилия к тому единственно, чтобы наружною покорностью и бесстыднейшей подлостью возбудить к себе сочувствие наместника и даже Трепова или, по крайней мере, их состраданием убедить всех, что все умы покорились в Польше...»¹, – рассуждал в своем письме В. А. Черкасский. Действительно, польские помещики прибегали к разного рода способам борьбы против реформ. Распускались различные слухи, главным образом через «Бреславскую Газету» и «Час». Например, что В. А. Черкасский будет заменен Ф. Ф. Треповым, который соединил бы под своей властью полицию и Комитет внутренних дел, что Н. А. Милютин больше никогда не появится в Царстве, что весь «персонал», который собрал В. А. Черкасский будет заменен на новый².

Характеризуя польское дворянство, князь писал: «...оно так успело уже привыкнуть и приглядеться к нагайке, что оно охотно преклонится пред ее грубою силой, лишь бы не приходилось бороться с началами и ее силой нравственной, какую носят в себе указы 19 февраля и Русские их в Польше представители. Для того, чтобы достигнуть этой цели, опять повторяю, паны не остановятся не перед каким изъятием подлости, ни перед ложью, ни перед мошенничеством...»³. Однако, как замечал В. А. Черкасский, к открытой борьбе польские помещики были не готовы, поэтому они искали и нашли для себя своеобразную опору в лице наместника, готового к такому сотрудничеству из-за своего противостояния с реформаторами.

Примеров того, что Ф. Ф. Берг был благосклонно расположен по отношению к шляхте, со временем становилось все больше, и В. А. Черкасский

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 77.

² Там же. Л. 78.

³ Там же.

периодически сообщал об этом в письмах. Поведение дворян, описываемое князем, лишь дополняло картину трудностей положения российских реформаторов в Царстве Польском. Уже тогда В. А. Черкасский говорил, что в связи с той ситуацией, он проведет здесь «года два, по приближении окончания крестьянского дела в Польше»¹.

Вторым важным элементом оппозиции, вслед за помещиками, князь считал генералитет, и в особенности, начальников отделов². Мотивы на его взгляд были сугубо личные, и в малой степени помещичьи. Генералы, по мнению В. А. Черкаского, не могли простить поручикам и прапорщикам их «независимое положение и бодрый дух»; исполнители указов (прежде всего) и сами указы, в меньшей степени, были крайне неприятны для генералитета³. Во главе недовольных стоял В. С. Семека, за ним по значимости К. Л. Витгенштейн⁴ и далее Н. И. Корф⁵, а уже после этих троих «мелкое генеральство». Польское дворянство старалось всячески использовать настроения русских генералов: «...все генералы и начальники Отделов думают и мечтают лишь об одном – как бы покончить с Комиссиями и забрать все дело в свои руки. Вы легко поймете, что самые горячие желания панов совпадают с надеждами и желаниями этих мудрецов...»⁶.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 79.

² С началом восстания Царство Польское было разделено на военные Отделы: Варшавский (генерал-адъютант Корф), Плоцкий (генерал-лейтенант Семека), Люблинский (генерал-лейтенант Хрущев), Радомский (генерал-лейтенант Ушаков), Калишский (генерал-лейтенант Бруннер). Начальники военных отделов получали чрезвычайное право судить взятых с оружием в руках повстанцев военно-полевым судом, утверждать и приводить в исполнение смертные приговоры.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 80.

⁴ Сайн-Витгенштейн-Берлебург, Эмилий-Карл Людвигович – российский генерал – участник подавления польского восстания. Служил в Царстве Польском до своей отставки в 1866 г., уволен в звании генерал-лейтенанта.

⁵ Николай Иванович Корф – генерал от артиллерии, член Государственного совета Российской империи (1862–1866).

⁶ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 81.

Третьим элементом оппозиции В. А. Черкасский считал непосредственно Учредительный комитет, где с одной стороны был В. А. Арцимович¹, «порабощенный юридической рутиной и иезуитизмом Заборовского», с другой стороны – сам наместник. Князь отмечал большое число причин оппозиции Ф. Ф. Берга, правда, они так или иначе выглядят достаточно персонифицировано: «...в нем кипят все остатки Эстляндской крови, сохранившаяся в его жилах ненависть к Вам, явное нерасположение ко мне, невольная симпатия к польскому сепаратизму, злоба против Положения; нелюбовь к Комиссиям; ослабление, доведенное до бешенства за неожиданное возникновение монастырского вопроса и пр....»². Добавляя, что «...два дня к ряду Наместник угощает у себя Польских Панов; вчера были, кажется, одни поляки; сегодня я один русский среди сонма других поляков. Поляки смеются, подличают и, при помощи немецких в Польше помещиков, решительно надеются дать нашему кораблю обратный путь...»³. Таким образом, все три оппозиционных элемента усложняли дело проведения реформ и усугубляли положение князя В. А. Черкасского.

Иллюстрацией поведения Ф. Ф. Берга может служить и такая заметка из «Dziennik Poznański»: «...Берг начинает входить в контакты с гражданами известными своей умеренностью, чтобы получить от них внушением или угрозами адрес к царю с покорной просьбой ослабить гнет наказаний, а когда его усилия ломаются о выдержку и патриотизм жителей столицы, приказывает своим подчиненным в провинции, <...> чтобы всеми способами организовывали одобрительные для Москвы демонстрации...»⁴.

¹ Виктор Антонович Арцимович был не только членом Учредительного комитета в Царстве Польском, но и председателем юридической комиссии, а также вице-президентом Государственного совета.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 82.

³ Там же.

⁴ Dziennik Poznański. 1864. № 93. 23 kwietnia.

Находили подтверждение и слова В. А. Черкасского о развлечениях, которые устраивал наместник: «...Берг организует теперь в замке музыкальные вечера, на которых заставляет петь ради забавы офицерского состава не только городских артистов, но и даже учеников местной консерватории, вопреки воле их родителей...»¹.

Стоит отметить, что проблемы были не только в Учредительном комитете, но и в Совете управления. Об этом свидетельствует утечка информации в прессу. Из номера издания «Dziennik Poznański» мы узнаем, что в Варшаве 7 апреля появились сведения о столкновении русских чиновников между собой: «Говорят здесь о распрях, которые снова вспыхнули между высшими московскими сановниками. На одном из последних заседаний Совета Управления произошел серьезный спор между Бергом и князем Черкасским. Первый, задетый, вероятно, тем, что указы об освобождении крестьян были составлены абсолютно без его участия, старается при каждой удобной возможности указать на совершенные составителями ошибки; в то время, когда князь, как теоретик, настаивает на своем и не берет во внимание суть отношений в крае, которого не знает, слепо желая действовать согласно указаниям, полученным в Петербурге. Князь <...> приказал не только предоставлять ему все отчеты на московском языке, но и распространил данное указание на все подчиненные Комиссии внутренних дел органы, более того, он прислал Совету управления отчет, отредактированный на московском языке. Совет вернул князю письмо с замечанием, что ему нельзя вводить в государственных делах язык, отличный от того, который ранее использовался согласно закону. Черкасский стоял на своем, доказывая, что получает указания напрямую от царя и действует по ним...»². Очевидно, что проблемы в процессе реорганизации управления возникали, в том числе и по вине В. А. Черкасского, который противопоставлял себя большинству, не желал идти на компромисс, пользуясь своим особым статусом, определенным самим Александром II.

¹ Dziennik Poznański. 1864. № 94. 24 kwietnia.

² Ibid. № 82. 10 kwietnia.

Одной из главных локальных задач для «лагеря реформаторов» было не допустить успешной поездки наместника в Ковно и Эйдкунен, где он мог встретиться с Александром II. Граф Ф. Ф. Берг связывал со встречей с императором надежды на противодействие изменениям в монастырском деле, а также хотел решить некоторые кадровые вопросы, в которых был заинтересован лично. Князь В. А. Черкасский в положительном для наместника решении этих проблем, вероятно, видел вред для положения «лагеря реформаторов» и угрозу для успешного осуществления преобразований. Он писал по этому поводу: «...если из Ковно наместник вернется с сияющим лицом, что сейчас же пронесется по всему Царству, и если мы не получим здесь нравственного подкрепления, то мои усилия могут с течением времени даже весьма скоро оказаться тщетными...»¹. Для В. А. Черкаского он сам и его подчиненные были небольшой группой единомышленников, которых спланивал энтузиазм и нравственность. Он опасался, что если поставить эти составляющие под удар, то все «дело» может провалиться: «...признаюсь Вам откровенно: этой деморализации в нашем крошечном войске я боюсь более всех криков и кликов панов, генералов и наместников, вместе взятых; ибо этот нравственный элемент есть единственный, который однажды пораженный, не может быть восстановлен в прежней силе...»²

Наконец, после множества писем князь получил ответ от Н. А. Милютин, письмо было с пометкой «совершенно секретно». В нем сообщалось, что всё его время было посвящено работе, связанной с монастырским делом, которую необходимо было завершить до отъезда императора, что, «благодаря Гильфердингу, удалось кое-как распутать этот сложный вопрос. Мы соорудили целую монографию, со всеми возможными *pieces, pestificatives*, – всего листов 40...»³.

При этом Н. А. Милютин отмечал, что этот проект удалось представить императору на рассмотрение до его отъезда. Александр II подкрепил главные

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 85.

² Там же.

³ Там же. Л. 91

положения своими резолюциями и велел рассмотреть их в Польском комитете. Было установлено: «...упразднить все монастыри, где менее 8 монахов или монахинь (под это подойдут 80 или 90 монастырей); потом закрыть теперь же все те, которые замешаны в мятеже (тут мы подразумеваем Бернардинский, Св. Крыжский, Капуцинский в Варшаве и те церкви обратить в приходские; училища, бани и проч. – в гражданское ведомство; имущества и капиталы всех монастырей принять в распоряжение Правительства; остальным монастырям определить regime, какой установлен в Империи. <...> Для исполнения того учредить особую Комиссию, в которую назначить Вас, Трепова и несколько других чиновников...»¹ Помимо того, что Н. А. Милютину удалось показать Александру II проекты преобразований по монастырскому делу, императора еще удалось и предупредить насчет того, что Ф. Ф. Берг мог использовать поездку в своих интересах. Сам же Н. А. Милютин предпочел не ехать с Александром II, поскольку посчитал, что не сможет всегда присутствовать при нем и, наверняка, пропустит какую-нибудь беседу с наместником.

Однако отсутствие Н. А. Милютина в поездке в Эйдкунен не помешало замыслу реформатора, и все произошло именно так, как он и рассчитывал – планы Ф. Ф. Берга относительно монастырского дела не реализовались. В качестве косвенного подтверждения этому можно рассматривать выдержки из писем, характеризующие настроение наместника, после состоявшейся встречи с императором: «...не знаю в подробностях, что происходило в вагоне; но по рассказу главного очевидца (Мельникова), хитрый старец возвращался из Эйдкунена как обваренный, до глубокой ночи рассказывал о своих подвигах и о неблагодарности человеческой, жаловался на свое положение, на препятствия, и пр. и пр., <...> другой очевидец, Оболенский, хотя не знает об этих интимных разговорах Ф. Ф. Берга с Мельниковым, но нес то же впечатление...»².

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 21 мая / 2 июня 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 92.

² Там же. Л. 95.

Таким образом, это письмо, с припиской «совершенно секретно», подтверждает, что Н. А. Милютин всячески содействовал деятельности В. А. Черкасского на посту директора Комиссии внутренних дел в Царстве Польском, и помощь эта была весьма серьезной, несмотря на то, что сам Милютин не так часто отвечал на письма князя Черкасского. Тем более эта помощь была важна в условиях того, что сам князь не мог иметь такого доступа к императору, какой имел граф Ф. Ф. Берг и сам Н. А. Милютин, что весьма осложняло противостояние князя с наместником.

В июле переписка двух чиновников ненадолго прервалась ввиду визита Н. А. Милютина в Варшаву. Однако позже возобновилась, и главной темой переписки стала реализация указов о монастырях. Для нас формальная суть их общения менее важна, чем неформальная, поскольку мы пытаемся раскрыть суть ситуации во властных кругах в Царстве Польском, влиявшей на процесс реализации реформ. В этой связи, стоит отметить то, в каком положении оказался В. А. Черкасский после успешного «продвижения» своего проекта.

Что касается отношения В. А. Черкасского к полякам, то оно требует некоторого пояснения. Князь отмечал в своем письме: «...говорят, что шляхетский или белый комитет возобновились здесь под представительством дурака Августа Замойского, <...> к тому же они [поляки] ободрились и по своей безмозглости думают, что напугают нас своими траурными манифестациями, по случаю последней казни пяти членов жонда. Надобно теперь не ублажать их, а дать им по носу, и если, как кажется, есть еще в виду необходимые жертвы, надобно их повесить поскорее, чтобы доказать ничтожность польских манифестаций и, ликвидировать старые счета, покончить путь казней собственной инициативой, а не под ударом угроз...»¹. Говоря о поляках, В. А. Черкасский скорее подразумевал шляхту, а не всех поляков. Однако обращает на себя внимание агрессивность и жесткость, с которой князь отзывался в этом письме о текущей ситуации. В какой-

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 28 июля / 9 августа 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 121–122.

то мере это ставит вопрос о том, какое отношение В. А. Черкасский имел к полякам как к народу. Впрочем, подобная радикальность в отношении польского элемента – редкость для В. А. Черкасского, по крайней мере, это следует из той переписки, которую удалось изучить.

Одной из интриг 1864 г. в высших кругах власти в Царстве Польском были споры по поводу русской гимназии. В. А. Черкасский об этом сообщал следующее: «...сегодня я одержал легкий триумф над кознями Трепова, который возбуждал было Витте к сопротивлению по вопросу размещения русской гимназии...»¹. Однако после непродолжительных споров и несогласия Ф. Ф. Витте, вопрос был разрешен согласно задумке В. А. Черкасского. Эти расхождения во взглядах не являлись особенно значимыми, если речь идет о существенном влиянии на положение дел в Польше, однако они дополняли мозаику противоречий, которые сложились здесь. Если в начале 1864 г. они были практически незаметны, то к концу того же года, они приобрели по некоторым вопросам вполне отчетливые формы и оказывали немалое влияние на среду, в которой чиновники должны были исполнять свои функции.

Одним из значительных событий в контексте ситуации внутри российской администрации в Царстве Польском было предложение со стороны наместника для В. А. Черкасского занять пост директора комиссии финансов, ссылаясь на то, что сам Ф. Ф. Берг не видел вокруг себя человека, который мог бы занять эту должность. Возможно, это стоит оценивать в качестве попытки привлечь В. А. Черкасского на свою сторону. Духовные дела оставались бы в его ведении, однако князь отказался от предложения под предлогом того, что для него «проходить третий курс обучения» в течение года представлялось весьма сложным делом. Кроме того, у самого В. А. Черкасского уже был кандидат на эту

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 262.

должность – А. И. Кошелев. Наместник отвечал, что «ни за что во свете» не согласится отдать этот пост А. И. Кошелеву, так как тот был слишком «тяжел»¹.

Князь В. А. Черкасский, будучи директором Комиссии внутренних дел, находил Комиссию финансов, куда более благоприятным местом для работы. Он писал: «...Комиссия финансов для меня приятнее Комиссии внутренних дел, где непрестанно неприятные столкновения с военно-полицейским управлением, <...> в настоящее время Комиссия внутренних дел есть, в сущности, почти нуль, да и довольно долгое время еще останется таковою...»². Весьма интересное заявление В. А. Черкасского с учетом того, что князь отдавал себя всего работе в этой Комиссии, но при этом не верил в успех и потенциал своего дела. Неизвестно, являлось ли это объективной оценкой В. А. Черкасского, или же было написано под влиянием каких-либо обстоятельств, о которых не было упомянуто, но это выбивается из общей канвы того, о чем сообщает В. А. Черкасский в своих письмах Н. А. Милютину.

Князь местами достаточно успешно реализовывал политику империи по реформированию Царства Польского, однако не считал, что эти успехи связаны с такой структурной единицей государственного аппарата в Польше как Комиссия внутренних дел. Судя по всему, положительные моменты в своей работе по приведению реформ в жизнь он связывал с личными заслугами, хотя и напрямую не говорил об этом. Здесь, вероятно, кроется еще одна проблема, характерная для высших кругов власти в Российской империи. Все надежды чиновников на успех были связаны с их личными усилиями, а не с тем, что они создавали при помощи этих усилий. В данной ситуации князь В. А. Черкасский мог служить ярким примером.

Комиссия внутренних дел в том виде, в котором она была в сентябре 1864 г., создавалась при непосредственном участии В. А. Черкасского и формирование ее «имиджа» происходило благодаря князю и аппарату, призванному им для осуществления поставленных в рамках этой структурной

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 27 августа / 8 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 146–147.

² Там же. Л. 148.

единицы задач. Однако в глазах В. А. Черкасского эта Комиссия почему-то не имела значительного влияния, и сам князь, вероятнее всего, связывал как положительный, так и отрицательный исход многих предпринимаемых преобразований с личными отношениями между высшими чиновниками и с Александром II. Отсюда частые призывы к Н. А. Милютину посодействовать в разрешении того или иного вопроса в Петербурге.

Так или иначе, В. А. Черкасский отказывался возглавить Комиссию финансов, несмотря на плюсы, которые для себя он в этом видел. В качестве доводов выступали не только личные мотивы, среди которых была необходимость снова обучаться новому делу, чего В. А. Черкасский не хотел, но и боязнь, что А. И. Кошелев увидит в этом злой умысел против себя¹. Кроме того, князь не хотел нарушать соображения Н. А. Милютина в отношении ситуации в Царстве Польском, а также ключевых постов в нем².

Опасения В. А. Черкасского подтверждал и Н. А. Милютин, только в отличие от князя, он сразу разглядел в предложении наместника возглавить Комиссию финансов «происки интриганов». Объяснял он это достаточно просто. Интрига, по его мнению, состояла в том, чтобы убрать В. А. Черкасского с должности директора Комиссии внутренних дел, чтобы посадить туда Ф. Ф. Трепова или его креатуру³. «...Если Ф. Ф. Берг обещал вам Кошелева, то я нисколько этим не успокаиваюсь. При личном свидании с Г., он легко это обойдет и кончится все-таки Брауншвейгом...»⁴. По мнению Н. А. Милютина, убрать В. А. Черкасского с его должности, которую ему поручил сам император было возможно только с личного согласия самого князя, в этом случае «...Комитет внутренних дел поступит опять в полное распоряжение Ф. Ф. Берга и его холопов. Такой результат для Учредительного комитета был бы великим бедствием. Даже в настоящую минуту,

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 27 августа / 8 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 149.

² Там же.

³ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 12 / 24 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 153.

⁴ Там же. Л. 154.

когда эта комиссия охолощена, ее направление для Учредительного комитета очень важно, по крайней мере, в отрицательном отношении. Но с предстоящим ныне преобразованием местной администрации, значение Ком. будет первостепенное...»¹. Что касается кандидатуры А. И. Кошелева, то Н. А. Милютин считал, что «поляки смогут им завладеть», и что он совсем не подходил для работы в Комиссии внутренних дел, даже если бы получилось так, что он там оказался.

Однако А. И. Кошелева, в качестве человека подходящего на «финансовую специальность»², видел император и, по мнению Н. А. Милютина, Александр II явно бы не одобрил такую перемену, а наместник мог еще несколько раз передумать: «...пусть отдает финансы Кошелеву! Его теперешнее отвращение от этого может еще двадцать раз измениться...»³. Впоследствии В. А. Черкасский согласился с мнением своего собеседника по переписке и был настроен решительно отказать наместнику, тем более, что он, спустя некоторое время, увидел в этом предложении интригу Ф. Ф. Трепова и Ф. Ф. Берга⁴.

Суть интриги заключалась в том, что на пост директора Комиссии финансов намечалась другая кандидатура, некий Карницкий. При этом делалось, естественно, это все за спиной В. А. Черкасского, несмотря на то, что пост был предложен князю. Вопрос фактически разрешился в конце сентября в одной из бесед В. А. Черкасского с Ф. Ф. Бергом, в которой он привел все доводы в пользу А. И. Кошелева, а также, указал наместнику, что в курсе его «интриг» в отношении поста директора Комиссии финансов в Царстве. Ф. Ф. Берг заявлял, что это всего лишь слухи, которые не имеют под собой почвы, а к А. И. Кошелеву у него нет никакой личной неприязни. После продолжительного спора В. А. Черкасскому удалось частично

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 12 / 24 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 154

² См.: там же. Л. 155.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 162. О том, какую позицию занимали Ф. Ф. Берг и Ф. Ф. Трепов в ситуации с постами министра (директор соответствующей комиссии, фактически являлся министром в обычном понимании) внутренних дел и министра финансов в Царстве. Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 23 сентября / 5 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 173–174.

переубедить наместника в отношении должности директора Комиссии внутренних дел, а также директора Комиссии финансов¹. Однако даже после этого какое-то время Ф. Ф. Берг не оставлял попыток уговорить В. А. Черкасского.

Этот случай, пожалуй, стал первым и явным в большом количестве интриг, которые после этого происходили в высших кругах Царства Польского. Если вопрос монастырского дела, по поводу которого наместник старался переубедить Александра II, еще как-то мог походить на попытку Ф. Ф. Берга отстоять свою позицию в видении направления реформ, то ситуация со сменой директоров комиссий в полной мере выглядела «подковерной игрой» Ф. Ф. Трепова и Ф. Ф. Берга против своих оппонентов – В. А. Черкасского в Царстве и Н. А. Милютина в Петербурге. Эта интрига стала своего рода точкой отсчета, с которой началась активная борьба «лагеря наместника» против «лагеря реформаторов», направленная на то, чтобы убрать их представителей из Царства Польского или, по крайней мере, отстранить последних от управления в Польше.

Таковыми были первые месяцы новой администрации в Варшаве. Изменения в структуру управления были внесены весьма серьезные, и они не могли не сказаться на реформаторской деятельности. При этом противоречия, которые были заложены уже в то время, стали, по сути, главным фактором в работе над реформами. Сложно однозначно оценивать были ли описанные выше факты в тот период проявлением борьбы за реализацию политики империи или борьбой за личные интересы двух групп чиновников с различными интересами. Однако обе противодействующие стороны оказались перед ситуацией, в которой они были вынуждены считаться с мнением, отличным от своего. Таким образом, был заложен своего рода ограничительный механизм для чиновников, который не позволял представителям высшей бюрократии иметь тотальный контроль, переходящий в злоупотребление полномочиями, и который мог нанести ущерб реализации российских интересов в Польше.

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 23 сентября / 5 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 171.

Глава III. Российские чиновники в реализации реформ 1860-х гг. в Царстве Польском

3. 1. Деятельность российских чиновников по вопросам организации и осуществления реформ в Царстве Польском

Обстановка, сложившаяся в высших кругах Царства Польского, предполагала напряженную деятельность в ходе осуществления намеченных реформ. Перечень вопросов, на которые необходимо было найти устраивавшие все стороны ответы, был крайне широк. Почти по всем проблемам окончательное решение давалось чиновникам только после длительных споров и упорной работы.

Примечательно, что, несмотря на важность крестьянской реформы для всей политики Российской империи в Царстве Польском, в переписке между В. А. Черкасским и Н. А. Милютиным упоминаний о серьезных проблемах и оппозиции со стороны кого бы то ни было, практически не сохранилось. Однако по другим вопросам, например, административной реформы, монастырской реформы и духовным делам, преобразованиям в военно-полицейском управлении свидетельств сохранилось немало, а поскольку эти направления в реформаторской деятельности в указанный период также выступали в качестве ключевых, требуется остановиться на них поподробнее.

На первых порах все было достаточно миролюбиво, вопрос железной дороги, которая должна была соединить Польшу с империей, был одной из точек соприкосновения между реформаторами и наместником. В этом вопросе согласие было достигнуто очень быстро.

Железная дорога, как уже упоминалось, должна была связать Царство с Российской империей по линии Варшава – Щедлице – Луков – Брест-Литовск. В Царстве Польском эта инициатива была встречена позитивно, как сообщал «Czas» со ссылкой на «Gazeta Polska», поляки с радостью принимают любое увеличение числа

железных дорог, поскольку они, в том числе, способствуют развитию и появлению новых промышленных производств¹. Заниматься ее строительством должен был Л. Кроненберг, по некоторым данным он имел капитал примерно 2-3 млн серебром, а также обладал широкими связями с торговыми домами за границей. Сумма, на которую согласился промышленник Л. Кроненберг, для чиновников также была вполне приемлемой – 53 тыс. серебром за версту: «...я имел возможность близко следить за ходом дела, говорил о нем также со многими из здешних жителей и дошел до убеждения в положительной пользе, или лучше сказать крайней необходимости. Здесь на этот счет ни малейшего, ни с кем бы то ни было разногласия <...> 53 т. р. серебром. Цифра эта, по убеждению моему, есть крайне низкая при нынешнем состоянии денежного рынка, – и если мы упустим этот случай, то едва ли скоро возвратится другой столь же благоприятный, равно выгодный и для Царства, и для Империи...», – констатировал в своем письме В. А. Черкасский². Кандидатура Л. Кроненберга, впрочем, возникла достаточно случайно, поскольку изначально предполагалось, что проектом займется Антони-Эдвард Фраэнкель и сумма за версту составляла 60 тыс. руб. серебром. Как сообщал «Dziennik Poznański» Л. Кроненберг появился всего за несколько дней до утверждения проектов, согласился со всеми условиями, которые выдвигались Э. Фраэнкелю, и снизил цену до указанной. В итоге после встречи Ф. Ф. Берга с Э. Фраэнкелем – последний отказался от участия в строительстве железной дороги³.

Предложенная графом Ф. Ф. Бергом кандидатура, вероятно, и в силу личной заинтересованности самого наместника, быстро прошла не только формальное, но и неформальное одобрение со стороны Учредительного комитета. Примечательно, что В. А. Черкасский также старался поддерживать этот проект, в том числе и через Н. А. Милютина. Князь в переписке просил Н. А. Милютина содействовать ему, чтобы данный проект не встретил никакого

¹ Czas. 1864. № 173. 27 października.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 27 августа / 8 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 142.

³ Dziennik Poznański. 1864. № 204. 6 września.

сопротивления в Петербурге. Если В. А. Черкасский и видел какой-то личный интерес Ф. Ф. Берга в данном предприятии, то, по крайней мере, он об этом в своей переписке не упоминал. В то время еще не было предпосылок к тому, чтобы конфронтация стала открытой, поскольку взаимная антипатия между представителями двух противоборствующих сторон не была еще столь очевидна, какой она стала к 1866 г. Никто пока не чинил друг другу преград в реализации многих проектов. Однако когда дело касалось более серьезных преобразований, всё становилось намного сложнее.

Проект монастырской реформы, который был разработан чиновниками из окружения Н. А. Милютина, вызвал противодействие со стороны наместника, о чем указывалось выше. В контексте ситуации с поездкой императора в Эйдкунен В. А. Черкасский писал со слов М. Н. Анненкова: «...наместник надеется и убежден, что из дела о закрытии монастырей не выйдет ничего – что он успеет убедить Государя оставить все это дело...»¹. Князь также сообщал, что наместник возлагал большие надежды на встречу с императором в Ковно (вероятно, по пути в Эйдкунен), чтобы попытаться повлиять на решение Александра II и склонить его на свою сторону в этом вопросе². В связи с подобными намерениями наместника, В. А. Черкасский предостерегал Н. А. Милютина и рекомендовал ему сопровождать Александра II в этой поездке³. Такое начало «дела о монастырях» сделало его одним из главных вопросов в среде высших чиновников и одним из сложнейших для реализации, что часто подчеркивалось В. А. Черкасским в переписке с Н. А. Милютиным.

Ф. Ф. Берг, по мнению В. А. Черкаского, «никогда не терял времени» и постоянно старался добиться своей цели. В одном из писем князь сообщал: «...Соловьев <...> сегодня был у наместника <...> и наместник его очень уговаривал и старался его пленить. Наместник также пишет сегодня к вице-

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 13 / 25 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 57.

² Там же. Л. 61.

³ Там же.

канцлеру, уговаривая его заехать к тому в Варшаву. Я полагаю, что это не лишено связи с монастырским вопросом...»¹ Содержание письма Ф. Ф. Берга вице-канцлеру не сохранилось, однако, сообразуясь с логикой его поведения, можно предположить, что наместник действительно преследовал какие-то собственные интересы, хотя, возможно, и не связанные с монастырским делом.

В конце июля 1864 г. Н. А. Милютин покинул Варшаву, и князь описывал ситуацию в русской администрации в Варшаве следующим образом: «...наместник весьма любезен. Совет управления принял весьма русскую физиономию. Я обучаюсь своему новому Поповскому делу, <...> к сожалению, во всем отделении духовных дел, кроме Рыдышевского (который до известных пределов верен, и, во всяком случае, полезен) нет никого, не только который бы помог, но на которого можно бы было хоть сколько-нибудь положиться, <...> два порядочные чиновника есть в отделении (из младших) и, по словам пьяницы Сковронского, люди верные, но они в чахотке и лечатся за границей, <...> церковные дела здесь испорчены донельзя. Пока Фелинский будет архиереем, едва ли что-нибудь сделаешь, а пока Калинского не изведем, еще менее мы сделаем с Унией...»².

В этих условиях В. А. Черкасскому, крайне трудно было реализовывать проект «монастырской» реформы, осложнявшийся некоторыми моментами, связанными с оставлением тех или иных монастырей и орденов, а также с сохранением патроната за польскими помещиками в католических приходах. В последнем князь видел серьезную угрозу, поскольку считал, что «...им оставлена страшная власть и влияние на духовенство...»³.

Затрагивая тему «монастырского дела» в переписке, Н. А. Милютин представлял свое видение сути политики в отношении религии. По его мнению, эта «несомненная, но малоизвестная истина», крылась в том, что «...везде, каково бы ни

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 16 / 28 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 67–68.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 22 июля / 3 августа 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 112–113.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 28 июля / 9 августа 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 120.

было вероисповедание (католическое, протестантское и пр.), каков бы ни был образ правления (монархический, конституционный, республиканский), везде государственное начало должно было принимать диктаториальные, пожалуй, произвольные и антицерковные меры, чтобы обузывать разрушительные для всякого гражданского общества властолюбие и самовластие папизма...»¹. Фактически, этими словами Н. А. Милютин определял, что «врагом» государственным интересам Российской империи является «папизм», по сути, это отражало подходы славянофилов к тому, кто является главным идеологическим противником «русского мира».

Позднее в одном из писем Н. А. Милютин представлял свое видение разрешения проблемы с манифестациями духовников. По его мнению, необходимо было бы наказывать участников «поповских демонстраций» денежными штрафами, и разглашать по Европе любые подобные действия, в качестве доказательства «неугомонности попов». Он писал: «...весь край, дескать, хочет успокоиться, <...> мы де, правительство, принялись уже за самые мирные реформы: школа, железные дороги, больницы и пр., не успокаиваются только два класса: Мерославский с товарищами, да ксендзы с монахами...»².

Н. А. Милютин предлагал В. А. Черкасскому присылать факты о действиях католических духовников для публикации в газетах империи. Политика в отношении мятежного духовенства должна была основываться на том, чтобы пресекать любые поползновения денежными штрафами, завести «соглядатаев» в монастырях и капитулах, внушать страх напоминанием о том, что осадное положение в Царстве Польском еще не снято. В таких условиях представлялось бы возможным не опасаться бунтов и демонстраций со стороны католических

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 8 / 20 августа 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 129.

² Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 12 / 24 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 157.

священнослужителей. При этом, когда пришел бы момент закрытия монастырей, необходимо это было сделать в тайне, внезапно и быстро¹.

В. А. Черкасский предлагал разбить на группы духовенство в Царстве Польском, которое он называл «страной ультрамонтантизма», и дать в польском католическом мире право самостоятельной жизни каждому меньшинству². По его мнению, в любом случае польские ксендзы были бы против каждого изменения существовавшей церковной системы. Упоминалось, что в Польше насчитывалось более 700 братств, в том числе и скрытое монашество, которое еще долго существовало бы в Польше. Характеризуя Царство с этой точки зрения, В. А. Черкасский называл его страной полурелигиозных, полуполитических тайных обществ, которые никогда не прекращались здесь с XVI в.³ Таким образом, князь подчеркивал, что в системе политического влияния на принятие решений в Царстве Польском на протяжении достаточно долгого времени авторитет имело не только высшее духовенство, но и небольшие братства, ввиду того, что некоторые из них охотно принимали участие и в политической жизни, несмотря на то, что это было запрещено.

Конец октября и начало ноября 1864 г. прошли в подготовке к оглашению указа по монастырскому делу. Н. А. Милютин, в связи с этим, просил В. А. Черкасского держать все в тайне, чтобы не произошло утечки информации относительно подробностей указа, и, в особенности, когда именно произошло бы закрытие монастырей. Н. А. Милютин, в свою очередь, предпринимал аналогичные меры. Упомянув о возможных крайностях со стороны польского высшего духовенства, Н. А. Милютин писал, что это в большей степени «последствия горячего воображения вашей высшей полиции». Несмотря на это, он представлял и свое мнение по этому поводу: «...времена демонстраций (по крайней мере, общих) прошли. Нужно, чтобы поляки сильно убедились в

¹ См.: Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 12 / 24 сентября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 158.

² См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 10 / 22 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 196.

³ См.: там же. Л. 198.

малодушии местных властей, для употребления таких мер, как общий интердикт и т. п. Решимость, не только в действиях, но и во всех внешних проявлениях начальствующих лиц, вот лучшее и единственное средство для отвращения всяких общих демонстраций. Разумеется, оппозиция пассивная неизбежна, но мы всегда ее предвидели и под влиянием этого предвидения обставлено все дело...»¹. Предполагая будущие трудности, которые вызвала бы реализация плана по закрытию монастырей, Н. А. Милютин обещал всяческую поддержку В. А. Черкасскому, в том числе и сочувствие русского общественного мнения².

Закрытие монастырей в Царстве Польском произошло в ночь с 15 (27) на 16 (28) ноября 1864 г., несмотря на длительные приготовления, точную дату осуществления удалось сохранить в секрете до непосредственного приведения в жизнь замыслов реформаторов. По словам В. А. Черкасского, это произошло очень неожиданно для поляков: «...они очевидно ошеломлены. Монахи и духовенство были убеждены, что мы не дерзнем закрыть вдруг столько монастырей, и, в особенности, не осмелимся коснуться ни бернардинов, ни капуцинов, ни миссионеров. Бернардины даже прямо говорили при закрытии, что они читали известие о подписании указа в иностранных газетах, но не верили, чтобы дело могло коснуться их. К тому же они не ожидали, чтобы русские сумели сохранить секрет; не ожидали также, что дело сделается ночью и особенно, что оно поведется *tambour ballant*³. Если бы мы им дали день или два на сборы, то мы бы наделали себе бед...»⁴.

О внезапном для поляков закрытии монастырей свидетельствует и информация из Политического обзора Царства Польского: «... поляки предчувствовали его <...> за несколько дней пред тем пронеслась по Европе и телеграф. депеша о подписании преобразоват. Указа; но тайна была так ловко

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 8 / 20 ноября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 210.

² Там же. Л. 212.

³ (фр.) бойко, бодро.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 / 29 ноября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 220.

сохранена, что Варшава проснулась в понедельник, 16 (28) числа, не думая и не гадая, что все монашеское население уже убрано и увезено куда следует...»¹

По сообщениям «Dziennik Poznański» со ссылкой на корреспонденцию для газеты «Czas», реформа прошла весьма жестко, вплоть до того, что монахам разрешено было взять только нижнее белье и молитвенник, после чего они вывозились из монастыря подлежащего закрытию². А «Gazeta Narodowa» сообщала, что реформа проходила с развертыванием военных сил³. «Dziennik Warszawski» же задавался вопросом, не много ли уступок было сделано интересам католичества и сможет ли этот указ обезопасить край и народ от дурного влияния католических духовников⁴. Краковский «Czas» указывал, что закрытие монастырей это часть плана по реорганизации Польши, привезенный Н. А. Милютиным⁵.

В. А. Черкасский отмечал, что монахи, которые остались служить при костелах, восприняли это как милость, а также как возможность заработать много денег ввиду сокращения количества ксёндзов: «...кармелиты башмачные и реформаты приходили сегодня ко мне с депутацией, завтра отправляются в половине второго к наместнику благодарить, что их не закрыли, они также надеются получить барыш в настоящих обстоятельствах...»⁶.

Разумеется, не обошлось тогда и без случаев протеста, несогласия. Например, упоминалось, что около 11 монахов захотели выехать за границу, четверо из них не хотели более быть монахами. В этой связи возникал фактически «конфликт полномочий», так как не было четко определено, кто мог освободить от монашества – духовная власть или гражданская. По мнению В. А. Черкасского,

¹ Политический обзор Царства Польского 8 (20) – 15 (27) ноября 1864 года // ГАРФ. Ф. 978. Оп. 1. Д. 31. Л. 81.

² Dziennik Poznański. 1864. № 278. 3 grudnia.

³ Gazeta Narodowa. 1864. № 275. 1 grudnia.

⁴ Dziennik Warszawski. 1864. № 288. 4 (16) grudnia.

⁵ Czas. 1864. № 205. 4 grudnia.

⁶ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 / 29 ноября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 221.

подобного рода скандал был полезен, чтобы уронить монахов в глазах польского общества, католиков и, в особенности, простого народа¹.

Впрочем, недовольство закрытием монастырей имело свое продолжение. Упоминался один эпизод с ксендзом Павлом Ржевусским, который с 1863 г. по 1865 г. был генеральным викарием и управлял Варшавской архиепархией. Он, как рассказывали В. А. Черкасскому, был заинтересован в том, чтобы попросить у папы римского секуляризации монахов, чтобы «напичкать ими все приходы»². Князь, хотя и видел в подобном предложении «злой умысел», особого значения этому не придавал.

Реакция «властей» была вполне единодушной и далекой от справедливости в отношении осуществленных мероприятий по закрытию монастырей. Если наместник, по словам В. А. Черкаского, был просто доволен, то Ф. Ф. Трепов и Н. И. Корф пошли несколько дальше в своих эмоциях по поводу успешного закрытия монастырей: «...Трепов и Корф оба в восхищении и каждый из них себе приписывает всю славу. Первый забыл даже, что он отказался быть председателем особой комиссии о монастырях и уговаривал, и упрашивал Анучина не идти в члены. Корф счастлив как ребенок, ибо изумляется тому, что он не проболтался...»³.

Говоря о первых результатах реформы, В. А. Черкасский писал, что многие восприняли ее достаточно спокойно, а молодежь и мужская часть населения либо были довольны, либо безучастны. Что касается духовенства, то оно, по свидетельствам В. А. Черкаского, раздвоилось. Упоминалось даже, что «белое духовенство радуется гибели монахов», поскольку между черным и белым духовенством существовала давняя вражда; даже молодые воспитанники духовной академии довольны. Монахи, которым посчастливилось остаться, ходили с благодарностями к самому князю и потом к наместнику⁴. Таким

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 / 29 ноября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 222–223.

² Там же. Л. 224.

³ Там же. Л. 227.

⁴ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 ноября / 6 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 228.

образом, полученные результаты можно отнести к заслугам «лагеря реформаторов» и лично В. А. Черкасского. Существовало и мнение, что закрытие монастырей повергнет духовенство и клерикальный деспотизм, ослабит влияние церкви и ее вседозволенность¹.

В свою очередь позднее открылись новые подробности о ситуации с П. Ржевусским. Он, вероятно, не до конца верил в то, что закрытие монастырей все-таки случилось, и собрал у себя доверенных советников из капитула. На этой встрече обсуждалось состояние церковного дела в связи со случившейся реформой монастырей. П. Ржевусским было предложено высказать по этому поводу официальный протест, однако эта инициатива не нашла поддержки. Советники посчитали, что лучше не спорить, а всё же покориться решениям российской администрации, решив при этом ждать решения папы². Таким образом, духовенство не было готово выступить совместно единым фронтом против принятых решений. Не хватило консолидации даже для формального протеста.

В. А. Черкасский упоминал о встрече, которая произошла между ним и П. Ржевусским. Священнослужитель просил В. А. Черкасского вернуть 30 монахов, чтобы «усилить состав духовенства в Варшаве», князь решительно отказал, предложив для лучшего удовлетворения религиозных нужд населения обратить закрытые монастыри в приходские церкви, в которых настоятели получали бы жалованье из казны. В. А. Черкасский писал, что П. Ржевусский был смущен подобным предложением, но обещал подумать³.

Сам князь положительно оценивал первые результаты закрытия монастырей. По его мнению, реализовать намеченные планы в связи с монастырской реформой удалось полностью и при минимальном сопротивлении со стороны, в чем была заинтересована администрация: «...на духовенство подействовал, как мне кажется не один внешний *appareil*, не одна неожиданность

¹ Политический обзор Царства Польского 8 (20) – 15 (27) ноября 1864 года // ГАРФ. Ф. 978. Оп. 1. Д. 31. Л. 80.

² См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 ноября / 6 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 229.

³ См.: там же. Л. 230.

и быстрота весьма решительного исполнения, но еще и самая смелость меры, в особенности, сознание своего в настоящем вопросе и в настоящую минуту изолированного положения в обществе. Они смутились тем, что половина польского общества их предала...»¹.

В обществе же, как писал В. А. Черкасский, все больше росло одобрение относительно реформы монастырей: «...здесь почти забыли уже и думать о закрытии монастырей. Одобрение же этой меры каждый день все более и более выражается: поляки и польки стали еще любезнее и предупредительнее...»². Возможно «одобрение» – не достаточно точно подобранное слово, но принятие этой реформы в Царстве Польском, по крайней мере не вызвало у российской администрации серьезных проблем.

Однако в высших кругах власти на этом фоне не обошлось без очередных противостояний. В этой связи, В. А. Черкасский упоминал своего директора духовных дел Е. М. Крыжановского³, который был «чистейший ультрамонтан и друг Ржевусского»⁴. Князь сообщал, что, несмотря на то, что Е. М. Крыжановский был честным человеком, но всегда, по мнению В. А. Черкасского, тянул в противоположную сторону и старался скрыть от князя как можно больше информации: «...он все закрывает, укрывает и ищет где меня надуть, а за ним и все отделение...»⁵. Вследствие этого князь просил подыскать и прислать замену Е. М. Крыжановскому, с которым, по его словам, работать стало крайне трудно.

Упоминая об успехе монастырского дела в контексте ситуации в высших кругах власти и в среде реформаторов, В. А. Черкасский отмечал крайне высокое его значение: «...кроме прямой своей пользы, оно должно было придать нам куража на будущее время: значит, несмотря на все мелкие дразги, есть кому

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 ноября / 6 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 230.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 25 ноября / 7 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 233.

³ Предположительно речь идет о Крыжановском Евфимии Михайловиче (1831–1888).

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 27 ноября / 9 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 235.

⁵ Там же.

распорядиться и есть верные исполнители. Такое доверие к самим себе надлежало бы укрепить в нашей молодежи. Время от времени доходят печальные слухи, что некоторые теряют кураж ввиду местных интриг...»¹.

Трудности в работе реформаторов все же возникли. Связаны они были с закрытием ордена фелицианок. В. А. Черкасский сообщал, что ему стоило больших трудов добиться одобрения наместника по данной проблеме. Несмотря на это, во время обсуждения вопроса о фелицианках в Учредительном комитете не все проходило гладко: «...в присутствии безмолвного Трепова, и также Анучина и Анненкова я часа два считал дело проигранным, но решился не сдаваться и Слава Богу дело увенчалось успехом...»². Однако победа во время прений в Учредительном комитете, еще не означала, что не возникнет проблем во время реализации принятого постановления.

В. А. Черкасский напрямую упоминал об этом в переписке: «...хлопот будет бездна, гвалт большой и не обойдется без нареканий. Всякой неудачей старец мой и Трепов, и суппостат воспользуется. Вообще, не скрою от Вас, что при всей царствующей здесь неурядице, житие желтенькое и много надо иногда усилий, чтобы и самому не унывать, и других по мере сил воздерживать от уныния и бездействия...»³.

Таким образом, конфликт между двумя противоборствующими сторонами развивался все сильнее, и ощущалось это не только в рамках Учредительного комитета, но и всё более за его пределами, когда влияние противоречий между реформаторами и их оппонентами отражалось и на обычных чиновниках, которые находились, прежде всего, в «лагере реформаторов».

Исходя из свидетельств В. А. Черкасского, в интригах принимали участие не только чиновники, но и некоторые представители высших слоев польского общества. Например, князь периодически упоминал графиню Евфриду Замойскую,

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 30 ноября / 12 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 238.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 4 / 16 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 250.

³ Там же. Л. 251.

воспитанницу Замойских – барышню Лахницкую. В условиях интриг вокруг закрытия Ордена фелицианок, эти фамилии вновь и вновь возникали в письмах В. А. Черкасского. Князь писал, что наместнику «...точно все эти дни жестоко доставалось от бедной старухи графини и от молодой барышни Лахницкой...»¹.

Заинтересованность графини Замойской в вопросе фелицианок была связана с тем, что она покровительствовала этому ордену. Известно, что в конце 1850-х гг. она представила дом в пользу конгрегации² для ухода за детьми и пожилыми людьми Марии Ангелы Трушковской. Именно в доме графини Замойской М. Трушковская и ее кузина облачились в монашеские одежды и принесли обет служения бедным. Фактически, здесь было положено начало ордену фелицианок³. Отсюда вполне объясним интерес графини Замойской к вопросу о его закрытии. По сведениям В. А. Черкасского, она через наместника пыталась повлиять на эту ситуацию, равно как и на другие связанные с религией вопросы. Однако влияния Ф. Ф. Берга на решение всех этих проблем оказалось недостаточно и, по словам В. А. Черкасского, дело удалось «выше всяких ожиданий». Князь связывал это с удачным моментом, исполнительностью М. Н. Анненкова, а также страхом, внушаемым жесткостью в реализации реформы монастырей⁴.

Закрытие Ордена фелицианок вызвало в Варшаве одобрение: «...матери многие, к коим вернулись их дочери, очень рады и довольны, некоторые благодарили слезно...»⁵. Евреи – были в восторге, а среди католической части варшавского общества эти события практически не вызвали сочувствия. Стоит отметить, что В. А. Черкасский опасался тайного восстановления ордена и видел

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 258.

² Конгрегация была посвящена святому Феликсу, данное начинание со временем разрасталось, к нему присоединялись другие женщины, и в 1859 году был основан монастырь сестер фелицианок.

³ Кудрик А. «10 октября – память блаженной матери Марии Ангелы Трушковской» URL: <http://www.cathmos.ru/content/ru/publication-2013-10-09-15-56-21.html> (дата обращения 22.03.2016 г.)

⁴ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 258–259.

⁵ Там же. Л. 259.

одной из своих главных задач этому воспрепятствовать. В связи с этим он просил Н. А. Милютина содействовать из Петербурга и выслать к наместнику письмо, чтобы «полиция не заснула на лаврах»¹.

Основываясь на информации, представленной в переписке Н. А. Милютина и В. А. Черкасского, можно отметить очевидность социальных противоречий в самом польском обществе. В частности, это прослеживается в реакции различных слоев на ликвидацию монастырей. У кого-то это вызывало радость, кто-то был индифферентен, кто-то выражал открытое недовольство. Таким образом, монастырская реформа внесла в политический процесс свою «лепту», поскольку из нее, по сути, вытекал целый комплекс «духовных дел»: вопросы назначения высших духовников, отношения с папским престолом и пр.

Очередным предметом борьбы в правящих кругах в Царстве Польском в контексте духовных дел был вопрос об избрании управляющего Варшавской архиепархией, после того как П. Ржевуский был выслан в Астрахань по причине сопротивления политике российской администрации в Польше, в частности В. А. Черкасскому². Выборы вылились в процесс противостояния, в котором принимали участие не только политические деятели, но и духовенство, и польские дворянские роды. Князь предлагал на должность администратора Варшавской епархии священнослужителя Станислава-Костку Зволинского, оппозицию в этом вопросе ему составили два других представителя высшего католического духовенства – Ю. Щигельский и И. Домагальский³, которые тоже претендовали на эту должность. Определенные гарантии на это, вероятно, они некогда получили от З. Фелинского⁴.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. Л. 260.

² Dziennik Poznański. 1865. № 249. 31 października. Czas. 1865. № 249. 31 października. Dziennik Warszawski. 1865. № 240. 16 (28) października.

³ Предположительно речь идет о Юзефе Щигельском (Józefat Szczygieski) – каноник капитула варшавской архиепархии и Игнации Домагальском (Ignacy Domagalski) – члене суда консистории той же епархии.

⁴ Зигмунт Фелинский (Zygmunt Feliński) – архиепископ Варшавы (1862–1864), сосланный в 1863 г. в Ярославль.

По этому поводу князь сообщал: «...не скрою от вас, что вследствие начинавшихся Щигельского и Домагальского козней, я призвал обоих этих каноников и имел с ними крупный разговор, <...> оба предъявляли право на немедленное вступление в администрацию епархией, и, хотя окончательно согласились выбрать Зволинского, но с тем, чтобы до утверждения его Папой, они правили должностью. Я три часа к ряду их пудрил, и, наконец, им объявил, что все, что я могу сделать для них, это позволить им представить резигнацию от данного им Фелинским полномочия, которые для нас есть только белая бумага, их одних компрометирующая, и в наших глазах не имеющая ни малейшего значения; а что затем если Зволинский будет управлять капитулом; а не один из них не вступит в должность ни на 5 минут, то оба будут немедленно сосланы, ибо оба они, равно и другие 3 члена капитула в первый же день, как я им объявил ссылку Ржевусского, сами в одиночку со мной разговаривали, и мне объяснили, что хотели бы выбрать Зволинского, тогда как я не назвал еще его имени, а теперь они хотят меня надуть и осмелились вытаскивать и предъявлять духовенству противозаконные документы, вопреки прошлогоднему Высочайшему повелению. Словом, я их настрашал не на шутку, и отпустил, получив в тот же день их резигнации, которые у меня хранятся...»¹. Таким образом, В. А. Черкасский формально убрал двух оппонентов-духовников и смог, в конце концов, провести решение об избрании С. Зволинского, которое он называл «большим нравственным триумфом».

Стоит также отметить, что, по мнению представителей издания «Dziennik Poznański», выборы были назначены только для того, чтобы посадить выгодного Москве управляющего епархией, что было упомянуто в личном разговоре П. Ржевусского с князем В. А. Черкасским². Обстоятельства назначения С. Зволинского на пост управляющего Варшавской епархией то же издание называло «удивительными и покрытыми тайной»³. «Czas» со ссылкой на

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 25 октября / 6 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 260–261.

² Dziennik Poznański. 1865. № 251. 3 listopada.

³ Ibid. № 266. 21 listopada.

корреспондента для «Breslauer Zeitung» более углублялся в причины удивительного хода дел с назначением С. Зволинского, но вывод был аналогичным. Все дело было в выгоде директора Комиссии внутренних дел в утверждении указанного священнослужителя¹.

В связи с этим любопытна реакция политических оппонентов на этот успех В. А. Черкасского, а также последствия данного решения для «лагеря реформаторов». Об этом князь поспешил сообщить в своем письме: «...граф Ф. Ф. Берг был в большом смущении, а теперь в большом восторге, <...> однако, я должен сказать, как ему это было очевидно неприятно, но он не отказал мне в разрешении говорить от его имени самым решительным образом. Конечно, не удайся дело, он мог бы меня всегда предать. Не скрою от вас, что и сам я как ни притворялся со своими ксендзами <...> чувствовал гору за плечами, и не знаю как рад теперь, что все вдруг кончилось так отлично. <...> На днях снимем с Варшавского капитула контрибуцию, <...> мы вольны теперь посылать бумаги в Рим или нет, но я полагаю весьма полезным правительству это поддержать и похлопотать в Риме об утверждении Зволинского – Рим примет завершившийся факт, особенно если дать немного денег капитулу, у которого это будет дело в руках, что здесь духовенство мне весьма рекомендует, а я передаю вам...»². По сути, при всей противоречивости действий князя для наместника, Ф. Ф. Берг все-таки был доволен успехом В. А. Черкасского, поскольку для него любой успех в Польше превращался в личную заслугу, так как наместник в глазах императора, фактически нес ответственность за все, что происходило в Царстве Польском. Отсюда и все здешние успехи также расценивались как результат действий наместника.

Противодействие реформаторы встречали и в Петербурге, но градус борьбы был не настолько высок, а влияние Н. А. Милютина на императора позволяло ликвидировать большинство трудностей. Высказываясь насчет предложения В. А. Черкасского послать бумаги в Рим, Н. А. Милютин утверждал, что это

¹ Czas. 1865. № 269. 24 listopada.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 25 октября / 6 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 261–262.

могло бы стать опасным прецедентом, а деньги, которые были бы переданы капитулу, вовсе не явились бы гарантом успеха¹. Однако более важным с точки зрения понимания политической борьбы за осуществление реформ было то, что Александр II был «...вполне в ваших [князя. – Авт.] идеях...»², то есть император поддерживал начинания реформаторов и одобрял вектор, в котором они проводили преобразования³.

Свидетельства этой поддержки князя, обнаруживаются и в других письмах: «...расположение ко всем нашим делам нисколько не изменилось, но враги здешние озлоблены более прежнего...»⁴, – писал Н. А. Милютин. Он также сообщал о назначении С. Зволинского: «...указ о духовенстве произвел здесь также немалую эмоцию, сколько мне известно только одни австрийцы да княгиня Елена Кочубей неистовствуют, прочие отзываются благосклонно или даже похваляют...»⁵

Впрочем, это были единственные хорошие новости для В. А. Черкасского и Н. А. Милютина. Оппозиция к решениям реформаторов по духовенству исходила, в том числе, от главы католической церкви Папы римского Пия IX. Н. А. Милютин упоминал об одном случае, о котором сообщал Ф. К. Мейендорф⁶.

В качестве главного действующего лица выступал папа римский: «...Мейендорф явился к нему по обычаю в Рождество, сперва он жаловался на притеснение католичества и изгнание Ржевусского, а потом он сосредоточил свои претензии на двух пунктах, на Калинском и на самовольном якобы назначении Зволинского. Мейендорф отвечал довольно резко, он напомнил (по поводу того, что мы ошиблись в Калинском) и отрицал верность сведений, доходящих через поляков. Капризный и шальной Папа, стал понемногу выходить из себя, он напал на

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 16 / 28 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 270.

² Там же. Л. 276

³ Там же. Л. 277.

⁴ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 4 / 16 января 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 279.

⁵ Там же. Л. 280.

⁶ Мейендорф Феликс Каземирович (1834–1871) – секретарь российского посольства в Риме в 1863–1866 гг.

фанатическую партию, которая якобы завладела польским делом. Теперь Мейендорф телеграфирует, что Папа выразил раскаяние, но как и чем еще неизвестно...»¹. Таким образом, усугубляли ситуацию с духовенством в Польше еще и отношения Российской империи с папским престолом, впрочем, стоит отметить, что значительного влияния на решения реформаторов Папе оказать не удалось.

Что касается противодействия высших духовников, то эта проблема была разрешена В. А. Черкасским. Князь писал, что подобное поведение папы в большей степени напугало местное духовенство, чем поддержало его². Отчасти в связи с этим в Варшаву перед Новым годом прибыли три епископа (К. Лубенский³, М. Маерчак⁴ и И. Юшинский⁵), четвертый – варшавский, не смог прибыть, но написал В. А. Черкасскому письмо, в котором благодарил за заботу о католической церкви. Таким образом, все прибывшие епископы выражали «полную покорность». В. А. Черкасский сообщал: «...старик Юшинский влетел было ко мне в первую минуту с объяснением, но после получасовой бани совсем перевернулся и вместо разговора о необходимости согласия святого отца, хватал за руки для целования, тоже самое производил, впрочем, и Маерчак. На Юшинского значительно подействовал аргумент, что если нужно согласие святого отца на прочее, то оно нужно и на получение жалования, что земли мы все-таки в ожидании его согласия возьмем, а деньги согласны подождать отпускать. Такую систему он нашел неудобной, и мы после трех свиданий расстались великими друзьями. На Лубинского подействовало обещание, что он сохранит весь свой оклад, что дам ему деньги на отстройку его семинарии, что он очень домогался...»⁶.

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 4 / 16 января 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 281.

² Там же. Л. 282.

³ Константин Лубенский (Konstanty Łubieński) – епископ сейненский, которого в письмах называют Лубинским.

⁴ Мачей Маерчак (Maciej Majerczak) – епископ келецкий.

⁵ Йозеф Юшинский (Józef Juszyński) – епископ сандомерский.

⁶ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 7 / 19 января 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 283.

После этого князь писал об обеде, данном С. Зволинскому, на котором присутствовали и другие епископы, в том числе Ю. Щигельский. По сведениям князя, Ю. Щигельский пытался, используя связи К. Лубенского, настроить варшавское духовенство против С. Зволинского. Однако когда В. А. Черкасский намекнул тому же К. Лубенскому, что если продолжатся интриги против С. Зволинского – то с Ю. Щигельским не будут церемониться, и он окажется заперт в монастыре¹.

Реакция варшавского общества на ситуацию с духовенством была весьма неоднозначна. В. А. Черкасский докладывал: «...в обществе варшавском чиновники вообще довольны унижением духовенства, буржуазия равнодушна, <...> недовольны помещики, старый иезуитский high-life и барыни высшего круга...»². Необходимо упомянуть, что тема духовенства выступала как одна из центральных в переписке. Кроме того, информация о ситуации вокруг духовенства крайне важна, в том числе, и для понимания того, что произошло в апреле 1866 г. Именно напряженная борьба В. А. Черкаского за то, чтобы отстоять справедливость и неудача в ней, привели к тому, что он подал в отставку.

В середине февраля 1866 г. В. А. Черкасский писал, что количество работы было внушительным, а сопровождалось это не меньшим количеством скандалов и дразг, которые случались ежедневно. Князь сообщал, что он, фактически, отстранился от всех дел, кроме дела губернаторов³. Особенно В. А. Черкасский старался насчет назначения М. Н. Анненкова, правда, по этому вопросу, как и по многим другим, ему трудно было достичь согласия с наместником, хотя последний и обещал, что сделает все возможное, чтобы посодействовать назначению М. Н. Анненкова. Впрочем, по словам князя, Ф. Ф. Берг своих обещаний не сдерживал, касалось это и дела о губернаторах, и административной реформы: «...старик соглашается, виляет, лжет и ни с места. <...> Я, наконец,

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 7 / 19 января 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 284.

² Там же. Л. 285.

³ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 февраля / 1 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 305.

потребовал от него, по крайней мере, в письме к Государю отозваться благосклонно об Анненкове, и объявил, что имею в виду, он обещал и верно надует...»¹. Это, пожалуй, только дополняло картину противоречий во властных кругах Царства Польского и того, как они влияли на профессиональные отношения чиновников в Варшаве.

По сведениям из писем В. А. Черкасского, в беседах и переписке с Ф. Ф. Треповым он затрагивал вопрос о личности Ю. Щигельского и его влиянии на ситуацию с духовенством в Царстве Польском, однако переписка с Ф. Ф. Треповым «оказалась бесплодной»². Однажды, как писал князь, после множества предупреждений о священнослужителе, он напрямую задал вопрос, как Ф. Ф. Трепов относится к Ю. Щигельскому. В этой связи В. А. Черкасский сообщал: «...Трепов не считал Щигельского опасным, не сомневаюсь, что он отвечал с разрешения графа, наущаемого Лахницкими. <...> Я подал уже прямо докладную записку графу, видя, что простые с ним разговоры и переписка с Треповым бесплодны...»³.

Подобные муссирования вопроса о Ю. Щигельском не были случайностью, в то время в политических и не только кулуарах стоял более серьезный вопрос, касался он тайного письма, полученного от папы римского. Контакты с Римом не без основания вызывали опасения в «лагере реформаторов», поскольку они могли быть чреваты негативными последствиями, как для монастырского дела, так и для других сторон общественно-политической жизни в Польше. Кроме того, определенную роль сыграл и арест Ю. Щигельского, который был воспринят польской прессой с негодованием, называвшей этот случай насилием, подобным тому, которое было совершено против архиепископа З. Фелинского и епископа П. Ржевусского⁴.

Ю. Щигельский, по мнению В. А. Черкасского, был одним из главных фигурантов интриги вокруг письма. Тогда же снова дал о себе знать еще один духовник – И. Домагальский, который хотел писать письмо императору, в

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 февраля / 1 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. С. 305

² Там же. Л. 306.

³ Там же. Л. 307.

⁴ Czas. 1866. № 62. 17 marca. Ibid. № 64. 20 marca. Dziennik Poznański. 1866. № 65. 21 marca.

котором собирался высказаться о своих правах (правда, не было указано на что), причем письмо это предполагалось передать с В. А. Черкасским. Князь же заявлял, что никаких прав И. Домагальского, он не признавал¹. В. А. Черкасский в итоге предложил наместнику принять это письмо: «...тогда Берг и Трепов испугались, и Ф. Ф. Берг начал лгать и придумывать другие комбинации, а я стал сильнее настаивать, чтобы сделать настоящее следствие, не шуточное, дабы раскрыть корни и ветви организации, в которой, по моему мнению, замешаны и Лубинский, и Косаковский, <...> и все здешние иезуиты, и знатная часть аристократии, Мысловский, графиня Александра Потоцкая, граф Станислав Островский, граф Малаховский, по моему мнению, непременно Лахницкие, эти вреднейшие люди, и прочие...»².

Подтверждения подобным фактам встречались и в прессе, которая сообщала, что поводом для ареста Ю. Щигельского стало тайное письмо из Рима, а также сопротивление духовника действиям В. А. Черкасского. Расследование по этому вопросу как выяснялось, вызвало множество споров между Ф.Ф. Бергом, Ф. Ф. Треповым и В. А. Черкасским³.

В. А. Черкасский сообщал, что после вышеупомянутой беседы с графом, разбирательства по поводу письма из Рима пошли активнее. Однако князь предостерегал наместника, что могли бы возникнуть некоторые слухи в связи с обысками и личным вмешательством самого графа. По мнению В. А. Черкасского, Ф. Ф. Берг активизировался только для того, чтобы спасти своих «приписных друзей, пожертвовав Ю. Щигельским и И. Домагальским⁴. Тем не менее, В. А. Черкасский полагал, что этих мер недостаточно. Он считал, что

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 февраля / 1 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 307.

² Там же. Л. 308.

³ Dziennik Poznański. 1866. № 65. 21 marca.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 февраля / 1 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 308.

нужно раскрыть всю суть интриги и ликвидировать инициаторов, но в свою очередь осознавал, что добиться этого было практически невозможно¹.

Спустя несколько дней произошел разговор между В. А. Черкасским и Треповым, которого князь называл «agent provocateur». Ф. Ф. Трепов «...стал горько жаловаться на Ф. Ф. Берга, что тот ему запретил делать обыски у Бусловских, Коссаковских и прочих. Всего в пяти местах и велел душить дело, что Трепов отказался будто передать такое приказание Тухолке и граф ему сам давал наставление как вести дело. <...> Дело едва ли поведется надлежащим образом...»². После долгих препирательств и увиливаний оказалось, что Ю. Щигельский признался в получении письма. При этом, как писал В. А. Черкасский, серьезное влияние на графа имел по делам священнослужителей К. Лубенский, который наместника «подогревал» так, что тот оказывал серьезное противодействие по вопросам духовенства, в ином случае, по мнению князя, было полезно и нетрудно пользоваться К. Лубенским³.

Со временем стали обнаруживаться некоторые новые подробности этого дела. В. А. Черкасский описывал случай, когда он явился к Ф. Ф. Бергу и убеждал его в том, что «дело душат». Наместник, напротив, утверждал, что всё идет хорошо. Князь доказывал, что «...в этом деле замешаны Лубинский, Коссаковский, Потоцкие и tutti quanti»⁴. Ф. Ф. Берг уверял, что это вздор, и что он не может производить обыски зря, говорил, что ему нужно только письмо папы, а я ему изъясняю, что это только часть дела, <...> что нужно раскрыть всю организацию и пути сношения с Римом...»⁵. После длительных споров с наместником, князь ушел, объяснив, что должен «очистить свою нравственную ответственность»⁶.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 февраля / 1 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 308.

² Там же.

³ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 февраля / 3 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 318–319.

⁴ Tutti quanti (ит.) – и пр. и пр., и всякие другие, поголовно все.

⁵ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 февраля / 3 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 320.

⁶ Там же.

Особенно интересной в этой истории со следствием была информация, которую сообщил некий Кацфильд – Ф. Д. Каширину (вероятно, речь шла о Каширине Федоре Дмитриевиче, который был помощником В. А. Черкасского, а с 1878 г. делопроизводителем временной комиссии по крестьянским делам губерний Царства Польского при Министерстве внутренних дел). Ф. Д. Каширин докладывал В. А. Черкасскому, будто бы Кацфильд сообщал, что никакого протокола следствия не велось. В связи с этим князь писал: «...признаюсь, так вести духовных дел здесь нельзя, и если все пойдет еще несколько дней, то я сочту для себя благоразумным последовать примеру Александра Ивановича, но оказать больше последовательности, ибо ясно, что они все дело испортят, не говоря, что и весь мой престиж поколеблут ... словом выйдешь отсюда дураком каким прежде не был...»¹.

В конце концов, Ф. Ф. Бергу удалось провести В. А. Черкасского, соврать и сохранить в безопасности тех, кого он, по мнению князя, покрывал (местное духовенство и дворянство). Эта ситуация, вероятно, переполнила чашу терпения В. А. Черкасского и в письме от 1 апреля 1866 г. он сообщил Н. А. Милютину о том, что подал графу прошение об увольнении. Впрочем, князь после этого пробыл на службе до конца года.

Летом 1866 г. толки о духовных делах также не прекращались, например, поднимался вопрос о деятельности Я. Калинского². Духовника, по мнению князя, не стоило оставлять в Царстве Польском, поскольку «...одна третья часть униатского духовенства с ним в родстве и будет около него составлять партию...»³. Ф. Ф. Берг, по сведениям В. А. Черкасского, не горел желанием соглашаться на ссылку Я. Калинского и говорил, что этот вопрос необходимо

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 февраля / 3 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 321.

² Ян Калинский – с 1863 г. был администратором Холмской епархии.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 июля / 5 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 323.

было представить на рассмотрение в Петербург¹. Отметить стоит, что Я. Калинский все же был выслан из Царства².

Кроме того, князь писал и о возвращении из Кракова в Варшаву графини Александры Потоцкой, которая была замешана в еще не оконченном деле Ю. Щигельского. Причем говорилось о том, что и здесь не обошлось без помощи наместника. Целью мог быть приезд императора в Варшаву, чтобы во время этого визита попросить Александра II о своем прощении, а также замолвить слово о Ю. Щигельском и И. Домогальском. В. А. Черкасский полагал, что допустить подобное было бы ошибкой³. По сведениям князя, наместник не был намерен ограничиваться лишь возвращением А. Потоцкой в Варшаву, но и хотел просить императора позволить вернуть многих поляков из ссылки, как из России, так и из других государств⁴.

Что касается Я. Калинского, Александр II также был настроен решительно, он поддерживал идею отправить священника в ссылку. Статс-секретарь Н. А. Милютин на этот счет оговаривался: «...властное распоряжение со стороны самого наместника было бы здесь принято с особенным удовольствием и получило бы полное одобрение. Подобные меры (*dehaute police*⁵) наместник принимает без затруднения, особенно, когда речь идет о русском офицере или чиновнике. Он хвалился, что прихлопнет когда-нибудь даже Русский клуб, <...> но, впрочем, пусть действует как знает, лишь бы не останавливалось дело...»⁶. Приведенный текст свидетельствует о том, что в Петербурге планы и намерения князя находили поддержку и одобрение со стороны императора. Вероятно, влияние Н. А. Милютина на Александра II в вопросах, связанных с реформами в

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 июля / 5 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 323.

² *Czas*. 1866. № 248. 31 października. (Комментарий со ссылкой на *Dziennik Warszawski* по поводу высылки Я. Калинского)

³ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 июля / 5 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 324.

⁴ См.: там же.

⁵ (фр.) «Высшая полиция», вероятно, речь идет о суровых полицейских мерах.

⁶ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 4 / 16 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 345.

Царстве Польском, было достаточно сильным, поскольку противники «реформаторов» чаще оказывались в проигрышной ситуации. Порой такое положение дел позволяло В. А. Черкасскому действовать решительней.

В Царстве Польском в конце 1866 г. шли разговоры о новом манифесте императора, в письмах не упоминалось, по какому поводу этот документ должен быть провозглашен (предположительно это могло быть в честь свадьбы наследника, будущего Александра III), обсуждалось лишь то, что в этом манифесте должно было быть отражено. По этому вопросу В. А. Черкасский имел переписку с Н. А. Милютиным, последний интересовался по поводу того, что можно сделать для этого манифеста, князь же упоминал, что весьма трудно было определить что необходимо, скорее проще было бы назвать чего делать категорически не следовало бы: «...не следует в особенности возвращать сосланных ксендзов и чиновников, не следует прощать духовных и светских лиц, замешанных в истории Щигельского и Домагальского...»¹. Настолько категоричен был В. А. Черкасский в отношении этих духовников. Несмотря на то, что вышедший в итоге манифест, несмотря на оценки западных изданий, называвших его актом великодушия и либерализма, таковым являлся как минимум не до конца. При значительном облегчении участи политзаключенных, амнистии и освобождения их не произошло².

Это было последнее из известных значительных упоминаний по поводу духовных дел в переписке двух чиновников. Не вызывает сомнения, что прилагались огромные усилия по осуществлению намеченных преобразований. Не последнюю роль играло противодействие реформам в высших кругах Царства Польского, что с одной стороны тормозило намечавшиеся изменения, а с другой – подталкивало реформаторов к более активной работе по их приведению в жизнь. Опасения реформаторов в том, что если это не получится сделать им, то кто-то будет заниматься этим вопросом в менее подходящих условиях, с негарантированной

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 / 31 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 364.

² Dziennik Poznański. 1866. № 261. 16 listopada.

поддержкой со стороны верховной власти. Схожая ситуация в процессе реализации реформ наблюдалась не только в сфере духовных дел. Попытки административных преобразований сталкивались с теми же проблемами.

Преобразованиям по административной части началось уделяться серьезное внимание примерно с 1865 г., об административной реформе и связанной с ней городской реформе В. А. Черкасский говорил, что это дело трудное, объемное, при том это *terra incognita* для самих польских чиновников...»¹. Он также подчеркивал важность преобразований в этой сфере и абсолютную необходимость их проведения «...для упрочения нравственного влияния России в Польше...»². По его мнению, эта реформа была почти настолько же важна, как и крестьянская. Наибольшая активность по этому вопросу проявилась в 1866 г.

Несмотря на это, слухи об административных преобразованиях муштровались в прессе еще с начала 1865 г. Поводом для слухов послужила телеграмма из Варшавы, в которой сообщалось, что власти уже получили официальный план нового административного деления Царства Польского, в котором наместничество будет упразднено, а правительственные комиссии соединены с департаментами центрального управления в Петербурге. М. Н. Катков на страницах «Московских ведомостей» считал подобную информацию специально придуманной «штукой, рассчитанной на некоторые обстоятельства», хотя подобные меры были бы вполне приемлемы³.

Июль 1866 г. в переписке был посвящен вопросам, которые касались административной реформы, назначения барона П. А. Фредерикса и очередных интриг, одна из которых была связана с персоной некоего Гецевича. В. А. Черкасский писал: «...глупый Фредерикс есть тупоумное орудие нашего

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 января / 7 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 29.

² Там же.

³ «Вред административно-политической обособленности Царства Польского» // М. Н. Катков. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1865 год. Москва, 1897–1898. С. 81–82. О слухах в прессе по поводу административных преобразований в Царстве Польском см.: «План административных преобразований Царства Польского по известиям иностранных газет» // М. Н. Катков. Там же. С. 83–85.

старого знакомого (наместника. – **Авт.**), здесь скрывается еще целая интрига польской шляхты, под эгидою и руководством Гецевича, чтобы уронить гминное управление и попытаться опять забрать гминную власть в руки панов. Для этого постараются подготовить в правительстве благоприятную почву для будущих гминных выборов, если не надеются даже иным, более крутым способом покончить...»¹. Характеризуя Гецевича, князь подчеркивал: «...Гецевич – весьма опасный и весьма влиятельный на нашего старца человек; он интриган первой руки, и Лахницкие ему работают в руку...»². Более подробных сведений о сути очередного конфликта князь в своем письме не раскрыл.

Исходя из информации в письме В. А. Черкасского, в контексте административных преобразований вновь фигурировала фамилия Гецевича, которому якобы было поручено писать замечания и опровержения по этой реформе. Состояли нарекания в следующем: «...1. Усиление расходов; 2. Недостаточность предположенного состава Финансового управления, особенно в уездной инстанции; 3. Неприменимость архивного русского порядка; 4. Вред от децентрализации Главного попечительского совета и Страхового управления; 5. наконец – невозможность все это ввести к 1 января 1867 г.; и необходимость отложить все до 1868 г. ...»³.

В. А. Черкасский опасался, что подобные козни могут серьезно навредить административному делу, и оно будет отложено на неопределенный срок, чего, по его мнению, не стоило делать. Поэтому он весьма подробно аргументировал свою позицию по вопросам административных преобразований: «...во-первых, такое беспрестанное искушение судьбы и расчет на будущие случайности могут и в самом деле когда-нибудь увенчаться успехом, и тогда вдруг окажется, что мы понапрасну хлопотали и работали. Во-вторых, с отсрочкой реформы увековечится, конечно, и военно-полицейское управление, со всем его уже ныне

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 18 / 30 июля 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 314/420.

² Там же. Л. 316/422.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 июля / 5 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 325.

нестерпимым и ежедневно более и более развивающимся безобразием. Наконец, я лично не буду уже в таком случае иметь ни малейшего шанса на введение в действие этого преобразования...»¹. Кроме того, В. А. Черкасский сетовал в переписке с Н. А. Милютиным на то, что длительное пребывание в Царстве Польском «было по кошельку князя», в связи с чем он не мог находиться в Варшаве до 1868 г.². Таким образом, В. А. Черкасский, судя по всему, осознавал, что он уже не может оказать никакого влияния на политические процессы в Царстве Польском, поэтому считал свое дальнейшее там пребывание лишенным смысла, хотя о последнем он конкретно еще не сообщал.

Император, по сведениям из переписки князя и статс-секретаря Н. А. Милютина, был весьма серьезно настроен насчет преобразований и призывал графа Ф. Ф. Берга ускорить дело административной реформы. В. А. Черкасский посылал к наместнику письма, получая, однако в ответ «обычные протестации и обещания»³. Н. А. Милютин в свою очередь сожалел, что очень много времени уходит впустую в связи с нежеланием графа и его приближенных найти компромисс по поводу реформы.

Одним из таких случаев была ситуация на заседании Учредительного комитета, о которой князь докладывал Н. А. Милютину: «...я вновь докладываю наместнику, на сей раз – при всех членах Учредительного комитета, что если не будут немедленно приняты меры для приготовления распоряжений по административной реформе, то я слагаю с себя всякую ответственность. При этом мной было особенно указано на составление окладных листов и группировку личного состава чиновников. Наместник весьма сконфузился...»⁴. Вероятно, тогда

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 24 июля / 5 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 326.

² См.: там же. 327–329.

³ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 4 / 16 августа // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 343.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 11 / 23 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 352/432.

В. А. Черкасскому удалось застать наместника врасплох, что в определенной мере продвинуло дело об административной реформе.

Необходимо упомянуть, что имеются свидетельства деятельности князя не только по административным преобразованиям, при этом датируются они концом июля – началом августа 1866 года. Суть их состоит в том, что В. А. Черкасский активно действовал по вопросу подчинения ему Варшавского обер-полицмейстера и исполнительной полиции Варшавы. Кроме того, он заявлял о необходимости подчинения ему Следственной комиссии, чтобы он был в курсе всех текущих дел в этом органе, а назначении военно-уездных и участковых начальников должны были изначально одобряться самим князем, и только потом отправляться на представление наместнику¹.

Атаки на проект административных преобразований велась иногда открыто, а иногда очень хитро и, практически, незаметно. В один из дней Н. А. Милютин получил ответ от наместника по административным проектам. На первый взгляд там не оказалось никаких коренных возражений, лишь вопрос о благотворительных организациях, который наместник просил отложить. В основном были только мелкие замечания, при том, по мнению Н. А. Милютина, «весьма коварные»². В частности, чиновник упоминал, что в полученном ответе от наместника, последний просит сохранения части полицейской власти за бургомистрами в безуездных городах: «...замечания <...> подчас мелочные до тупости, или относящиеся лишь к редакции, которая, как вам известно, была вовсе не окончательная. Впрочем, над всем этим владычествует личная злоба, которая выразилась даже довольно наивно. Решительно у вашего шефа старческое размягчение мозга...»³, – заключал Н. А. Милютин. Вот так, не стесняясь в выражениях, Н. А. Милютин говорил о Ф. Ф. Берге и о его попытках навредить административным проектам.

¹ Письмо без адресанта неустановленному лицу (вероятно П. А. Фредериксу) 25 июля / 6 августа 1866 года // ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 738. Л. 44.

² См.: Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 21 августа / 2 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 373

³ Там же.

Отношение В. А. Черкасского к замечаниям Ф. Ф. Берга было несколько иным. По мнению князя, требования и поправки графа не настолько невинны и малозначимы, как казалось Н. А. Милютину, хотя В. А. Черкасский и признавал, что сам поначалу не заметил ничего необычного в отметках Ф. Ф. Берга. Князь сообщал: «...хитрый старец чуть-чуть не надул нас обоих, под влиянием очевидно преобладающего ныне повсюду желания вести дело, во что бы ни стало, на соглашение и не оскорбить его еще более после понесенного им по финальной части и по Государственному совету поражения. Хитрый старец мастер пользоваться такими случаями...»¹. И продолжал, раскрывая тактику Ф. Ф. Берга: «...обыкновенно, в прежнее время он, в отплату за такое поражение, довольствовался требованием немедленного вознаграждения себе в личных вопросах и наградами своим клевретам, которые служили в Варшаве к укреплению его положения. Ныне, подстрекаемый местными элементами (между прочим – Гецевичем и др.), он воспользовался случаем и отстаивает, кроме того, сам принцип наместничества и местной административной автономии, наперед проектам нового громкого закона, ограждая ее в будущем от посягательства; причем он старается не только о сохранении, по возможности всего прежнего безобразия местного управления, вызвавшего саму необходимость административной реформы, но требует еще большего усиления прежней системы или лучше сказать неурядицы...»².

В. А. Черкасский в своем письме упоминал также и о том, что вызвало необходимость в проведении административной реформы: «...во-первых, безобразие двойной исполнительной полиции, временно и лишь по крайней необходимости допущенное во время мятежа при учреждении генерал-полицмейстерства; во-вторых, древняя, закореневшая с 1830 года и прежде, язва необычайной централизации всех, самых простых дел в Варшаве, вследствие чего всякая дрянь зависела от разрешения высших центральных властей и, главным образом, наместника (или лица

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 395.

² Там же. Л. 396.

управлявшего под его фирмой и являвшегося то правителем наместнической канцелярии, то статс-секретарем Совета управления, как Энох, (то другим лицом), от чего губернаторы и губернские правления делались простыми, безвластными, безответственными и поэтому бессмысленными куклами...»¹.

По мнению князя, централизация выражалась в двух явлениях. Первое – отнятие у губернаторов права назначать на места в губерниях чиновников выше X класса. По сути, это означало ограничение их власти во всех личных вопросах практически до нуля. Эта власть была бы переложена на главных директоров и наместника. Второе – отнятие у губернских правлений хозяйственной власти и сосредоточение ее в тех же варшавских центральных учреждениях, а фактически, канцеляриях. Все это приводило к бессилию и безответственности власти на местах, медлительности в делах, взяточничеству в центральных канцеляриях и произволу центральных властей. При этом В. А. Черкасский утверждал, что центральные власти не были знакомы ни с низшими должностными лицами, ни с местными обстоятельствами. Поэтому, по мнению князя, это справедливо вызывало нарекания со стороны местных жителей в отношении русской администрации².

Это, как полагал князь, «...порождало также особый тип губернского устройства, <...> питавший еще и другую язву – обособление Польского Царства от общего административного типа – имперского, и затем дух анархического сепаратизма...»³. Кроме того, второй причиной, которую старались держать в тайне, были намерения подготовить дела к постепенному, впоследствии полному слиянию края с Россией с полным подчинением его центральным властям империи⁴.

Какие же изменения хотел внести Ф. Ф. Берг в проект административной реформы? В первую очередь, было предложено часть низших жандармских чинов оставить в ведении жандармских офицеров, передав другую часть в управление ведомства внутренних дел. В. А. Черкасский считал это невозможным, поскольку в

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 397–398.

² Там же. С. 398.

³ Там же. Л. 399.

⁴ Там же. Л. 400.

этом случае было бы две исполнительных полиции, обе были бы довольно сильно организованы и друг от друга независимы, причем компетенцию они имели бы одинаковую. Всё это усугубило бы существовавшую ситуацию, когда Управление внутренних дел не имело низших чинов в своем распоряжении, и не участвовало в споре из-за них между губернаторами и уездными начальниками с одной стороны, и жандармскими штаб- и обер-офицерами с другой. В свою очередь это привело бы к ситуации, когда в губерниях и уездах две исполнительные полиции, подчиненные разным ведомствам, реализовывали бы противоположные распоряжения, так как, и этого не скрывал В. А. Черкасский, Главный директор, Начальник III округа, губернатор и жандармские штаб-офицеры ссорились бы между собой. На местах происходили бы перепалки между жандармами и земской стражей¹.

Во-вторых, граф хотел добавить губернаторам лишь возможность назначать чиновников, а у Комиссии внутренних дел предлагал отнять в свою пользу уездных начальников, которых Комиссия издавна всегда назначала сама, и которых в империи назначали губернаторы. Таким образом, реальной власти у губернаторов практически бы не оставалось. В-третьих, уже упомянутое лишение «хозяйственной» власти губернских правлений. В-четвертых, наместник хотел бы при назначении губернаторов и вице-губернаторов избежать контроля со стороны главного директора Комиссии внутренних дел².

В. А. Черкасский вполне логично задавался вопросом, узнал бы Н. А. Милютин свой проект административной реформы, если бы в него внесли подобные правки?³ По сути, административная реформа в том случае означала бы лишь частичное упразднение временного учреждения генерал-полицмейстерства, и его окончательное утверждение в новой организации III Округа жандармов. Губернские правления существенно не улучшились бы, а все проблемы их были бы еще больше укреплены законом.

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 401–402.

² См.: там же. Л. 402–405.

³ См.: там же. Л. 406.

В. А. Черкасский в связи с этим высказывал свои предположения о том, как удовлетворить стольким противоречивым требованиям и необходимости реформирования. Исходя из информации, представленной в переписке князя и статс-секретаря Н. А. Милютина, В. А. Черкасский предлагал согласиться на самые главные и наиболее существенные требования наместника, усилить губернаторов, как предлагал князь в своем варианте проекта, но власть предоставить наместнику всю без исключения, согласиться с усилением его власти в отношении прав комиссий. Также, по его мнению, было бы необходимо пожертвовать главными директорами, а вместе с тем Комиссии (внутренних и духовных дел, Комиссию финансов) упразднить за ненужностью¹. Саму должность наместника тоже предлагалось упразднить. Взамен ее ввести двух генерал-губернаторов – Брест-Литовского и Варшавского. В. А. Черкасский считал, что в целях осуществления таких преобразований стоило бы даже вознаградить Ф. Ф. Берга (дать графу звание фельдмаршала и добавить хороший оклад). Такого рода расходы компенсировались бы упразднением должности наместника.

В. А. Черкасский рассчитывал, что впоследствии было бы проще найти двух генерал-губернаторов, чем одного наместника. Это, по его убеждению, было бы лучше, чем сохранить прежнюю централизацию, которая затрудняла бы в будущем коренную и рациональную реформу, которая, в свою очередь, была бы неизбежна². Князь объяснял свою точку зрения насчет генерал-губернаторов следующим: «...если в Одессе, Вильне, Киеве может управлять генерал-губернатор, то это возможно и в Варшаве. <...> В военном отношении должно быть, несомненно легче найти двух Начальников округов, чем одного Главнокомандующего и выгоднее иметь два округа вместо одной огромной армии, тем более, что Брест-Литовск останется всегда, даже в случае оборонительной войны, неподвижным центром военного управления; а Варшавский округ может быть устроен так, чтобы в случае оборонительной войны он мог немедленно свернуться в Новогеоргиевск и в

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 410–411.

² См.: там же. Л. 411–413.

Варшавскую цитадель, не нарушая ни в чем организации и отправления военных приготовлений в Брест-Литовском округе...»¹.

Кроме того, с точки зрения гражданского управления, князь, вероятно, также не видел преград, приводя в пример других генерал-губернаторов, которые в одиночку, при помощи обширной канцелярии могли управлять даже шестью губерниями. Соответственно и два генерал-губернатора также могли бы справиться с управлением Царством Польским². С точки зрения полицейского управления, шеф жандармов был бы в большей степени хозяином полиции, если бы Начальник III Округа имел дело с двумя генерал-губернаторами, чем с одним полновластным. Еще одним аргументом было, то, что в Петербурге можно было бы отыскать немало желающих на эти должности в Царство Польское. Следовательно, проблем с недостатком кандидатур не возникло бы. Стоит отметить, что даже в прессе отмечалось, что приготовления князя В. А. Черкасского к административной реформе были очень тщательными и продуманными³.

Говоря обо всех своих предложениях насчет реформы, он писал: «...мною руководит исключительно лишь одна мысль, безусловно очищенная от всякой посторонней, личной примеси. Эта мысль – исключительная забота о верной службе России и государю и весьма простительное желание, чтобы ни Ваше, ни мое имя не были навсегда связаны с каким-то бесцветным, бесцельным *replatrage*’ом⁴...»⁵. Таким образом, можно считать, что, фактически, корыстных побуждений при составлении этих предложений В. А. Черкасский не имел.

В. А. Черкасский писал, тем не менее, что был готов согласиться с любым решением по вопросу административной реформы, которое примет император, не создавая никаких трудностей и не оказывать никакого противодействия.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 414.

² См.: там же.

³ Dziennik Poznański. 1866. № 225. 4 października.

⁴ Replatrage (фр.) – поверхностная реорганизация, подправка, непрочное примирение.

⁵ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 418.

Н. А. Милютин поддерживал соображения В. А. Черкасского, но хотел обговорить некоторые детали лично. В дальнейшем В. А. Черкасский не упоминал административные проекты, объясняя это тем, что предпочел бы все обсудить при личной встрече. Однако встретиться им так и не удалось¹.

Административные проекты были приняты 8 ноября 1866 г. в Польском комитете, со слов Н. А. Милютина, оценивались они им как вполне удачные. Примечательно, что во время заседания в Польском комитете в Петербурге, по словам Н. А. Милютина, граф Ф. Ф. Берг (28 октября 1866 г. получил чин генерал-фельдмаршала) был весьма приветлив и любезен: «...фельдмаршал необыкновенно скромен и мил. В заседании комитета произнес Вам самое похвальное слово по поводу административных проектов...»². Трудно объяснить, почему Ф. Ф. Берг произнес подобные слова в присутствии высших чиновников империи, возможно, наместник при всей личной нелюбви к В. А. Черкасскому, все же оценивал его и с профессиональной точки зрения. Однако, вероятно, он понимал, что князь уже не имеет прежнего политического веса и никак не сможет навредить самому наместнику, поэтому похвалить В. А. Черкасского было уже поступком, ничего не значащим с практической точки зрения. Так или иначе, Ф. Ф. Берг отозвался о князе В. А. Черкасском в позитивном смысле. Это фактически был последний случай для подобной похвалы чиновника со стороны графа Ф. Ф. Берга.

Административная реформа и преобразования по духовной части, наряду с крестьянской реформой, были, пожалуй, осью всех процессов в Царстве Польском. Однако не менее важной была и ситуация с военно-полицейским управлением, введенным в 1863 г., поскольку она (ситуация) влияла и на административную реформу. Трудности в сфере деятельности военных чиновников начали происходить в 1865 г., тогда стали появляться сведения о неурядицах в управлении генерал-полицмейстера, о размытии границ между управлением генерал-полицмейстера и

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 12 / 24 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 419–422.

² Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 9 / 21 ноября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 468.

военных уездных начальников¹. В. А. Черкасский видел в этом потенциальную трудность, разрешение которой в будущем могло бы стать серьезной проблемой и «источником большого нравственного бессилия»².

Фактически так и вышло на деле. Имелись упоминания о том, что дело усложнилось, так как свою заинтересованность в нем проявил один из оппонентов В. А. Черкасского – Ф. Ф. Трепов. Князь писал: «...Трепов сам озабочен мыслью взять инициативу в деле некоторого преобразования в военно-полицейском управлении, разумеется, в тех видах, чтобы сохранить львиную часть и, будь возможно, еще более расширить и упрочить свое влияние...»³. При этом Ф. Ф. Трепов, по мнению князя, самолично «посвятил» его «в свои тайны»⁴.

По мнению Ф. Ф. Трепова, необходимо было бы ликвидировать главных начальников отделов, подчинив военных уездных начальников губернаторам. При этом чиновник не договаривал о том, что формально они должны были бы подчиняться генерал-полицмейстеру (что на тот момент уже фактически так и было), а также, что он должен был бы их назначать или, по крайней мере, иметь преобладающее влияние при их назначении. По словам того же Ф. Ф. Трепова, наместник хотел, чтобы подобным мерам предшествовало назначение «хороших» губернаторов⁵. Впрочем, по убеждениям Ф. Ф. Трепова, это было дело второстепенное, хотя и важное, а, прежде всего, необходимо бы было «похерить» начальников отделов. Вероятно, Ф. Ф. Трепов делал это с мыслью, что если отсрочить назначение губернаторов, то он сможет сблизиться с потенциальными кандидатурами, кроме того, если сначала прошло бы снятие начальников отделов и усиление роли полицмейстера, то Ф. Ф. Трепов к тому же играл бы и значительную роль в их назначении⁶.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 16 / 28 декабря 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 266.

² Там же. Л. 267.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 5 / 17 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 4.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 5 / 17 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 5.

Вероятно, это была причина, по которой генерал-полицмейстер был очень настойчив во время беседы с В. А. Черкасским на тему смены губернаторов. Ф. Ф. Трепов несколько раз повторял князю, что необходимо избавиться от начальников отделов. По мнению генерал-полицмейстера, нужно было, чтобы князь просил Ф. Ф. Берга о том же, о чем наместнику твердил сам Ф. Ф. Трепов. В этом случае было бы больше шансов убедить наместника поскольку «...граф, если ему чаще повторять одно и то же, согласится...»¹. Впрочем, скорее всего, в этом не было нужды, так как граф и сам более склонялся к варианту Ф. Ф. Трепова. Подтверждением тому могло служить обстоятельство, что на призывы В. А. Черкасского сменить губернаторов до изменения роли генерал-полицмейстера, наместник либо не отвечал, либо делал это весьма уклончиво². Вполне вероятно, что на ухудшение отношений между князем и наместником, а также на сближение между Ф. Ф. Бергом и Ф. Ф. Треповым, оказала влияние неудавшаяся попытка сменить В. А. Черкасского на посту главного директора Комиссии внутренних дел.

В. А. Черкасский видел ликвидацию начальников отделов иначе, он полагал, что их необходимо «спустить при помощи Трепова»³. Что же касается губернаторов, то князь предполагал подчинить их Ф. Ф. Трепову по полицейской части, но оговорить некоторые моменты, например, что губернаторы перемещались бы и назначались по представлению Комиссии внутренних дел; что военно-уездные начальники через губернаторов подчинены были бы не только генерал-полицмейстеру, а также Комиссии внутренних дел; что военно-уездные начальники назначались, увольнялись и перемещались бы только по согласованию генерал-полицмейстера и Комиссии внутренних дел. Губернаторы, в случае увеличения количества губерний, должны были бы становиться председателями Комиссий в губернских городах⁴.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 5 / 17 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 6.

² Там же.

³ Там же. Л. 7.

⁴ См.: там же.

К концу января 1865 г. в переписке князя с Н. А. Милютиным появлялись некоторые детали, связанные с реформой Главных отделов, а также с заменой губернаторов. В. А. Черкасский сообщал, что во время одного из разговоров с наместником он узнал о том, что Ф. Ф. Берг уже имеет кандидатуры на посты губернаторов, взамен находящихся в то время на службе, но наместник просил держать их в секрете, поскольку нуждался в том, чтобы обговорить этот вопрос с императором. Впрочем, князь узнал, что Ф. Ф. Берг уже предварительно сообщил о вопросе губернаторов Александру II. Однако у В. А. Черкаского не было сведений о том, были ли там указаны кандидатуры¹.

Как оказалось, этим планы Ф. Ф. Берга не ограничивались. Ф. Ф. Трепов и наместник уже уничтожили один из Главных отделов, а в марте собирались убрать еще один. Князь докладывал, что «...наместник словно присвоил себе мысль об уничтожении главных отделов и об умножении числа губерний. Он хочет их иметь 8, но согласится и на 10...»². Таким образом, Ф. Ф. Берг решал важные вопросы фактически в обход князя, несмотря на то, что формально ставил его в известность. По факту наместник не был обязан отчитываться перед директором Комиссии внутренних дел даже по вопросам, затрагивавшим определенным образом его [князя] компетенцию.

Одной из кандидатур Ф. Ф. Трепова и Ф. Ф. Берга на пост Варшавского губернатора был Д. Г. Анучин³, который должен был бы заменить Е. П. Рожнова⁴ на этом посту. В. А. Черкасский полагал, что Ф. Ф. Трепов специально предлагал Д. Г. Анучина на пост губернатора, поскольку видел в нем соперника и изолировал его от многих секретных дел⁵. Несмотря на то, что князь в разговоре с

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 января / 7 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 30.

² Там же.

³ Анучин Дмитрий Гаврилович (1833–1900) – сенатор, генерал от инфантерии, военный писатель.

⁴ Рожнов Евгений Петрович (1807–1875) – с января 1864 г. варшавский гражданский губернатор.

⁵ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 января / 7 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 31.

наместником одобрял кандидатуры на пост губернаторов, он все же полагал, что преобразования в Польше будут невозможны «...ибо он владеет умом наместника, на что он (Трепов. – **Авт.**) посвящает всю свою жизнь...»¹. Удалить же Ф. Ф. Трепова из Царства Польского, было возможно только путем его назначения в другую часть империи. Кроме того, наместник говорил, что он не отпустит Ф. Ф. Трепова и что «...он готов на административное преобразование, но что полицейская часть должна всегда оставаться у Трепова...»². В связи с этим, В. А. Черкасский обращался к Н. А. Милютину с просьбой рассмотреть возможность перевода Ф. Ф. Трепова в Москву, поскольку, по мнению князя, это могло бы положительно сказаться на деятельности реформаторов в Царстве³.

Трудно с уверенностью говорить, кто имел большее влияние – генерал-полицмейстер на наместника или наоборот, но можно заключить, что вне зависимости от того, кто из этих двух представителей правящей элиты в Царстве имел больший политический вес, у них сложился достаточно прочный тандем, в руках которого, по сути, находился контроль над принятием решений в Варшаве. О складывании этого дуэта можно говорить уже к началу 1865 г.

В. А. Черкасский все же хотел осуществить кадровую перестановку в рамках русской администрации в Варшаве. Ф. Ф. Трепов, по его мнению, должен был отправиться на высокую должность в Москву, Д. Г. Анучин бы тогда получал полицейскую канцелярию и жандармский округ, М. Н. Анненков был бы назначен Варшавским губернатором. Князь полагал, что это продемонстрировало бы неразрывную связь Варшавы и ближайших окрестностей, а также позволило бы в некоторой степени подчинить обер-полицмейстера Комиссии внутренних дел⁴.

Варшавскую губернию князь хотел сделать состоящей только из двух уездов – Варшавского и Станиславского, звание губернатора при этом соединить со званием обер-полицмейстера, сохранив президента и магистратов города,

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 января / 7 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 31.

² Там же.

³ См.: там же. Л. 31–32.

⁴ Там же. Л. 32.

которые были бы независимы от губернатора и подчинены Комиссии внутренних дел. В. А. Черкасский видел эту комбинацию, как самый рациональный и дешевый способ достигнуть единства власти в самом важном и проблемном пункте Царства Польского¹.

Н. А. Милютин в свою очередь разделял мнение В. А. Черкасского по этим вопросам. Кандидатуры Н. В. Медема², А. Д. Горемыкина³ и М. Н. Анненкова были приняты весьма благосклонно и императором. Н. А. Милютин писал, что готов был взяться за этот вопрос сразу по приезду в Варшаву, только просил совета В. А. Черкасского по способам обеспечения успеха этого дела. По вопросу реформы городов и губерний, Н. А. Милютин также был солидарен с В. А. Черкасским, так как считал, что в данном случае радикальные меры абсолютно необходимы⁴.

Фактически, даже осознавая всю силу, которой обладали Ф. Ф. Трепов и Ф. Ф. Берг, В. А. Черкасский все же старался искать возможности для других вариантов разрешения тех или иных вопросов, по которым у него складывалось отличное от позиции наместника и генерал-полицмейстера мнение.

Ф. Ф. Трепов и Ф. Ф. Берг всячески старались избавиться от В. А. Черкасского. Князь писал, что не хотел быть назойливым и устранился от всех вопросов, за исключением самых критических. Ф. Ф. Трепов, Ф. Ф. Берг и В. А. Черкасский совместно согласовали дату преобразования Отделов, но как оказалось впоследствии, Ф. Ф. Берг и Ф. Ф. Трепов без ведома князя перенесли ее

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 января / 7 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 33.

² Вероятно, речь шла о бароне Николае Васильевиче Медеме – генерале, председатель Главного военно-учебного комитета с 1864 г.

³ Горемыкин Александр Дмитриевич – государственный деятель, с 1864 г. был причислен к Инспекторскому департаменту Военного министерства. В том же году был командирован в распоряжение наместника в Царстве Польском для занятий по крестьянскому делу, назначен председателем Варшавской комиссии по крестьянским делам, членом комиссии для составления правил о продаже казенных имуществ и наделе безземельных крестьян Царства Польского.

⁴ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 8 / 20 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 37.

на более поздний срок¹. Это было одним из первых свидетельств того, что князь начал сам устраняться от борьбы и стал принимать значительно меньшее участие в работе государственного аппарата Царства Польского.

Стоит заметить, что ситуация с реформированием военно-полицейского управления, его ликвидации была достаточно характерна с точки зрения системы управления в Царстве Польском. В частности, речь идет о переплетении полномочий и обязанностей государственных структур. После ликвидации системы военно-полицейского управления, полномочия генерал-полицмейстера по гражданским делам вновь отходили в сферу деятельности Комиссии внутренних дел, к которой должны были принадлежать по факту².

Еще одним событием в Царстве Польском, ставшим камнем преткновения в отношениях представителей высшей администрации, был рекрутский набор в конце 1865 г. В одном из писем В. А. Черкасский информировал Н. А. Милютину о начале набора в Варшаве и в Варшавском уезде. Стартовал он достаточно благополучно, но именно рекрутский набор конца 1865 г. В. А. Черкасский определял для себя в качестве последнего рубежа в его пребывании в Царстве Польском. По этому поводу он писал следующее: «...я со своей стороны сделал все, что мог и ничем не могу себя упрекнуть, когда кончится благополучно рекрутство, <...> а также новое административное деление, и дело о децентрализации устроится, <...> я сочту себя в полном праве распрощаться с графом Ф. Ф. Бергом и поганой Варшавой, возвратиться в свои венецские дубравы на отдых...»³.

По его предположениям устройство дел должно было закончиться к весне 1866 г. Однако вопреки ожиданиям этот процесс осложнился и затянулся. Наместник, в связи с успехами в рекрутском наборе, требовал похвал одному жандармскому штаб-офицеру, которого В. А. Черкасский «...употреблял для острастки из-под руки ксендзов и содержания их по возможности в трезвенном

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 17 февраля / 1 марта 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 305.

² Dziennik Poznański. 1866. № 41. 21 lutego.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 25 октября / 6 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 261–262.

состоянии во время выборов в капитулы...»¹. Как писал князь: «...он действительно оказал в этом деле полезное усердие, почти равное той глупости, которую он постоянно обнаруживает, когда предан собственным побуждениям. Из слов наместника я видел, что он в частных письмах к государю уже успел мне и в этом деле повредить...»². По мнению В. А. Черкасского, все попытки со стороны Ф. Ф. Берга выставить его не в лучшем свете, служат одной цели: «...показать, что Трепов, не пошевеливший пальцем сделал все, а я ничего...»³.

Дополняя картину, В. А. Черкасский сообщал о действиях Ф. Ф. Берга: «...на другой же день после получения первых хороших известий, он придумал другую формулу. Он, который так упорно спорил против подчинения мне по рекрутским делам военно-полицейских властей и против привлечения к этим делам крестьянских комиссаров, в то самое время, когда я этого настойчиво требовал, ибо я очень хорошо знал, что без этих и некоторых других существенных изменений <...> рекрутское дело не пойдет в том виде, как оно вышло из рук Комитета, бывшего под председательством Заболоцкого... Он, который хотел, чтобы я все сделал с одними гражданскими уездными начальниками, который спорил также против моего настояния о выставлении здесь 3 тыс. рекрутов, и у которого я после должен был по частным докладам истребовать множество отступлений и изменений в порядок набора. Он теперь сам объявил мне, что главный успех нужно приписать за действия Третьякова и даже не нашел ни одного для меня любезного хотя бы совершенно простого слова...»⁴. Заслуга Ф. Ф. Третьякова, по мнению наместника, состояла в активной работе жандармов.

В. А. Черкасский иначе представлял сложившуюся ситуацию: «...жандармы хлопотали главным образом потому, что по моему же докладу им было за поимку беглых конскриптов назначено по 10 руб., вместо предложенных 2 руб. 85 коп., при

¹ Там же. Л. 263.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 31 октября / 12 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 264.

³ Там же.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 31 октября / 12 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 266–267.

том с немедленной выдачей из уездных управлений, вместо прежнего ассигнования их через полгода губернскими правлениями, о чем сам Трепов не подумал...»¹.

Таким образом, судя по этому эпизоду, конфронтация между В. А. Черкасским и Ф. Ф. Бергом достигла своей наивысшей точки приблизительно к концу 1865 г. Чиновники по-прежнему вели себя дипломатично по отношению друг к другу, старались не выказывать открытой неприязни, но на деле, фактически, находились в состоянии вражды.

Реформы в области образования нечасто упоминались в переписке князя В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным, хотя этот вопрос часто поднимался в прессе еще с 1864 г. Немецкие вестники предполагали серьезные перемены в учебных заведениях, русский язык должен был бы стать обязательным для всех². О близости школьных реформ сообщало и издание «Czas» со ссылкой на варшавского корреспондента «Русского инвалида»³.

Несмотря на значительные изменения в сфере образования в Царстве Польском особое внимание в переписке В. А. Черкасского и Н. А. Милютина лишь в отношении призывов к восстановлению Варшавского университета. На этот счет В. А. Черкасский был весьма категоричен: «...я решительно не признаю ни малейшей возможности его восстановить, доколе Министерство народного просвещения не объявит, что оно может открыть здесь в Варшаве хороший Русский университет. Последний имел бы, несомненно, здесь значение, особенно в панславистском смысле и мог бы быть важным оружием примирения в руках искусного правительства. Но Польский университет есть здесь язва самая опасная, довольно здесь и Дерптского немецкого; слишком довольно и бесчисленных в Царстве Польском гимназий, с их дармовым почти обучением, когда в России у нас сравнительно $\frac{1}{2}$ часть гимназий...»⁴. В. А. Черкасский задавался вопросом и о

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 31 октября / 12 ноября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 268.

² «Ход реформ в Польше (крестьянской, церковной, учебной)» // М. Н. Катков. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1864 год. Москва, 1897–1898. С. 462.

³ Czas. 1864. № 68. 23 czerwca.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 / 31 августа 1866 года // НИОР РГБ.

целесообразности университета: «...какая может быть цель так развить польскую интеллигенцию, когда мы русские остаемся лапотниками? Что будем мы делать с этой массой польских юношей, когда они придут просить занятий и мест? Не значит ли это готовить массы недовольных поляков, всегда готовых поработить наших глупых не обученных лапотников? Не забудьте, что здесь и всякого сапожника дети ходят в гимназию и даже Главную школу. <...> Одно средство поправить, это по крайней мере ограничить Главную школу и значительно поднять учебную плату. Без этого выйдет беда – и весьма скоро, не далее как через 10 лет...»¹.

Таким образом, В. А. Черкасский был весьма консервативен в отношении чисто польского высшего учебного заведения, которое, по его мнению, могло явиться причиной развития идей независимости в Царстве Польском. Он считал, что поляки могли бы обучаться в русских университетах с русским преподавательским составом и, разумеется, с русским языком преподавания. Итогом должно было явиться создание лояльного Российской империи слоя общества, «отстранившихся» от идеи национальной принадлежности².

Н. А. Милютин, в свою очередь, был солидарен с В. А. Черкасским по вопросу высшего учебного заведения в Варшаве и продвигал эти идеи в Польском комитете в Петербурге. Звучали возмущения Н. А. Милютина о том, что при открытии русских учебных заведений, соответствующие польские – не закрывались³. Участие В. А. Черкасского в вопросах образования в Царстве Польском все же было не сопоставимым с трудами по духовным делам и административным преобразованиям.

Таким образом, процесс реформотворчества в Царстве Польском был крайне тяжелым и напряженным в силу трудности вопросов, которые нуждались

Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 364.

¹ Там же. Л. 365.

² *Вербицкий Д. А.* Мнение В. А. Черкасского о преобразовании Варшавской Главной школы в университет в период проведения реформ в области образования в Царстве Польском (1866 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. 1. С. 44

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 6 / 18 сентября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 385.

в разрешении. Как можно заключить, они представляли сложности не только в силу своей сути, но и с точки зрения противоречий, сложившихся в системе государственного управления, которые было необходимо преодолеть для успешного окончания этих преобразований.

Монастырская реформа, с точки зрения «лагеря реформаторов», была осуществлена успешно, получив позитивную оценку в самом польском обществе. Однако последовавшие далее осложнения, создаваемые в том числе путем интриг, в вопросах духовных дел оказывали существенное влияние на работу реформаторов и на целый комплекс отношений Российской империи с папским престолом. Сложилась ситуация, при которой духовные дела в Польше выходили за рамки локальной проблемы.

Административная реформа была значительно более трудной в плане организации, поскольку противодействие внутри российской центральной администрации по проектам началось еще на стадии ее разработки. Судить об успешности ее реализации мы не можем в силу того, что она началась собственно только с 1867 г. Однако можно констатировать, что те идеи, которые реформаторы хотели внести в план реформ, были успешно претворены в жизнь, несмотря на некоторые уступки, на которые пришлось пойти.

Преобразования по части военно-полицейского управления можно считать успешными, но процесс их реализации оказался значительно затянутым, а между тем эта система оказывала влияние на ход всех реформ. Завершились изменения в военно-полицейском управлении только тогда, когда реорганизация в этой сфере перестала быть существенной проблемой для планов наместника и никак не угрожала его личным интересам. Ситуация борьбы за реализацию реформ подтверждает тезис о том, что на ход их оказывали серьезное влияние представители чиновничьего аппарата. Именно их интересы реализовывались в первую очередь, несмотря на то, что вектор преобразований был задан самим императором.

3. 2. Внутриполитическая борьба высших чиновников русской администрации в Польше в ходе реформ 1864–1866 гг.

Ситуация в высших кругах Царства Польского была гораздо более тяжелой, чем простые противоречия по вопросу законодательных инициатив и способов исполнения постановлений. Кроме того, она была вполне предсказуема с учетом различия интересов чиновников и разницы во взглядах на дальнейшее развитие рассматриваемых территорий. Законодательные инициативы и их исполнение были лишь своего рода осью противоречий. В центре же проблем находились попытки лишить политических оппонентов влияния и парализовать их работу над вопросами любого масштаба: от самых серьезных до совершенно незначительных. Острота противоречий, проявившихся в ходе «околореформенных» процессов привела к тому, что В. А. Черкасский был вынужден подать в отставку.

Это решение он принял в конце марта – начале апреля 1866 г. Подаче записки об увольнении графу Ф. Ф. Бергу предшествовало письмо В. А. Черкасского к Н. А. Милютину, в котором князь описывал причины, побудившие его принять такое решение. Он уточнял ситуацию, сложившуюся в Царстве Польском: «...мое личное положение здесь совершенно одинаковое ввиду графа Ф. Ф. Берга и Ф. Ф. Трепова и невыносимо, и унижительно, больше я не могу приносить пользы, по крайней мере, той, которую я мог бы считать окупленной теми личными жертвами, коих они мне стоят...»¹. И продолжал: «...как бы то ни было, я останусь лично ненавидим при этом, но далее выносить конфликт с Ф. Ф. Бергом и его же кривляний и непрестанных обманов, выносить диктатуру жандарма Трепова, я не способен и не могу...»². Также были высказаны различные предположения насчет того, как теперь можно обустроить

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 29 марта / 10 апреля 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 349.

² Там же. Л. 350.

дело. Среди таких вариантов были: слияние Комиссий, перенос части финансовых и духовных дел в Петербург, а также выдвижение различных кандидатур В. А. Черкасским на его место. В своих предложениях о будущих назначениях князь не обошел своего постоянного оппонента Ф. Ф. Трепова¹. Объяснение тому также было представлено: «...поверьте даже, что в одних руках, чьих бы то ни было, управление пойдет все-таки лучше, чем при теперешней неурядице, конца которой без моего добровольного выхода никто не может предвидеть...»².

За этим письмом к Н. А. Милютину В. А. Черкасский отправил еще одно, в котором описывал содержание разговора с наместником по поводу своего решения. Князь подал свое прошение к Ф. Ф. Бергу, и об этом практически никто не знал, за исключением некоторых родственников В. А. Черкаского. Дело об отставке предполагалось держать в тайне. Как писал князь, в один из вечеров после подачи просьбы об увольнении он явился к Ф. Ф. Бергу, и между ними произошла беседа, состоявшая из нескольких ключевых пунктов: «...1. Он всеми мерами старается заставить меня отступить и взять назад или, по крайней мере, изменить форму письма... 2. что он старался главным образом устранить меня... 3. что вся эта история ему прилась будто бы не в урочную минуту. И что в существе, он очень рад моему выходу в отставку, что он всячески старался вытребовать сколько-нибудь времени, с тем, чтобы после мне напакостить и уже тогда меня вытолкать. Он последовательно домогался от меня, чтобы я вовсе отказался от подачи просьбы об увольнении, доказывая, что это невозможно прежде 1867 г., чтобы согласиться, что бы он и ее не предоставлял Государю прежде, чем через несколько месяцев. Объявлял, что еще подумает <...> 4. домогался, чтобы я прибавил <...> к письму, что готов остаться месяц-два или сколько необходимо для службы Государю <...> он доказывает мне, что просьба моя огорчила бы Государя. Это единственный довод, который мог иметь на меня

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 29 марта / 10 апреля 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 350.

² Там же. Л. 352.

влияние, и который меня смущал и смущает...»¹. Очевидно, что наместник таким образом пытался добиться своих целей, о которых столь подробно рассказал в своем письме В. А. Черкасский. Вероятно, князь не преувеличивал степень неприязни, сформировавшейся между ним и наместником.

Ф. Ф. Берг, в свою очередь, говорил, что князь ошибался в недоверии графа к нему, утверждая, что В. А. Черкасский смешивал доверие с разницей в убеждениях, которые, по словам наместника, действительно существовали, но были полезны в делах управления. Главный же аргумент, на который делал упор наместник, сводился к тому, что В. А. Черкасский своим решением огорчит императора. Князь не соглашался с Ф. Ф. Бергом, поскольку не считал, что Александр II воспримет его решение как попытку уклониться от службы, а при помощи Н. А. Милютина поймет истинную причину этого решения: «...при недоверии главного начальника, и противоположности взглядов, которые он сам заявляет, дела с моим выходом пойдут лучше, а не хуже...»².

Отмечая, фразу Ф. Ф. Берга о пользе расхождения во взглядах, В. А. Черкасский подчеркивал, что это было бы полезно в законодательных обсуждениях, но не в администрации и не при исполнении указов. По мнению князя, без коренных изменений в ситуации в Царстве Польском любые меры бессмысленны, поскольку помимо того, что он был парализован в духовных делах, был бы еще более ограничен в административной реформе³. Разговор, как можно было предположить, ни к чему не привел, и каждая из сторон осталась при своем мнении и при своих интересах.

Н. А. Милютин был шокирован решением В. А. Черкаского подать в отставку. По его мнению, только князь мог реализовать административную реформу и внести изменения в духовное дело. По словам Н. А. Милютина, если В. А. Черкасский ослаб под влиянием польской интриги, то положение

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 1 / 13 апреля 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 146–147.

² Там же. Л. 152.

³ Там же. Л. 155.

преемника, которого «решительно невозможно» было найти, и вовсе было бы удручающим¹. Н. А. Милютин со всей очевидностью осознавал, что потеря самого верного союзника в Царстве Польском обернется провалом для всего дела, во главе которого он стоял. Поэтому статс-секретарю по делам Царства Польского было необходимо удержать князя в Польше в течение еще какого-то времени. Неизвестно, надеялся ли Н. А. Милютин на то, что В. А. Черкасский передумает или действительно не мог найти достойную замену князю, однако можно утверждать, что, несмотря на практически дружеское отношение к В. А. Черкасскому, его желание оставить князя в Царстве Польском все же были в определенной мере корыстными. Так или иначе, В. А. Черкасский согласился остаться еще на некоторое время на службе, а одним из главных поводов была административная реформа и борьба за ее реализацию.

По сути, прошение об отставке князя В. А. Черкаского было одним из ключевых моментов в реформах периода 1864–1866 гг. в Царстве Польском. Именно после этого практически очевидным стало поражение «реформаторов», поскольку их ключевой ресурс – директор Комиссии внутренних дел был вынужден покинуть Варшаву. Безусловно, никто об этом напрямую В. А. Черкасскому не заявлял, скорее наоборот. Серьезные трудности в выполнении возложенных на него обязательств в законодательной сфере, а также в реализации этих инициатив были в первую очередь порождены постоянными конфликтами с политическими оппонентами. Сложившаяся ситуация не только демонстрирует суть отношений в администрации Царства Польского, но и существенно дополняет представление о механизме принятия и реализации решений в российской политике в целом.

Как уже было сказано, к такой ситуации привели не только противоречия в вопросах законодательства. Первые столкновения, хотя и не прямые, В. А. Черкаского с политическими оппонентами начались в конце мая 1864 г., о чем он сообщал в одном из своих писем к Н. А. Милютину. Он предполагал, что

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 1 / 13 апреля 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 159–160.

министру внутренних дел П. А. Валуеву, не понравилось то, с какой готовностью некоторые из чиновников Тульской губернии променяли службу в империи на Царство Польское. В результате, трое посредников: Лодыженский (поср. Епифанский), Павлов (поср. Белевский), Сухотин (поср. Новосильский), которые были в числе прочих представлены к награде – остались ни с чем. При этом другие, отнюдь не лучшие, но остававшиеся в Туле, свои награды получили¹. По мнению В. А. Черкасского, это негативно влияло на настроения в среде чиновников, поскольку те немногие, откликнувшиеся на призыв уехать в Польшу, оказались, наказанными за свою решительность².

Может показаться, что это был просто несущественный эпизод, и его не стоит оценивать, как действие, непосредственно направленное против В. А. Черкасского. Однако факт такой несправедливости только затруднял решение кадрового вопроса на окраине империи и свидетельствовал о том, что воли императора не всегда было достаточно для успешного разрешения различных проблем управления.

Еще более значительным моментом в том же письме В. А. Черкасского к Н. А. Милютину, являлся описанный факт из заседания Учредительного комитета. Князь упоминал о том, что начались проблемы с Остроленской комиссией, и он в попытках разрешить эти трудности писал непосредственно в саму комиссию и обращался к наместнику. Однако «...одновременно с этим пошли разные происки и фанаберии Витгенштейна, Себеки и пр. против Комиссий. Затем пошли разные препирательства с Арцимовичем, который решительно сошел с ума, <...> наконец вчера, в заседании Учр. комитета я претерпел сильнейшее совокупное нападение от Арцимовича с Наместником, коего первый предварительно сбил с толка, и, признаюсь, я должен был выдержать в течение более двух часов самый сильный напор и находился в самом

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 13 / 25 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 46.

² Там же.

неприятном положении...»¹. Такой рядовой, казалось бы, случай можно определить как весьма значимый, поскольку он являлся иллюстрацией всей дальнейшей борьбы за осуществление реформ на территории Царства Польского.

В. А. Черкасский писал: «...я сделал немалую глупость, заехав сюда; если бы не критическое положение Правительства, если б не страх, что если я уйду теперь, то едва ли найдутся из порядочных людей охотники сунуться в Варшаву; наконец, если бы не желание избегнуть того, что могло бы быть неприятно лично Государю и, наконец, не надежда на скорое прибытие новых сил и подкреплений извне, то я думаю, не усомнился бы сегодня же кинуть дело и уйти окончательно, <...> ибо то одинокое положение, которое мне здесь досталось среди целого сонма враждебных сил, едва ли может быть долго выдержано. Со своей стороны, Наместник, я полагаю, будет тщательно заботиться о том, чтобы содействовать развитию этой мысли...»².

Ситуация в Учредительном комитете, описанная князем, была одним из первых и многих эпизодов противостояния двух подходов, двух центров силы в борьбе за преимущество не только в осуществлении реформ, но и в проведении своей линии в политике. Фактически в Царстве Польском существовало два «лагеря», которые были убеждены, что именно они наиболее последовательно исполняли волю императора. С одной стороны, были «реформаторы», главной целью которых являлось проведение преобразований, которые должны были привести к весьма значимым и серьезным переменам в сложившемся ранее укладе общественной жизни Польши. С другой стороны, сторонники наместника, которые не разделяли столь радикальных подходов «реформаторов».

Существенную роль играла также личная заинтересованность лиц, поставленных во главе этих территорий. Несмотря на фактическое разрешение вопроса с постом директора Комиссии внутренних дел и директора Комиссии финансов, о котором указывалось ранее, эта ситуация еще некоторое время давала о себе знать, с одной стороны, попытками Ф. Ф. Берга все-таки добиться своего, а с

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 13 / 25 мая 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 48.

² Там же. Л. 48–49.

другой, теми процессами, которые она запустила. Как уже отмечалось, она обнажила ряд противоречий в высших кругах Царства Польского. Так, В. А. Черкасский приводил свое видение позиции В. А. Арцимовича¹ по поводу расстановки политических сил в российской администрации: «...Арцимович, говоря я, смотря на все это со своей точки зрения, радуется, ему кажется, что это признак разложения в первоначальной системе и, увлекаемый воображением и желаниями, он думает даже, что Ф. Ф. Берг это сделает с разрешения Государя, дабы меня почетным образом сместить, и что все это действительно скоро состоится. Ему мерещится первый фазис польского дела; он – начальником Гражданского управления, имеющим преобладающее влияние и на крестьянское дело и на Комиссию внутренних дел...»². Показательное высказывание, свидетельствующее о том, что даже у близких к «реформаторам» чиновников были мысли о том, как изменить существующее положение дел исключительно в своих интересах.

Ситуация усугублялась «слабым», по мнению В. А. Черкасского, составом чиновников, которые были в его распоряжении: «...Заболоцкий ступежался, Р. И. Брауншвейг – туп и глуп до невозможности, он, что не отворит рот, скажет глупость, упрям донельзя, гнет постоянно на польскую руку; над ним все издеваются в Варшаве. Ф. Ф. Витте плохой исполнитель указов, не по недостатку, быть может, усердия, но по крайней неспособности. Предупреждаю вас, что в его дряблых руках и при его цыплячьем мозге, дело пропадет, а у нас на беду нет никого, кто мог бы завладеть делом...»³. Князь таким образом описывал не своих прямых оппонентов или конкурентов, а, по сути, своих ближайших сподвижников. Поэтому даже если допустить определенную предвзятость оценок, состав чиновников не вполне соответствовал поставленным задачам.

¹ В. А. Черкасский рассказал о своем разговоре с Бергом «под честным словом величайшей тайны» Арцимовичу и Соловьеву, у Арцимовича это вызвало определенную реакцию, о которой писал В. А. Черкасский в своем письме.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 30 сентября / 12 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 180.

³ Там же. Л. 182.

Подтверждением тому, что Ф. Ф. Берг не оставлял попыток убедить В. А. Черкасского отказаться от поста директора Комиссии внутренних дел может служить утверждение, что граф «...предавался без меры всем тем проделкам и ласкательствам, которые, как вам известно, он так хорошо умеет употреблять, когда желает убедить человека в своем искреннем расположении...»¹.

Свои интересы в развитии интриги были и у Ф. Ф. Трепова. Он, по утверждению князя В. А. Черкасского, «...предвидя наступающие перемены в полицейском управлении, пользуется последними минутами, чтобы работать изо всех сил для удаления меня почетным образом из Комиссии внутренних дел и передачи ее Брауншвейгу, который стал часто ходить по утрам к наместнику, <...> вероятно, он подбивает наместника покончить дело скорее. <...> Анненков полагает, что Трепов готовит наместнику доклад государю, где предложится похерить начальников главных военных отделов, а военных уездных начальников подчинить губернаторам, подчинив последних Генерал-полицмейстеру. Не отвечаю за верность догадки, но что-нибудь да готовится...»². Сложившаяся ситуация доводила В. А. Черкасского до настоящего отчаяния, подтверждением чему служат его слова: «...я часто проклиная тот день, который меня завел сюда, в это гнездо ежедневных интриг...»³.

Необходимо упомянуть, что раздор и своего рода неопределенность в высших кругах российской администрации в Царстве Польском не удавалось скрыть и от общественности. Так, например, «Dziennik Poznański» представлял весьма обширную характеристику на представителей власти в Царстве, замечая: «...ошибался бы тот, кто считал, что граф Берг является единственным и реальным царским наместником в Конгрессном Царстве. Наместника у нас три: Берг, Трепов и Милютин. Разница между этими владельцами нашей жизни и богатства огромна...»⁴.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 6 / 18 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 186.

² Там же. Л. 188–189.

³ Там же. Л. 190.

⁴ Dziennik Poznański. 1864. № 165. 21 lipca.

Ф. Ф. Берг, по мнению издания, был человеком, сохранившим определенную долю честности, которой мог бы обладать царский чиновник. И даже после жесткого подавления восстания, ослабления богатства Царства контрибуциями в нем виделась надежда и желание ослабить ту систему гнета, которая установилась на этих территориях¹. Однако этого невозможно было сделать, поскольку рядом с ним был второй наместник – Ф. Ф. Трепов. В глазах автора статьи представленной на страницах указанной газеты, генерал-полицмейстер выглядел, как настоящий тип русского и охарактеризован был «grattez le Russe, le Tartare paraitra»², он противопоставлялся людским побуждениям Ф. Ф. Берга и мстил полякам. Однако это не было проявлением какого-то социального или политического принципа, а «...животный инстинкт сохранения существующего положения дел...»³ – это был страх того, что если Царство вернулось бы к мирному состоянию, то Ф. Ф. Трепов оказался бы попросту не нужен.

Третьим наместником был Н. А. Милютин, который, как и Ф. Ф. Трепов, был сторонником сохранения «системы возмездия», но по другим причинам: «... ему система мщения нужна для того, чтобы никто не мешал экспериментировать на нашем крае <...> а идеи их столь велики, что петербургские министры испугались, <...> чтобы они [партия Милютина – Авт.] не распространяли этих идей в России, поэтому за свой счет и с хорошим жалованьем отправили в Царство, чтобы только выслать их из империи, дабы они не распространяли вредное для деспотизма влияние...»⁴. Трудно сказать, насколько верными были подобные утверждения в газетных изданиях, особенно, если учитывать, что тот же Н. А. Милютин был призван императором для разрешения польского вопроса, будучи до того отстраненным от рычагов влияния на русскую политику. Однако стоит понимать, что данные слухи не взялись на пустом месте, и, если представлялись такие

¹ Dziennik Poznański. 1864. № 165. 21 lipca.

² (фр.) Вошло в русский язык как «поскреби русского – найдешь татарина», значило это примерно следующее – «Под тонкой оболочкой напускной культуры в русских по-прежнему скрываются дикари-людоеды».

³ Dziennik Poznański. 1864. № 165. 21 lipca.

⁴ Ibid.

характеристики представителей администрации, значит они действительно резко контрастировали между собой как минимум в принимаемых решениях и воздействии на положение дел в Царстве Польском.

Главное же заключалось в том, что эта обстановка отрицательно сказывалась на подготовке и реализации реформ, создавая трудности там, где они не должны были возникать. Осуществление конкретных проектов приводило не только к борьбе «реформаторов» с системой, сложившейся в Царстве Польском, но и выливалось в противостояние друг с другом тех, у кого изначально должны были быть общие интересы. Происходило это из-за того, что подобная практика решения насущных вопросов определенным образом позволяла сдерживать политических оппонентов. Отсюда возникало и впечатление об их деятельности, когда Ф. Ф. Трепов занимался арестами и ссылками, Ф. Ф. Берг предлагал хорошие идеи и важные проекты, но чужие, и которые в рамках системы военно-полицейского управления не могли быть реализованы, а Н. А. Милютин организуя и претворяя, по сути, правильные реформы, не знал, как их правильно реализовать, поскольку не знал Царства Польского¹.

Подтверждением противостояния Ф. Ф. Трепова с В. А. Черкасским может служить случай, описанный князем и касавшийся редактора «Варшавского дневника»². Князь предлагал прислать в Царство Польское П. К. Щебальского³, а наместник, под влиянием Ф. Ф. Трепова, всячески пытался этому противостоять или, по крайней мере, отложить назначение: «...Трепов подбивает графа не вызывать Щебальского, боясь, что издание русской газеты под его редакцией слишком усилит влияние вашего управления...»⁴. Относительно «Варшавского дневника» стоит упомянуть, что это эта газета являлась рупором российской администрации в Царстве Польском, отсюда и важность персоны редактора

¹ Dziennik Poznański. 1864. № 166. 22 lipca.

² «Варшавский дневник» – официальная газета Польского края с 1824 г. С 1 октября 1864 г. начала выходить на двух языках.

³ Щебальский Петр Карлович – русский историк и публицист.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 10 / 22 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 193.

издания. «Варшавский дневник» выходил с осени 1864 г. на польском и русском языке. Если говорить о задачах газеты то официальной его программой являлось «иметь задачей уяснение публике польского вопроса и поддержание внимания к нему русского общества»¹. Что касается реального положения вещей, то на этот счет существовали разные мнения. С одной стороны, «...Варшавский дневник, кроме особенной задачи своей обличать лживые вести иностранных газетчиков и возмутительные бредни польской революционной прессы, давал тенденциозные статьи и корреспонденции, воспроизводимые не только русскими, но и иностранными журналами...»². С другой стороны, «...Варшавский дневник подобно любому правительственному изданию оглашает в официальной части распоряжения и постановления, однако неофициальная часть является выражением мнения людей, стоящих у власти...»³.

Поведение Ф. Ф. Трепова В. А. Черкасский зачастую описывал весьма эмоционально, указывая, что многие интриги идут от генерал-полицмейстера: «...Трепов действует, как подлец. Витте он гонит за то, что тот не вполне ему покорен, и, насколько ему позволяет его птичий мозг, отстаивает направление указов, <...> теперь Трепов, по внушениям поляков, хлопочет восстановить графа, чтобы Политехническую Школу завести не в Лодзи, а в Пулавах или Кельцах. Назначение Орлова директором русской гимназии обеспечено, но оно получено вопреки Трепову (уверявшего графа, что Орлов – пьяница), лишь совокупными усилиями Витте, Фундукеля и моими...»⁴.

В ответе на письмо В. А. Черкасского Н. А. Милютин соглашался с князем, что интрига действительно была происками недоброжелателей и была направлена лично на В. А. Черкасского, а, следовательно, и на «лагерь реформаторов». По мнению чиновника, конечной целью было «погубить» крестьянское дело, а потом и

¹ ЭСБЕ. Т. 5а. С. 591. СПб, 1892. Czas. 1864. № 163. 15 października.

² Политический обзор Царства Польского 25 июня (6 июля) – 2 (14) июля 1864 г. // ГАРФ. Ф. 978. Оп. 1. Д. 31. Л. 19.

³ Czas. 1864. № 113. 17 sierpnia.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 10 / 22 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 194.

все остальные реформы: «...это даст интриганам такой вес, что все порядочные люди понемногу разбегутся...»¹. Со своей стороны, Н. А. Милютин обещал сообщить императору об этой ситуации: «...я буду просить избегать его в объяснениях с Ф. Ф. Бергом, дабы не раздражить его против Вас, и тем не затруднить еще более хода дела, которое и без того хромает от всех этих розней...»².

Примечательна была и реакция Н. А. Милютина на поведение В. А. Арцимовича: «...какова же среда, в которой он вращается, или он утратил до такой степени всякое сознание о своем, более чем шатком положении...»³. Н. А. Милютин, действительно, удивлялся настолько нелогичным желаниям чиновника: «...вообще, судя по здешним полякам и полонофилам, у Вас должны страшно разыгрываться их безумные мечтания...»⁴.

Показательной была ситуация, связанная с выездом А. С. Оголина⁵ из Варшавы. По этому поводу В. А. Черкасский в письме к Н. А. Милютину высказывал целый ряд предположений относительно того, что повлияло на решение А. С. Оголина. Князь заострял внимание на том, что указанная ситуация непосредственно была связана с рабочей обстановкой, в которой находились чиновники Царства Польского.

В. А. Черкасский пытался уговаривать А. С. Оголина остаться в Варшаве, поскольку видел его в качестве будущего члена Комиссии о судеустройстве. Кроме того, отъезд А. С. Оголина создавал для князя неприятный прецедент, один из признаков «дебандады»⁶, которая, по мнению В. А. Черкасского, могла начаться в любой момент и принять большие размеры, и которой следовало бояться. Причиной вероятного бегства В. А. Черкасский считал: «...очевидное

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 10 / 22 октября 1864 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 30. Ед. хр. 2. Л. 199.

² Там же. Л. 200.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Оголин Александр Степанович (1821–1911 гг.) – российский государственный деятель, до 1863 г. – Витебский губернатор, в 1863 г. был командирован в Варшаву для занятий при Учредительном комитете. В 1865 г. был назначен Кутаисским гражданским губернатором.

⁶ Паническое бегство (от фр. *debandade*).

равнодушие, если лучше сказать враждебности здешних местных властей к прибывшим из России деятелям...»¹.

Еще одной неприятностью для князя было то, что в лице А. С. Оголина реформаторы теряли «единственного дельного члена Ликвидационной комиссии»². Кроме того, «лагерь реформаторов» лишился возможности «посадить» А. С. Оголина в Комиссию о судопроизводстве, где он вместе с Ю. Ф. Самариным³ мог бы составить противовес В. А. Арцимовичу.

Что касается В. А. Арцимовича, то В. А. Черкасский писал, что «...Оголин, при всей своей мягкости, убедился вполне в неблагонадежности Арцимовича, в желании его тянуть на польскую руку и горько его осуждает за это, хотя он ему товарищ и приятель...»⁴. По свидетельствам В. А. Черкасского, В. А. Арцимович ни разу не предложил А. С. Оголину вступить в Комиссию о судопроизводстве «очевидно предвидя в нем оппонента»⁵, что, как считал, В. А. Черкасский задевало А. С. Оголина.

Еще одним фактором, повлиявшим на решение А. С. Оголина, В. А. Черкасский называл «...непроходимую бестолковость и тупоумие Брауншвейга, который стал общим посмешищем, Оголин говорит, что служить с ним есть наказание...»⁶. По этому поводу князь описывал случай, который произошел при открытии Ликвидационной комиссии в январе 1865 г., когда А. С. Оголин просил о том, чтобы, согласно принятому обычаю, был призван священник отслужить молебен. Р. И. Брауншвейг воспротивился, объявив, что если служить молебен, то он должен быть католический, так как Польша – католический край и добавил к этому, что он не может допустить подобной просьбы, поскольку

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 10 / 22 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 11.

² Там же. Л. 12.

³ Юрий Федорович Самарин (1819-1876) русском философ, историк, публицист и общественный деятель.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 10 / 22 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 12.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

один слух о подобном происшествии мог бы повредить курсу ликвидационных листов¹. Описывая шестимесячную деятельность Р. И. Брауншвейга в Учредительном комитете, князь писал, что она «оставила, к сожалению, в моем уме мало сомнений насчет совершенной и полной его неспособности...»².

Вообще, трудно оценивать значение личности А. С. Оголина в борьбе вокруг реформ, развернувшейся в Царстве Польском. Он фигурировал в письмах В. А. Черкасского к Н. А. Милютину лишь в контексте своего отъезда. Вероятно, он имел большое значение для В. А. Черкасского лично, с точки зрения будущих назначений на какие-либо должности и процесса реализации реформ. А. С. Оголин был одной из «деталей» государственного бюрократического аппарата в Царстве Польском и чем-то значительным, по информации в письмах князя В. А. Черкасского, не отметился.

Дополняя общую картину положения дел, В. А. Черкасский сообщал, что положение в Учредительном комитете являлось весьма трудным для него и Я. А. Соловьева, так как всё чаще приходилось противостоять большинству, составленному из Ф. Ф. Берга, Ф. Ф. Трепова, Р. И. Брауншвейга и В. И. Заболоцкого. С этим было связано желание В. А. Черкасского дополнить Учредительный комитет еще одним чиновником, который был бы на стороне «реформаторов», таким человеком князь видел Константина Ивановича Домонтовича. При этом В. А. Черкасский хотел бы назначить его на должность вице-президента Комиссии о судеустройстве и подготовить в его лице преемника В. А. Арцимовичу, «...которому здесь несдобровать. Он или нам, т. е. русским интересам наделает бед и сам худо кончит, и втянется по уши в польские интересы. Он живет и киснет в польской среде, где его ужасно обработали...»³.

Весьма интересная характеристика В. А. Черкасского на человека, который оказывал непосредственную помощь в начале реформаторской деятельности

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 10 / 22 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 13.

² Там же.

³ Там же. Л. 15.

русским чиновникам во время поездки по Царству Польскому. Даже если учитывать определенную степень субъективности в оценке В. А. Арцимовича, то все же не следует сбрасывать со счетов степень влияния польской элиты на российских чиновников. В. А. Черкасский добавлял: «...к тому же он [Арцимович – Авт.] стал еще более скрытен и едва ли даже даст себе ясный отчет в степени своего совращения...»¹.

Показательными для оценки состояния дел в высших кругах Царства Польского являются два письма В. А. Черкасского в феврале 1865 г. Они без прикрас показывают, какова была ситуация, и даже если учесть, что В. А. Черкасский, будучи пессимистично настроенным, иногда мог добавить темных красок в описание того или иного события, это слабо влияло на картину в целом, представленную им своему товарищу и единомышленнику.

В. А. Черкасский сообщал, что он находился «...уже несколько дней в самом тяжелом и напряженном состоянии, в котором не был уже давно. При всей привычке брать на себя и обуздывать невольный ропот души, невольно чувствуешь, что терпение на исходе...»². Князь говорил, что не мог более оставаться спокойным и безмятежным зрителем здешних неурядиц и безобразия. По его мнению, это происходило в тот момент, когда необходимо было полное единство и постоянство курса. В. А. Черкасский полагал, что при невозможности направить дело лучше, полезнее было бы отправиться в отставку или отойти от дел³.

Необходимо подчеркнуть фразу В. А. Черкасского: «...два, три второстепенных деятеля, как я, здесь ничего не сделают...»⁴, в которой он характеризовал ситуацию, в какой оказался. Князь упоминал ранее, что в Учредительном комитете он часто оказывался против большинства, которое состояло из наместника, Ф. Ф. Трепова и других оппонентов, что противоречия и

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 10 / 22 января 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 15.

² Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 9 / 21 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 39.

³ См.: там же. Л. 39

⁴ Там же. Л. 40.

столкновения становились все более острыми. Очевидно, утратив контроль над своими эмоциями при написании этого письма, князь раскрывал суть дела, и выдавал всю правду как она есть. Обычно В. А. Черкасский не был склонен жаловаться Н. А. Милютину в своих письмах, и никогда не просил его перевести или повысить жалованье в связи с трудными условиями, он писал ему как к другу, с которым сложились уважительные отношения. Поэтому можно полагать, что письмо, в котором он повествует о трудном своем положении в Царстве Польском, а также и остальные его письма, по крайней мере, близки к отражению реального положения дел.

Князь сообщал: «...это чувство бесполезного здесь томления и полнейшего одиночества становится в Варшаве довольно общим, по крайней мере, между заезжими из России. Я долго и упорно против него говорил, продолжаю и теперь опровергать его в других, когда они при мне выражают эти чувства, но признаюсь откровенно, убеждаюсь, что это ощущение не лишено основания...»¹. По мнению В. А. Черкаского, было бы возможно бороться с польским элементом, но приходилось вести и другую борьбу, междоусобную, с наиболее влиятельными и сильными из «своих»: «...каждый успех (приходилось) вырывать силой или хитростью и тратить все свои силы на бесполезные и вредные прения...»².

Все эти рассуждения подвели В. А. Черкаского к важному вопросу: неужели Россия настолько слаба, «что не может выставить довольно деятелей, чтобы составить здесь одну сплошную и однородную администрацию, или, если центральное управление до того слабо, что не может заставить своих агентов действовать однообразно и постоянно по одному наперед обдуманному и решенному плану, то к чему же могут повести единичные усилия двух, трех человек, если не к их собственному посрамлению, без малейшей пользы для дела...»³.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 9 / 21 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 40.

² Там же.

³ Там же.

Если письма В. А. Черкасского мая 1864 г., где он сообщал о положении дел в Царстве Польском, можно было бы рассматривать как реакцию нового человека на происходящее вокруг, то, по прошествии времени, его суждения и выводы становятся всё более осмысленными и серьезными, а главное – пессимистичными. Приведенные им факты, связанные с интригами и противоречиями, дают представление о системе функционирования власти в Царстве Польском. Правда, после определенного эмоционального срыва, буквально в следующем письме В. А. Черкасский извинялся перед Н. А. Милютиным за то, что дал волю эмоциям, но при этом он всё равно отмечал, что причины, которые к этому привели, никуда не делись¹. Подтверждается сложность положения во власти очередным упоминанием об этом в «Dziennik Poznański»: «...администрация российская поделена на две противоположных группировки; а именно – немецкая партия, во главе которой стоит генерал Берг и генерал Корф, либерально-русская партия под предводительством Милютина, Черкасского, и, вероятно, Трепова. Это два вражеских лагеря, которые дышат глубоким друг к другу отвращением и преследуют друг друга...»².

Более того, сообщает то же издание о более серьезном противостоянии: «... партия российских либералов – Милютина, Черкасского и других в настоящий момент противостоит двум российским партиям, которые ассоциируются как соперники друг для друга, немецкая партия и партия старороссийская или же аристократическая; именно последняя всеми силами старается ослабить влияние либералов. Отсутствию взаимопонимания между князем Черкасским и наместником Бергом поспособствовал факт, что значительное количество землевладельцев-немцев недовольны распоряжениями Учредительного комитета...»³.

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 42.

² Dziennik Poznański. 1865. № 50. 2 marca.

³ Ibid. № 73. 30 marca.

Тогда же, в марте 1865 г., ходили слухи, о составленном Н. А. Милютиным «плане» реорганизации Царства Польского. Об этом сообщал «Czas» со ссылкой на информацию «Const. Oester. Ztg» от их корреспондента из Варшавы. Реализаторами этого плана обозначались представители так называемого российской либеральной партии В. А. Черкасский, Н. А. Милютин и Ф. Ф. Трепов. По мнению газеты, замысел чиновников состоял в ослаблении влиятельной «немецкой» партии, чтобы обладать полной свободой в реализации своих проектов, чему препятствовала необходимость считаться с военными властями¹. Деталей плана, впрочем, раскрыто не было, кроме того, что он назывался планом реорганизации или включения Царства Польского в состав Российской империи. Сообщалось, однако, что этот замысел Н. А. Милютина не был тепло встречен в Петербурге ввиду того, что представители петербургского «кабинета» всецело доверяют графу Бергу и «немецкой» партии. В качестве вывода, корреспондент заявлял, что в В. А. Черкасский и Н. А. Милютин не могли смириться с таким положением дел, и, по мнению корреспондента, намеревались продолжать борьбу с «немецкой» партией с той же энергией. Спустя неделю в «Dziennik Warszawski» вышла статья с опровержением данной информации, относительно плана инкорпорации Царства в состав империи, которая по мнению часа не была категоричной и не вызывала уверенность, насчет противодействия чиновников комментариев не последовало².

Продолжая тему потенциальных преобразований в Царстве Польском и антагонизма среди членов русской администрации, тот же «Czas», со ссылкой на варшавского корреспондента для «Breslauer Zeitung», упоминал об отъезде Ф. Ф. Трепова и Я. А. Соловьева в Петербург. Чиновники выступали как представители двух разных политических центров русской администрации – «берговского» и «милютиновского», принципов которых, тем не менее, по

¹ Czas. 1865. № 64. 18 marca.

² Ibid. № 69. 24 marca. Dziennik Warszawski. 1865. № 67. 11 (23) marca.

мнению корреспондента, четко сформулировать нельзя¹. Суть поездки, согласно информации газеты, заключалась в попытках определить дальнейшую судьбу реформ и военно-полицейского управления. Ф. Ф. Трепов был сторонником сохранения данного режима, Я. А. Соловьев должен был защищать противоположную точку зрения, согласно которой военно-полицейское управление ликвидировалось, а на смену ему пришел бы план реформ, разработанный Н. А. Милютиним. Обе альтернативы издание считало для поляков бесполезными и разочаровывающими, не ведущими к разрешению польских проблем². Результатом этой поездки стало продление полномочий генерал-полицимейстера Ф. Ф. Трепова на три года, а вопрос существования режима военно-полицейского управления так и не был разрешен³.

Очередное примечательное для нашего исследования столкновение чиновников касалось удаления В. А. Черкасским от должности президента г. Лодзь. Сделано это было с утверждения наместника и на основании формального отношения Ф. Ф. Трепова о совершенной неблагонадежности и принадлежности к революционной партии указанного президента. При этом стоит отметить, что это отношение было написано по личной инициативе Ф. Ф. Трепова без запроса В. А. Черкасского. Спустя три недели князю пришло сообщение о том же президенте. Генерал-полицимейстер уведомлял, что наместник «велел считать его вышедшим в отставку по прошению»⁴. В. А. Черкасский сообщал, что поднял по этому поводу бунт, поясняя, что «...это было желание на меня свалить одного, и себе приписать роль благодетельной феи...»⁵. И продолжал: «...когда я объяснил графу, что в таком случае лучше Рожнова назначить главным директором, а мне уйти, граф обещал дать мне знать через статс-секретаря, что

¹ Czas. 1865. № 71. 28 marca.

² Ibid.

³ Ibid. № 80. 7 kwietnia.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 43.

⁵ Там же.

останется в силе первое его решение...»¹. Таким образом, фактически только при помощи ультиматума князю удалось отстоять свою позицию. Это еще раз демонстрирует, насколько трудно было «реформаторам» добиваться положительного для себя результата.

В контексте отношений в кругах власти в Варшаве В. А. Черкасский также упоминал о противоречиях в Учредительном комитете, которые случились в середине февраля 1865 г. по коренным вопросам – об обмене земель, сервитутах, обжалований решений комиссий. Впрочем, подробно сути вопроса в письме он не раскрыл, отметив только, что они с Я. А. Соловьевым остались в меньшинстве по этим вопросам, и что «...при таком роде управления я не предвижу в будущем доброго исхода для крестьянского дела...»².

Немалый интерес представляет и информация, связанная со слухом, который был запущен через «Бреславскую газету». Сообщалось, что Царство Польское будет расформировано. В. А. Черкасский не скрывал своего удовольствия по поводу этой дезинформации: «...лучший и искуснейший друг наш не оказал бы лучшей службы, чем человек, выпустивший этот слух...»³. Продолжая, князь в очередной раз продемонстрировал, каким образом он предпочел бы решить проблемы в Польше: «...нам следует воспользоваться опытом, какой мы извлекаем из этой утки, следует убедиться, что в настоящее время в Царстве Польском нет живых сил, которые можно было бы нам противопоставить, и что все местные его политические учреждения заключают в себе лишь долю живучести и состоятельности, которую им придаем мы сами нашей в них полуверой, когда мы сами перестанем верить в них и решимся разбить, довольно будет для этого поковырять в них тросточкой, и все распадется само собой, и мечтания, и самообольщения поляков убавятся на добрую половину. <...> Не забудьте также, что в Царстве Польском всякий наместник

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 43.

² Там же. Л. 44.

³ Там же.

(кто бы он ни был) есть по самому существу своему отъявленный сепаратист, служитель местных интересов в ущерб общим интересам империи, словом, покровитель всего того, что ему самому создает отдельное и самостоятельное положение, выходящее из ряда обыкновенных служебных отношений...»¹.

Эта характеристика наместника выглядит наиболее приближенной к истине. Тем не менее, В. А. Черкасский всё же осознавал, что ситуацию нельзя изменить в одночасье, и что было необходимо готовить материалы для будущих «более нормальных» отношений Польши и империи.

Еще одним любопытным эпизодом, характеризующим организацию дел в Царстве Польском и касающуюся деятельности Государственного совета, была ситуация с жалобами на должностных лиц. Упоминалась ст. 24 Указа от 21 мая 1861 г. о Государственном совете², которая позволяла ему рассматривать жалобы на злоупотребления служащих лиц. Из нее следовало, что эти жалобы могли быть поданы лишь на лица, которые были подчинены Правительственным комиссиям, так как требовалось предварительное решение последних по указанным жалобам. Однако В. А. Черкасский писал, что на практике «...при слабоумии и популярничании покойного кн. Горчакова, при непрестанных переменах наместников после него, при систематических действиях Эноха и, наконец, самого Арцимовича, <...> завелось и утвердилось, что Государственный совет принимает формальные жалобы не только на Правительственные комиссии, но и на Совет управления и лично на самого наместника, иногда это ясно высказывается в докладе, иногда напротив, маскируется искусно – на кого именно подана жалоба...»³.

В. А. Черкасский обращал внимание наместника на эту ситуацию, и граф обещал, что после закрытия Государственного совета он подвергнет этот вопрос рассмотрению Совета управления для доклада императору. Впрочем, В. А. Черкасский сразу сделал оговорку: «...но вы знаете, как можно рассчитывать

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 44.

² ДПКР. Т. 58. S. 252.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 47.

на его обещания...»¹. Беспокойство князя вызывало то, что при изменении состава Государственного совета этот орган мог стать в оппозицию «реформаторам», и при таком положении дел мог бы наделать трудностей русским чиновникам².

На этом фоне князь призывал определить порядок жалоб в Совете управления. Причиной являлось то, что фактически решения всех Комиссий могли быть обжалованы и в Государственном Совете, и в Совете управления, и в Учредительном комитете без всякого временного ограничения. По этому поводу В. А. Черкасский отмечал, что из этого следовала бесконечная переписка и бесплодная работа чиновников и «...всё оставалось почти всегда по-прежнему...»³.

Что касается Учредительного комитета, то князь снова упоминал, что этот орган функционировал не так, как следовало: «...когда составлялось и обслуживалось в январе 1864 года крестьянское польское положение, все думали, <...> что Учредительный комитет будет составлен исключительно из людей разумных и если не одномысленных, то, по крайней мере, не прямо с противоположными направлениями <...> и я, отправляясь в Варшаву, не думал, что еду сюда для того, чтобы вечно сидеть в меньшинстве, если бы я это мог думать, я бы не поехал...»⁴. И продолжал: «...дело сделалось иначе. Явились Заболоцкий и Брауншвейг, которые в соединении с Треповым отдали Учредительный комитет исключительно в руки наместника, <...> когда составлялось положение Учредительному комитету, <...> поручено было самому децентрализовать свои дела, организовать себя и, отклонив от себя мелочи, оставить себе лишь верховное управление дел. <...> Теперь, как вы, вероятно, могли видеть из писем Соловьева, нет надежды исторгнуть из Учредительного комитета правильное устройство

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15/27 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 47.

² См.: там же. Л. 48.

³ Там же. Л. 49.

⁴ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 16/28 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 53–54.

положения Соловьева: децентрализации власти в пользу крестьянских комиссий и замены комиссии просьб и жалоб, комиссией под председательством Соловьева...»¹.

Так сложилась ситуация в высших кругах Царства Польского уже к началу весны 1865 г., когда функционирование органов не только не облегчало, но и усложняло процесс реформ, а постоянные интриги и закулисная борьба практически парализовывали или сводили на нет все усилия российских чиновников «лагеря реформаторов». Однако, несмотря на все трудности, В. А. Черкасский был вынужден продолжать службу в Царстве Польском. Для этого «реформаторам» приходилось стараться, чтобы изыскать способы реализации своих задач и интересов.

Весной 1865 г. писем между двумя чиновниками стало меньше, касались они в основном организационных моментов деятельности комиссий и комитетов. Невысока была активность переписки между В. А. Черкасским и Н. А. Милютиным и летом 1865 г. Причиной был среди прочего визит чиновника в Варшаву, который вызвал очередную порцию слухов о будущем должности наместника: «... циркулируют слухи, что Милютин станет во главе власти в Варшаве, а подкрепляют данные слухи тем, что он прибыл в Варшаву в компании тайного советника Варранда и известного панслависта Гильфердинга, наутро после приезда распорядился представить ему всех чиновников Царства <...> Местный корреспондент для *Breslauer Zeitung* упоминает, будто бы в последнее время Берг поссорился с Треповым, что это несомненно будет одним из поводов для удаления нынешнего наместника от управления ...»². Однако все так и осталось на уровне слухов – отставка Ф. Ф. Берга и новая вспышка борьбы с Н. А. Милютиным³.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 16/28 февраля 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 54.

² *Dziennik Poznański*. 1865. № 119. 25 maja.

³ *Ibid.* № 129. 8 czerwca. Об отставке Ф. Ф. Берга, см. также: *Czas*. 1865. № 144. 27 czerwca.

Тогда же циркулировал и слух о том, что Ф. Ф. Берг будет заменен не Н. А. Милютиным, а вел. кн. Константином, по крайней мере подобные упоминания встречаются в *Czas*. 1865. № 133. 13 czerwca.

Среди круга задач, которыми должен был заниматься в Варшаве Н. А. Милютин называлось урегулирование финансовых связей Царства и империи, деление Царства Польского на 8 губерний по 10 областей, переформатирование Реорганизационного комитета, создание нового административного аппарата, который должен был начать функционировать после ликвидации военно-полицейского управления¹.

Наиболее интересные для нашего исследования факты обнаруживаются в осенней переписке двух чиновников. Н. А. Милютин в одном из сентябрьских писем 1865 г. старался всячески приободрить В. А. Черкасского, поскольку князь часто упоминал о трудностях, с которыми он сталкивался во время службы в Царстве Польском: «...сознаю же и вполне чувствую, как трудно переносить те мелкие дразги, на которые так щедры пустоголовые люди вроде Ф. Ф. Берга и Ф. Ф. Трепова. Но пока сила не на их стороне, <...> в чем же и проявляется бессильная злоба, как не в мелких интригах...»². Также Н. А. Милютин писал, что с началом «зимнего сезона», количество интриг должно было увеличиться, но полагал, что это не должно было повредить общему делу.

Ответ Н. А. Милютину вновь подтверждал тезис о трудном положении «реформаторов»: «...у нас дела ведутся по-прежнему, не принося с собой ничего кроме ежедневных столкновений и дразг...»³. Упоминалась и очередная интрига, которая была связана с расследованием, начатым в отношении подведомственной В. А. Черкасскому структуры (Страховому управлению), о которой печатались сомнительные объявления в «Варшавском дневнике». Это расследование было начато без уведомления князя, в связи с чем В. А. Черкасский отправился к наместнику с жалобой и доказательствами, что подобные действия неправомерны и что дела не должны были вестись таким образом.

¹ Czas. 1865. № 171. 29 lipca.

² Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 15 / 27 сентября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 234.

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 21 сентября / 3 октября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 237.

«...Я не мог не сказать графу, что все это есть, очевидно, систематическое против меня действие самого Трепова, но только чужой рукой...»¹. На все доводы В. А. Черкасского граф не обращал должного внимания, а напротив, всё ставил в заслугу Ф. Ф. Трепову. В итоге всё свелось к тому, что обвинен в данном недоразумении был некий аудитор. «...Разумеется, наместник защищал, уверял, что все это одно недоразумение, рассердился на Павлищева и Розвадовского, а они все свалили на какого-то бедного аудитора, а я должен был удовлетвориться напечатанием в дневнике поправки...»².

В. А. Черкасский упоминал также, что это не улучшало его отношений с наместником, и, несмотря на свою стойкость: «...руки опускаются, когда при всех прочих трудностях и заботах приходится еще каждый день браниться и уберегать себя от всяких подвохов. А между тем, трудно уберечь себя, когда подводят на каждом шагу сам наместник и Трепов. Первый, подписывая здесь мои представления и <...> возбуждая сам против меня кого может в Петербурге, а второй, делая <...> гадости какие только может...»³.

Таким образом, к осени 1865 г. ситуация, в которой оказался В. А. Черкасский действительно была близка к критической. Непосредственная атака на подведомственное князю Страховое управление, велась практически открыто и это можно отметить в качестве характерной черты политической борьбы в Царстве Польском во второй половине 1865 г. В. А. Черкасский превратился в мишень для политических атак и интриг оппонентов.

В связи с этим князь сообщал, что «будет спокоен и счастлив только, когда выберется из этой гадкой дыры»⁴. Причиной тому, как уже было упомянуто, были постоянные козни, которые практически никогда не прекращались и лишь усиливались тем сильнее, чем дольше В. А. Черкасский пребывал на службе в Царстве. Князь отмечал, что в таких условиях он, тем не менее, должен был

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 21 сентября / 3 октября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 238.

² Там же. Л. 239.

³ Там же.

⁴ Там же.

поддерживать других. Отвечая на нападки Н. А. Милютина на Ю. Ф. Самарина, который в 1865 г. покинул Варшаву, князь защищал последнего, поскольку тот приехал в Царство «против воли» и при условии оставаться так непродолжительное время. В итоге, Ю. Ф. Самарин пробыл в Польше полтора года, а это время стало, по мнению В. А. Черкасского, самым сложным периодом в польских реформах¹.

Князь не забывал и тех, кто не обладал серьезным политическим весом: «...нельзя не сказать, что если наша братия не без основания может пенять на общее положение здесь дел и на личные неприятности, то нашим второстепенным товарищам приходится еще много-много хуже. Конечно, граф Ф. Ф. Берг сделал и продолжает делать со своей стороны все что может, чтобы им насолить, а мы что же можем сделать для них? Очевидно – ничего. Только проповедовать терпение, это делается и будет делаться, но я уже давно предвижу и уже говорил и даже графу, что мы в одну прекрасную минуту очутимся без лучших наших людей. Графа это не пугает, ибо он именно этого и домогается, а мы не можем этому помешать, ибо здесь на месте трудно бороться против той совокупности средств, которыми обладает всякий наместник. Я лично удивляюсь лишь одному, что мы еще не всех растеряли, но не следует обманывать себя в том, что в этом отношении дело здесь становится с каждым днем все труднее...»².

Приведенные оценки как нельзя лучше демонстрируют взгляд В. А. Черкасского на кадровую проблему в Царстве Польском, а также трудность работы рядовых чиновников в государственном аппарате. Князь отмечал, что могла сложиться ситуация, при которой трудно было бы отыскать чиновника, готового выехать в Варшаву. По его мнению, такое положение дел абсолютно не добавляло привлекательности службе в Польше, даже, несмотря на возможное высокое жалованье, которым можно было бы заманить потенциального кандидата.

Финансовая ситуация в Царстве Польском также была далека от идеала, что в своем письме подтверждал Н. А. Милютин: «...я боюсь за финансовую часть, без нее

¹ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину. 21 сентября / 3 октября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 239.

² Там же. Л. 240.

нельзя ничего кончить, ибо она поглощает важнейшую часть местной административной деятельности, из того что уже известно, не подлежит ни малейшему сомнению, что в Польше <...> управление развило наиболее сложные и бесполезные мошеннические формальности, <...> всё это без содействия финансистов местных исправить трудно, всё это требует самой строгой критики, даже скептицизма...»¹. Фактически речь шла о коррупции в среде администрации Царства Польского, о масштабах которой было сложно судить. А там, где коррупция, там деньги, а где деньги, там чиновники, которые не прочь их получить. Одним из подтверждений того, что чиновники не прочь поехать в Варшаву может служить следующее упоминание: «Варшава имеет особо очарование для иностранцев. Мало таких, которые после длительного пребывания, не вкусили непринужденной приятельской варшавской жизни. Хотя более всего она притягивает российскую молодежь, присланную из глубины России, а главным образом из Петербурга, с назначением в чиновники Учредительного комитета и зависящих от него Комиссий, а также в различные органы управления Царства Польского <...> они вместе с молодыми офицерами больше всего оживляют кондитерские, бильярдные и иные подобные заведения, и видно по ним, что здесь значительно больше свободы и удовольствия, чем в холодном дорогом Петербурге...»².

Стремление очернить политических оппонентов, исходящее из окружения Ф. Ф. Берга, порой доходило до абсурда. Например, князь упоминал случай о рапорте П. А. Фредерикса³, связанного с беспорядками в театре. В. А. Черкасский сообщал: «...Трепов с Фредериксом на днях пытались подвести пятно на Анненкова по тому случаю, что в театре в опере он сидел возле жены английского консула Маннсфилда, которая несколько сумасбродно и эксцентрично начала ему с разными жестами рассказывать анекдоты, <...> что зрители обратили на нее

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 1 / 13 октября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 248.

² Dziennik Poznański. 1865. № 44. 23 lutego. Czas. 1865. № 48. 8 lutego.

³ Фредерикс Платон Александрович (1828–1888) – варшавский обер-полицмейстер (1863–1866), генерал-полицмейстер в Царстве Польском (12.06.1866 – 23.02.1867), начальник 3-го округа жандармов (с 1.09.1866 – 23.02.1867).

внимание, и некоторые ей захлопали. Бедный Анненков, тот ни телом, ни душой не виноват, а глупый Фредерикс поспешил написать графу форменный рапорт о бывшем будто беспорядке. Уже сами адъютанты рассказали графу как было дело, достойное лишь некоторого смеха в отношении их сумасбродной англичанки, и доказали ему, что Фредерикс – болван...»¹.

Интересы каждой из сторон и связанные с ними противоречия обнажились и развились в 1865 г., а своего предела это противостояние, по сути, достигло к марту 1866 г., в результате чего, как уже упоминалось, князь В. А. Черкасский принял решение подать в отставку. Давление на реформаторов и самого князя постоянно нагнеталось, спектр действия политических оппонентов В. А. Черкаского был весьма разнообразен, от атак на него лично, до воздействия на подвластные ему структуры и на «младших» чиновников. Всё это оказывало значительное влияние на князя, заставляя его отказаться от продолжения службы.

Весной 1866 г. произошли некоторые изменения в кадровом составе Царства Польского. Например, был переведен в Петербург Ф. Ф. Трепов² и это, несмотря на все усилия и сопротивление графа, который даже указывал, что Ф. Ф. Трепов «...совершенно не способен на самостоятельную полицейскую деятельность, что он очень хорош лишь под руководством...»³, до этого в январе 1866 г. от обязанностей (по собственному желанию) был освобожден В. А. Арцимович его на месте вице-председателя Государственного совета Царства Польского заменил И. И. Фундуклей⁴. По мнению Н. А. Милютина, начались некоторые подвижки в отношении слияния Царства Польского с

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 / 31 октября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 257.

² Czas. 1866. № 102. 5 maja. Начальником III Округа корпуса жандармов с исполнением обязанностей генерал-полицмейстера стал генерал-лейтенант Василий Иванович Заболоцкий. Однако в связи с прошением об отпуске, и. о. был назначен барон Фредерикс, в связи с этим вошедший в Государственный совет. На место начальника жандармов в Варшаве вместо барона Фредерикса был назначен генерал-майор Власов, начальник волынского гвардии полка. См.: Czas. 1866. № 148. 7 lipca.

³ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 19 апреля / 1 мая 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 372.

⁴ Czas. 1866. № 3. 5 stycznia.

империей: «...Государь давал добро и акцизы уже намеревались передать в ведомства министерства финансов, если это удастся, то и судебная часть последует в скором времени...»¹. Н. А. Милютин предлагал, сохранить в Петербурге специальное высшее управление по делам Царства Польского, для полного слияния. Статс-секретариат упразднить, а вместо него открыть V Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

В середине мая 1866 г. Н. А. Милютин был назначен² на место В. П. Платонова³, по этому поводу в Государственном Совете были некоторые прения насчет названия V Отделения, самого его назначения, однако император был весьма категоричен, и никто возражать не стал. В Польше тоже не обошлось без возражений. Граф Ф. Ф. Берг утверждал, что всеми силами необходимо удержать В. П. Платонова⁴, поскольку считалось, что назначение Н. А. Милютина временное. В. А. Черкасский же полагал, что новая должность Н. А. Милютина могла бы ободрить всех русских в Польше чиновников (разумеется, речь шла о «лагере реформаторов»)⁵. Исходя из сведений о действиях наместника, отмеченных в переписке Н. А. Милютина и В. А. Черкасского, можно утверждать, что его не удовлетворяли любые реорганизации, которые нарушали порядок, сложившийся под его управлением, а все изменения должны были проходить с его позволения и под его контролем. Назначение Н.А. Милютина не вызвало в Варшаве ничего кроме общего недовольства и опасений насчет дальнейшей судьбы Польши, ввиду возможно усиления русификации. Что касается перестановок в среде чиновников, от Н. А. Милютина ожидали, что он

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 10 / 22 мая 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 220.

² Czas. 1866. № 128. 9 czerwca.

³ Платонов Валериан Платонович – политик, государственный деятель, министр статс-секретарь Царства польского (24.09.1864 – 19.05.1866)

⁴ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 18 / 30 мая 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 235/388.

⁵ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 19 / 31 мая 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 248.

«несомненно, оставит всех своих политических и сторонников на административных постах»¹.

Тогда же, в мае 1866 г., был подписан и указ об отставке А. И. Кошелева, на его место был назначен В. М. Маркус², которого В. А. Черкасский характеризовал как обидчивого, но усердного и честного, неспособного к интригам человека. На место Ф. Ф. Трепова наместнику удалось поставить свою креатуру – П. А. Фредерикса, о котором упоминалось ранее, при этом Ф. Ф. Берг смог это сделать, несмотря на длительные отказы Александра II³.

С А. И. Кошелевым тоже был связан примечательный эпизод, характеризующий его отношения с Н. А. Милютиным и относящийся к 1865 г. В переписке В. А. Черкасского с Н. А. Милютиным упоминалась ситуация в связи с одним представлением князя в Польский комитет по поводу П. Ржевусского, подробности которого, впрочем, не сообщались. Однако вокруг него возникли значительные разногласия. Н. А. Милютин сообщал: «...Кошелев сделался невольным свидетелем вашего представления о Ржевусском, должно быть граф Ф. Ф. Берг писал что-то против собственного представления, так что мнения разделились – на вашей стороне только Чевкин и я, а против – все прочие. Они закрывают уши на все доводы, и говорят, что нельзя наказывать человека в ту самую минуту, когда он исполняет то, чего от него требовали. <...> Князь Горчаков понес такую ахиною, что больше всего навредил своим сообщникам. Редакцией журнала я займусь лично, подробности передает вам Кошелев, хотя от него беспристрастия и даже правдивости не ждите...»⁴.

¹ Dziennik Poznański. 1866. № 132. 14 czerwca.

² Маркус Владимир Михайлович – в 1866 г. управляющий отделом по финансам Царства Польского в министерстве финансов, член комиссии, учрежденной при министерстве финансов для пересмотра системы податей и сборов, а затем главный директор, председательствующий в правительственной комиссии финансов и казначейства Царства Польского.

³ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 11 / 23 июня 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 259.

⁴ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 15 / 27 сентября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 235.

Н. А. Милютин отдельно высказался о А. И. Кошелеве: «...его представление о горных заводах провалилось, а главное впечатление им произведенное оказалось для него не очень благоприятно, и, вероятно, он это чувствует. <...> Если он закусит удила, то поступит крайне нерасчетливо. Ни дружба Арцимовича, ни даже симпатии Вас, Андрея Долгорукова немного принесут ему пользы. Пишут это для Ваших соображений, личные мои отношения к А. И. сохранили прежний характер...»¹.

Фактически Н. А. Милютин давал князю пищу для размышлений об А. И. Кошелеве, который не так давно считался для В. А. Черкасского союзником. При этом сам Н. А. Милютин воздерживался от каких-либо выводов и оценок личности А. И. Кошелева, как это часто появлялось в отношении оппонентов по польскому делу. Вероятно, отношения между А. И. Кошелевым и Н. А. Милютиным были уважительными, но последний особого доверия к тогдашнему директору Комиссии финансов не испытывал. Это еще более обращает на себя внимание в контексте дружеских отношений А. И. Кошелева с князем, которые в «нерабочее время» дружили семьями, о чем имеются упоминания в дневнике княгини Е. А. Черкасской.

В одном из писем В. А. Черкасского Н. А. Милютину речь шла о появлявшихся в то время разговорах о близком упразднении наместничества: «...мне кажется, что вы заблуждаетесь несколько, считая наместничество близким к падению. Это не соответствовало бы теперь общему ходу дела. <...> Я охотно верю, что при великих усилиях нам удастся отчасти и, вероятно, в значительной мере ассимилировать формы здешнего управления русским. При этом, даже при переименовании наместника генерал-губернатором, едва ли может удастся прочным образом и особенно в личных вопросах его обуздать. <...> Ф. Ф. Берг мало и заботится об органических вопросах, ему была бы лишь дана власть и воля в выборе лиц, в устранении лиц от влияния, в раздаче наград, об остальном он

¹ Н. А. Милютин – Князю [В. А. Черкасскому] от 15 / 27 сентября 1865 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 31. Ед. хр. 1. Л. 236.

мало хлопочет, зная что с него и того слишком довольно...»¹. А также о наместнике, в принципе: «...для упрочения своего положения <...> он направил все свои усилия и интриги на назначение одного Фредерикса. И он опять забрал в свои руки всю действительную власть, ибо, что касается нас – Главных директоров, мы можем лишь болтать в Совете управления и в Учредительном комитете, а власти мы почти никакой не имеем. Назначение Фредерикса никого особенно здесь не возбудит из военных, ибо граф Ф. Ф. Берг всех военных без изъятия, или почти без изъятия подкупил <...> обещаниями наград к 30 августа, которые он без сомнения испросит у Государя при личном докладе в Варшаве. <...> Это придаст нашему старцу большую силу. Само собой разумеется, что престиж его не умалится...»².

Очевидно, что в действительности упразднение наместничества в сложившейся в Царстве Польском ситуации вряд ли могло произойти. Точнее, оно могло случиться только в том случае, если бы возникло что-то, что коренным образом меняло систему государственных отношений в Польше или, например, кончина действующего наместника. Система отношений во властных кругах Царства Польского, сформированная под управлением Ф. Ф. Берга была очень прочной. К тому же она подкреплялась доверием к наместнику со стороны императора.

Говоря о последствиях назначения П. А. Фредерикса, В. А. Черкасский утверждал, что для него мало что изменилось. Он, вероятно, понимал, что не было никаких предпосылок для улучшения ситуации, а сам он уже не может принести практически никакой пользы: «...знаю хорошо по примеру Анненкова, Анучина и множества других, что я могу только повредить, но помочь не в силах никому ни на грош. Это утверждение укоренилось в Варшаве твердо и повсеместно во всех кружках. К этому состоянию я, правда, уже почти привык и ежедневно более и более свыкаюсь с тем, я предвидел его уже после первого полугодия мною здесь проведенного. <...> Конечно, с тех пор отказ мой перед назначением Кошелева

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 июня 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 266–267.

² Там же. Л. 268.

променять Комиссию внутренних дел на Комиссию финансов, не взирая на усиленные просьбы наместника, и на готовности его принять все условия, и, наконец, полнейший разрыв наш по духовным делам не могли не довершить дела. <...> Если наместнику удастся меня оскорблять и унижать, то, по крайней мере, ему никогда не удастся этим побудить меня на какую бы то ни было уступку его капризам и своеволию в делах...»¹. Таким образом, В. А. Черкасский, несмотря на всю трудность положения, готов был до конца отстаивать свои убеждения, хотя давалось бы ему это крайне тяжело. Подобный настрой Черкасского сильно помог в проведении административной реформы и в решении вопроса о губернаторах, а также других более-менее значимых дел во второй половине 1866 г.

Решительным поступком князя была записка наместнику об изгнании из управления «...некоего Будишевского, бывшего factotum² Трепова и затем несколько раз посылавшегося вицероем в чужие края для ведения процесса с Гр. <...> надувшим вицероя. <...> Этот Будишевский – вор первой руки и к тому же дурак. Граф хотел за него заступиться; поэтому я скомпоновал и подал эту докладную записку, окончившую дело. Она же – курьезное доказательство порядка в треповском управлении, которое все шло подобным образом...»³. Ранее таких действий за В. А. Черкасским не наблюдалось, свидетельств о чистках в его управлении не было. Увольнения происходили исключительно по собственному желанию.

Положение князя В. А. Черкасского в Царстве Польском еще более ухудшилось в связи с визитом П. А. Фредерикса в Петербург. Именно, после этого, по собственному утверждению В. А. Черкасского, отношение к нему в Варшаве испортилось, по сути, окончательно. Как он свидетельствовал: «...в настоящую минуту и с самого дня приезда Фредерикса из Петербурга, положение мое круто и совершенно изменилось: все более важные личные вопросы приняли новый оборот, т. е. решаются вне всякого моего участия и обстоятельство – это даже весьма

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 июня 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 269–270.

² (лат.) правая рука

³ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 / 27 августа 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 356/434.

преднамеренно и резко выставляется на вид публики. Так, мимо меня через Фредерикса начаты здесь переговоры с Медемом и Мямкиным, о коих я узнал лишь случайно. Мимо меня были призваны к наместнику и даны личные некоторым губернаторам (Буцковскому, Жерве и Щербатову) приказания, по делам, в коих я всегда прежде участвовал, а по некоторым не могу не участвовать; в некоторых случаях даже прямо было выражено приказание никому в Варшаве не говорить...»¹.

Как заключал князь, это все делалось П. А. Фредериксом с целью «...своим явным, грубым обхождением вывести из терпения и заставить сделать какую-нибудь глупость...»². Наместник тогда взял практически абсолютную полноту власти в свои руки. Он предоставил себе право на утверждение всех чинов в Царстве Польском, что противоречило Уставу о службе, который предоставлял право Главным директорам и губернаторам утверждать некоторые должности. То есть значение В. А. Черкасского как чиновника в Царстве Польском для участников политического процесса в Варшаве практически свелось к нулю.

Стоит отметить, что даже в конце своей службы В. А. Черкасский не переставал думать о привлечении новых, дополнительных чиновников в Царство Польское. Так, например, он просил графа Ф. Ф. Берга принять русских чиновников из Галиции, подвергшихся там гонениям. Среди причин, по которым они могли бы быть полезны, князь называл их знание польского языка, края, условий местной жизни³. На фоне озабоченности по поводу предстоящих преобразований по административному делу и вероятному призыву новых чиновников в Царство местное чиновничество начинало охладевать к политике. Беспокойство за свое будущее заставляло их делать вид, что они соглашаются с действиями местной власти и правительства⁴.

¹ Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 26 сентября / 10 октября 1866 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 437.

² Там же. Л. 438.

³ В. А. Черкасский – Ф. Ф. Бергу от 25 октября / 6 ноября 1866 года // ГАРФ. Ф. 547. Оп. 1. Д. 738. Л. 23.

⁴ От начальника III Округа корпуса жандармов – Наместнику от 15 / 27 октября 1866 года // ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 2 а. Д. 590. Л. 26–27.

20 ноября 1866 г. Владимир Александрович Черкасский получил телеграмму от жены Николая Алексеевича Милютина – Марии Милютиной со срочной просьбой приехать в Петербург¹. На следующий день князь снова получил телеграмму, где говорилось: «С Николаем Алексеевичем удар. Присутствие ваше здесь необходимо. Выезжайте немедленно. Анненков»². После этого князь В. А. Черкасский, получив разрешение графа Ф. Ф. Берга, покинул Варшаву. Как оказалось, у Н. А. Милютина случился инсульт³. Разумеется, новость о том, что чиновник после этого отойдет от дел была положительно воспринята поляками, но существовало и противоположное мнение, что после удара Н. А. Милютина Царство Польское уже не будет так хорошо управляться, как во времена его службы⁴.

2 декабря 1866 г. князь отправил наместнику письмо с просьбой не отказать в увольнении себя со службы и ходатайством подкрепить просьбу об увольнении. Увольнение В. А. Черкаского последовало одновременно с рассмотрением и введением в действие в Царстве Польском нового административного преобразования⁵. Корреспондент *Breslauer Zeitung* описывал события тех дней: «...так пал этот [Черкасский – Авт.] жестокий реализатор милютинских экспериментов, правда только тогда, когда принес уже столько несчастья, когда разорил страну, когда обидел народ в самых дорогих для него вещах и еще большей сделал пропасть между властью и властвующими. Какие же усилия теперь должна приложить власть <...> чтобы лишь затянулись раны, нанесенные Милютиным и Черкасским ...»⁶. Фактически это показывало, что в представлении большей части Варшавы князь оказался виноватым во всех бедах Царства Польского.

¹ См.: Телеграмма № 5156. Князю В. А. Черкасскому // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 480.

² Телеграмма № 5174. Князю В. А. Черкасскому // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 481.

³ *Dziennik Poznański*. 1866. № 287. 18 grudnia. *Dziennik Warszawski*. 1866. № 272. 29 listopada (11 grudnia). *Czas*. 1866. № 283. 13 grudnia.

⁴ Выписка из письма с неразборчивой подписью из Петербурга от 23 ноября к М. Н. Каткову, в Москву // ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 2а. Д. 591. Л. 10.

⁵ См.: Князь [В. А. Черкасский] – Н. А. Милютину от 15 февраля 1867 года // НИОР РГБ. Ф. 327. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 490.

⁶ *Dziennik Poznański*. 1866. № 292. 23 grudnia. *Czas*. 1866. № 293. 25 grudnia.

По сути, русские чиновники из лагеря реформаторов были обвинены общественным мнением некоторой зарубежной и польской прессы. В частности, это касалось, конечно же, князя В. А. Черкасского и Н. А. Милютина, чьи именем часто называлась система, образовавшаяся в Царстве Польском. Однако М. Н. Катков на страницах «Московских Ведомостей» призывал не клеймить чиновников, которые, по сути, являлись исполнителями. Система, по его мнению, столь же мало являлась системой Н. А. Милютина, как и любого из подчиненных ему чиновников, поскольку являлась плодом исторического хода событий, и не могла быть именуема никак иначе, кроме системы Александра II¹.

В 1866 г. был поставлен крест на деятельности В. А. Черкасского в Царстве Польском, усилия наместника, чтобы выжить князя из Варшавы увенчались успехом. Надо полагать, что это случилось, даже если бы Н. А. Милютин остался здоров, и не отошел от дел. Однако стоит признать, что В. А. Черкасский, несмотря на крайне тяжелое свое положение, все-таки боролся до самого конца против козней и интриг, исходящих со стороны наместника. Князь постоянно выражал озабоченность, обеспокоенность, недоумение относительно действий наместника и его приближенных, и редко выражал радость по поводу локальных успехов, хотя каждое удачно реализованное или продавленное к исполнению решение стоило больших трудов.

Выезд В. А. Черкасского² из Варшавы вызвал противоречивую реакцию у чиновников.. С одной стороны, можно отметить фрагмент из записки П. А. Фредерикса: «...разнесшийся слух об оставлении службы князем Черкасским, вызвал самые воодушевленные толкования и рассуждения во всех сословиях и общественных кружках. Поляки торжествуют и не умеют даже

¹ «Система, действовавшая в Царстве Польском, есть система Императора Александра II, а не Милютина» // Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1866 год. Москва, 1897–1898. С. 617.

² Czas. 1866. № 294. 28 grudnia. Сообщала, что В. А. Черкасский уже не вернется в Варшаву на свою должность, хотя имя его преемника еще не оглашалось. По мнению издания, уход князя с поста директора Комиссии внутренних дел вовсе не означал изменений в системе управления и подходов в решении проблем Царства Польского

скрыть своей радости. Подчиненные князя Черкасского считают себя счастливыми, что избавляются от столь крутого, надменного и недоступного начальника. Близкие и преданные люди князя Черкасского сильно задумались, и волнение их видимое. Находятся и такие, которые до сего, будучи душою преданными князю Черкасскому, то есть, как это было ими показываемо, ныне относятся о нем самым предосудительным образом...»¹.

С другой стороны, обращает на себя внимание высказывание чиновника Рычкова из Калиша: «...пока был здесь князь Черкасский, мы не боялись ни польских влияний, ни жандармов, не боялись за наше собственное будущее и наконец, – что всего важнее, – не боялись за дело, для которого потрачено столько сил, трудов, забот и денег. Теперь все прошло и все пропало. Здесь стоят теперь стон и гул, – стон всех нас, истинных русских, и гул радости поляков... здесь уже нет кн. Черкасского, который видел их насквозь, – нет этого человека, который не только своей деятельностью, а просто одним присутствием своим и именем разрушал все сокровенные их надежды ...»².

В этих упоминаниях князь В. А. Черкасский предстает двумя противоположностями, в одном – это жесткий человек, настроивший против себя весь высший свет Варшавы и свое окружение, а в другом он представал как защитник русских чиновников и проводников интересов империи, борющийся с постоянным противодействием со стороны поляков, которые безмерно радовались его отъезду. Вероятно, что обе эти характеристики были верными, и все это действительно сочеталось в князе. Пожалуй, эти упоминания лучше всего характеризуют личность князя и его персону на службе в Царстве. Конечно, стоит учитывать, что отъезд князя оставлял административные преобразования без их идейного вдохновителя, составителя и организатора, что ставило под вопрос успешность их реализации, о чем в своей вышеупомянутой записке сообщал П. А. Фредерикс. Однако если вспомнить, что разговоры об отставке шли еще в

¹ Записка П. А. Фредерикса от 6 / 18 декабря 1866 года // ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 2а. Д. 590. Л. 36.

² Выписка из письма Рычкова, из Калиша, – Варшавской губернии, – от 11 декабря, к Ю. Ф. Самарину в Москву // ГАРФ. Ф. 109 с/а. Оп. 2а. Д. 591. Л. 11.

апреле 1866 года, а ситуация в русской администрации серьезно обострилась к концу того же года, вряд ли можно действительно обвинять В. А. Черкасского в пренебрежении интересами Российской империи в Царстве Польском.

Деятельность В. А. Черкасского в Царстве Польском была связана с непрерывной борьбой против складывавшейся длительное время в Польше системы управления, против того, что было порождено этой системой, против сильного влияния польских дворянских слоев, против наместника и тех, кого он привлек на свою сторону. Результаты этой борьбы не были однозначными. Многие решения В. А. Черкасскому удалось провести благодаря своим твердым убеждениям в их необходимости, значительная поддержка, способная сломить сопротивление политических оппонентов, была получена от Н. А. Милютина.

С другой стороны, В. А. Черкасский покинул Варшаву не без содействия наместника, а Ф. Ф. Берг сохранял свою должность до 1874 г., и был последним наместником Царства Польского. Следовательно, граф и дальше мог проводить, пусть и с оглядкой на Петербург, но свою политику, не встречая непосредственно в Царстве Польском серьезных оппонентов при реализации своих замыслов. Исходя из сведений, оставленных В. А. Черкасским, Ф. Ф. Берг был скорее отрицательной политической фигурой, но эта оценка вытекала из постоянного противостояния двух лагерей, сложившихся в ходе реформ в Польше. Наместник реализовывал свое видение политики в отношении Царства Польского, у него были иные мотивы, он по-другому смотрел на ситуацию. Принесла ли его особая позиция вред для реализации государственных интересов, как они понимались верховной властью применительно к этой территории? Скорее нет, чем да. Более того, противостояние двух этих ведущих сил, сложившихся в администрации Царства Польского, не оставило в стороне от осуществления реформ ни одного из действовавших там чиновников. Все они вынуждены были принять участие в борьбе за осуществление преобразований, сделать свой выбор в пользу той или иной стороны, боровшейся за влияние и главную роль в принятии ключевых решений. Это была не всегда честная и не всегда равная борьба, но она всё же

позволила провести в Польше немалое количество конструктивных изменений как в период с 1864 по 1866 г., так и в более позднее время.

Следует констатировать, что в развернувшемся противостоянии преимущество было у сторонников Н. А. Милютина и В. А. Черкасского, поскольку именно их варианты проектов в большинстве своем приобретали форму окончательных решений. Однако в итоге именно сторонники графа Ф. Ф. Берга получили то влияние на территории Царства Польского, за которое шла борьба в течение трех лет. Должность наместника сохранилась до 1874 г., и в этом была несомненная заслуга Ф. Ф. Берга, продолжавшего до самой смерти оказывать свое влияние на ход политического процесса в Польше.

Оценивая происходившие события с разных точек зрения, приходится констатировать, что при некоторых позитивных моментах, противостояние серьезным образом осложняло работу над принятием решений в Царстве Польском, и местами борьба политических элит за главенство в этом процессе отдаляла их от конечного результата. Сами же чиновники порой ставили собственные интересы выше государственных, но система сдержек и противовесов, сложившаяся в Царстве Польском в 1864 г. именно на почве политической конкуренции, позволяла контролировать такие стремления, пусть и через серьезные конфликты.

В целом же, основной российский государственный интерес был реализован – Царство Польское преодолело последствия Январского восстания, и именно в этот период здесь начался процесс русификации. Насколько этот итог был успешен в исторической перспективе? Для российской верховной власти фундамент, заложенный в первые годы после восстания, и те серьезные преобразования, которые были проведены на территории Царства Польского, позволили империи избежать дальнейших конфликтов с Польшей в течение довольно длительного периода, и реализовывать государственные интересы без оглядки на обострившийся «польский вопрос».

Заключение

В наиболее общем виде направления государственной политики в отношении Царства Польского были определены в выступлениях Александра II, из которых следовало, что Царство Польское должно было ждать уступок, которые могли бы себе позволить власти империи. Однако эти уступки не должны были противоречить общим государственным интересам, в которые предоставление независимости Польше никак не входило.

На протяжении XIX в. подобное отношение к месту Польши в составе империи превалировало в российских политических кругах, различными были лишь методы и инструменты осуществления этого подхода. После восстания 1863–1864 гг. Александр II в решении проблем Царства Польского отказался от ориентации на привилегированные слои польского общества. В новых условиях одним из элементов социальной опоры российской политики в Польше становится крестьянство. Результатом явился целый ряд преобразований в Польше, среди которых основными были реформы гминного управления, крестьянская, монастырская и административная. Они заложили фундамент для дальнейшей русификации Царства Польского.

Определяющую роль в формировании вектора политики после 1855 г. как в целом, так и в частности, играл император Александр II. Сам процесс реализации поставленных задач возлагался на людей из его ближайшего окружения и на либеральных бюрократов, пользовавшихся доверием императора. При этом в отношении Царства Польского существовала проблема с пониманием того, что в силу культурных различий здесь необходимо проводить особенную политику. Именно это обстоятельство во многом предопределило причины польского восстания 1863–1864 гг., которое повлекло за собой своеобразный раскол в политических верхах, выведя на первый план новые лица с конкретным взглядом на «польский вопрос», готовые действовать активно.

Новыми представителями бюрократического аппарата стали Н. А. Милютин и Ф. Ф. Берг, сумевшие отодвинуть Совет министров от процесса принятия решений в отношении Царства Польского. Первый был призван императором для реализации новой государственной политики, получив поддержку Александра II в случае возникновения конфликтных ситуаций. Второй вышел на политическую арену на фоне успехов в подавлении восстания в Царстве Польском. Граф Ф. Ф. Берг был назначен наместником, сменив на этом посту великого князя Константина Николаевича. По сути же, именно наместник являлся осью всех процессов, происходивших в высших кругах Царства Польского. Ф. Ф. Берг во время своей службы в Царстве Польском, полностью посвящая себя работе, держал под практически полным контролем почти всех своих подчиненных. Он был наделен достаточно широкими полномочиями, поэтому с ним нельзя было не считаться при принятии каких-либо значимых решений по переустройству существующей в Польше системы. Будучи хорошим администратором и дипломатом, он часто использовал интриги и хитрость для достижения своих целей. Политический вес, которым обладал Ф. Ф. Берг и его приближенные, создавал ситуацию, в которой противостояние и противопоставление чиновника «лагерю наместника» могло обратиться серьезными последствиями для политической карьеры государственного служащего.

Исследование показало, что разница преследуемых интересов Н. А. Милютиным и Ф. Ф. Бергом во многом предопределяла реализуемую на территории Царства Польского политику. Для Ф. Ф. Берга главным являлось признание его заслуг, личный престиж. За годы его долгой службы ему поручались многочисленные трудные задания, с которыми он успешно справлялся. Должность наместника в Царстве Польском стала главным достижением в его служебной карьере. Ф. Ф. Берг пользовался преимуществами своей должности практически с момента вступления и до самой смерти в 1874 г., после которой пост наместника в Царстве Польском был упразднен.

Н. А. Милютин уже участвовал в реформаторской деятельности в начале 1860-х гг. и снова был призван для осуществления преобразований. Не последнюю роль в этом сыграли «антиаристократические взгляды чиновника, которые в определенный момент совпали с желаниями Александра II по перестройке Царства Польского. В этой ситуации можно утверждать, что главным интересом для Н. А. Милютина была возможность реализовывать многочисленные проекты преобразований в Польше, составителем большинства из которых являлся сам бывший руководитель работ по подготовке крестьянской реформы в России.

Реформаторская деятельность в Царстве Польском осложнялась несовершенством сложившейся в Польше системы управления, которая, фактически, постоянно переживала трансформацию и не имела определенного образца и модели, по которой должна была развиваться. С одной стороны, организация должна была походить на сформированную в империи, а с другой, сами имперские власти не были серьезно настроены на ее унификацию, что выражалось в создании специфических элементов в управлении Царством. В результате преобразований в системе русской администрации, проявился ряд характерных черт, ликвидация которых происходила в конце 1860-х гг. и после того или не происходила вовсе

Уже в первые месяцы работы новой российской администрации в Царстве Польском начали складываться два центра, противостоявших друг другу: с одной стороны, «лагерь наместника», а с другой – «лагерь реформаторов» во главе с директором Комиссии внутренних дел Царства Польского князем В. А. Черкасским, являвшимся активным сторонником Н. А. Милютина.

Одним из ключевых моментов всего периода работы реформаторов в Польше была попытка наместника поставить одного из своих представителей во главе Комиссии внутренних дел, которую возглавлял князь В. А. Черкасский. В итоге, наместнику не удалось провести выгодные для него перестановки в составе руководителей Комиссий, и это серьезно повлияло на его отношения с «реформаторами». По сути, этот эпизод был ключевым в системе отношений в

высших кругах Царства Польского, поскольку наместнику не удалось склонить В. А. Черкасского на свою сторону при помощи «мягкой силы». С этого момента началось противодействие князю и его сторонникам в их усилиях по преобразованиям в Царстве Польском. Под активным давлением фактически оказывались дела государственной важности. Исключением становились те моменты, когда выгода касалась и наместника, в таких случаях Ф. Ф. Берг охотно шел навстречу «реформаторам». Самым ярким проявлением этого было обсуждение строительства в Польше железной дороги. В этом вопросе наместник имел свои интересы.

В ходе исследования было также определено, что одним из камней преткновения в отношениях администрации стала монастырская реформа. Заккрытие монастырей оказало влияние на отношения между «милютинцами» и католическим духовенством, особенно острая борьба проходила вокруг назначения управляющего Варшавской епархией, а открытое противодействие со стороны священнослужителей было возможно благодаря поддержке со стороны наместника. Попытки же Ф. Ф. Берга убедить императора в том, что его позиция будет в значительной степени отвечать интересам Царства Польского и империи не принесли желаемого результата. Александр II отдал предпочтение проекту Н. А. Милютин.

Результаты исследования показали, что не меньшее число противоречий вызывала и административная реформа. После длительных препирательств намеченная программа преобразований была принята. Произошло это благодаря содействию со стороны императора, который оказал на наместника некоторое давление. Реализация данной реформы началась с 1867 г., когда В. А. Черкасский и Н. А. Милютин уже не занимали никаких должностей, связанных с Царством Польским.

Кроме противоречий, связанных непосредственно с вопросами стратегии реформ, которые можно списать на различия в политических взглядах представителей политической элиты, расхождения в видении будущего Царства Польского, проблемы возникали и по самым, казалось бы, несущественным

моментам. Например, по поводу работы одной отдельно взятой Остроленской комиссии или же насчет выдачи наград чиновникам, которые оставили свои места ради службы в Царстве Польском.

Одним из негативных моментов системы управления В. А. Черкасский называл слабый кадровый состав его подчиненных, а также отсутствие должного количества единомышленников. Обычным явлением в процессе преобразований было давление на чиновников, участвовавших в этих процессах, со стороны «лагеря наместника». Иногда предпринимались попытки переманить конкурентов на свою сторону, как это произошло, например, с В. А. Арцимовичем, который изначально не во всем соглашался с «реформаторами» в их методах преобразований. Встречались даже ситуации, когда чиновники из-за оказанного на них давления вынуждены были покинуть Царство Польское. Наконец, на систему управления в Варшаве существенно влияла коррупция, которая к 1866 г. получила значительное развитие.

Все выявленные обстоятельства послужили поводом для прошения В. А. Черкасского об увольнении со службы в Царстве Польском. Главной причиной этого являлось очевидное осознание неспособности влиять на положение дел. Для Н. А. Милютина просьба об увольнении В. А. Черкасского означала потерю главного и единственного союзника в Царстве Польском, способного реализовать преобразования в Польше. Завершилось противостояние вокруг реформ в Царстве Польском в 1867 г., когда В. А. Черкасский покинул Варшаву, а Н. А. Милютин был вынужден отойти от политики по причине болезни.

Анализ ситуации, сложившейся в ходе реформ на территории Царства Польского, показал степень зависимости их результатов от субъективного фактора, от активного участия в процессе реформирования политических элит. На переднем плане здесь выступал конфликт, в основе которого находилась борьба за главенствующую роль в политическом процессе. В 1864–1866 гг. происходило практически открытое столкновение сторонников радикальных преобразований и приверженцев более умеренного подхода к преобразованиям.

Особой остротой эта борьба отличалась на переходном этапе, в условиях, когда происходил процесс реорганизации властных структур в Польше.

Результаты исследования также позволяют сделать вывод о том, что борьба в политических кругах оказала и некоторое положительное влияние как на ситуацию в самом Царстве Польском, так и на государственные интересы империи на этих территориях. Главным аргументом, подтверждающим данный тезис, является фактор сдерживания, под влиянием которого оказались обе стороны. Весьма смелые взгляды Н. А. Милютина на разрешение польского вопроса могли полностью разрушить структуру общественных отношений в Царстве Польском, а отсутствие серьезного опыта в государственном строительстве и в законотворчестве у Ф. Ф. Берга могло оказать существенное влияние на процессы, происходившие в Царстве Польском. Две противоборствующие стороны дополняли и ограничивали друг друга от того, чтобы впасть в крайности. Безусловно, это борьба была изнурительной для обеих сторон и значительным образом осложняла работу над реформами, откладывала проведение тех или иных преобразований. Однако это была та цена, которую приходилось платить за хрупкое равновесие.

Благодаря политическим действиям представителей российской администрации в Царстве Польском, была проведена серьезная работа по исправлению ситуации после Январского восстания, а также был заложен фундамент для дальнейших преобразований в Польше.

Список использованной литературы

Законодательные документы

1. Дополнительные правила к образованию Государственного совета // Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗРИ). Собрание второе (1825–1881). Т. 7 (1832). – № 5860. – С. 937–938.
2. О военно-полицейском управлении в Царстве Польском // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 38. (1863). – Ч. 2. – № 40456. – С. 354–358.
3. О новом порядке управления и образования Царства Польского // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 7 (1832). – № 5165. – С. 83–90.
4. О переименовании воеводств Царства Польского в губернии // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 12 (1837). – Ч. 1. – № 10203. – С. 293.
5. О порядке производства в чины русских чиновников, продолжающих службу в Царстве Польском // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 13 (1838). – Ч. 1. – № 11110. – С. 257.
6. О правилах торговли между Россией и Царством Польским // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 6. (1831). – Ч. 2. – № 4941. – С. 202–206.
7. О порядке предоставления в Государственный совет дел и законодательных предложений по тем частям управления Царства Польского, которые состоят в совокупном ведомстве и Наместника Царства и министров империи // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 31. (1856). – Ч. 1. – № 30312. – С. 158–159.
8. Об общем тарифе по европейской торговле для таможен Российской империи и Царства Польского // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 25 (1850). – Ч. 2. – № 24533. – С. 14.
9. Об упразднении нынешнего Государственного совета Царства Польского и Высшей палаты суда, и о замении их в Варшаве двумя Департаментами и Общем собранием Сената // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). Т. 16 (1841). – Ч. 1. – № 14852. – С. 822–824.

10. Об упразднении Общего собрания варшавских Департаментов Правительствующего Сената // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 36 (1861). – Ч. 1. – № 37044. – С. 785.

11. Об учреждении Варшавских департаментов Сената // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 17 (1842). – Ч. 1. – № 15428. – С. 214–229.

12. Об учреждении в Царстве Польском Округа Корпуса жандармов // ПСЗРИ. Собрание второе (1825–1881). – Т. 7 (1832). – № 5192. – С. 109.

13. Постановления Учредительного комитета в Царстве Польском: Т. 1–9. Варшава, 1864–1867.

14. Dziennik praw Królestwa Polskiego. Т. 14–68. Варшава, 1832–1868.

Архивные документы

1. Берг Ф. Ф. – Д. А. Милютину от 6/18 августа 1863 года // Российская Государственная Библиотека Научно–исследовательский отдел рукописей (далее РГБ НИОР). Ф. 169. Картон 58. Ед. хр. 17. Л. 60–61.

2. Всеподданнейшая записка Н. А. Милютина о личном составе Учредит. комитета в Царстве Польском и его официальная переписка по поводу реформ в Польше со статс-секретарем Царства Польского В. П. Платоновым, наместником Ф. Ф. Бергом и др. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 869 (Милютины). Оп. 1. Д. 587.

3. «Записки М. А. Милютиной» 1863–1866 гг. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 1144.

4. Записки неустановленных лиц (без подписей) об административном устройстве в Царстве Польском и о преобразовании в его управлении 1862–1864 гг. и б. д. // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 580.

5. Милютин Николай Алексеевич, Самарин Юрий Федорович, Черкасский Владимир Александрович. Переписка (сентябрь–декабрь 1863 года) // РГБ НИОР Ф. 327. Картон 30. Ед. хр. 1.

6. Официальная переписка Н. А. Милютина в связи с деятельностью в Царстве Польском (1863–1864) // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 590 а.

7. Официальная переписка Н. А. Милютина в связи с деятельностью в Царстве Польском (1863–1866) // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 590 б.
8. Официальная переписка Н. А. Милютина в связи с его деятельностью в Царстве Польском. (1864–1866) // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. Д. 591.
9. Отчетная записка, представленная Государю вместе с описанием поездки по деревням от 1 (13) декабря 1863 года // РГИА. Ф. 869. Оп. 1. № 590а. Л. 88–91.
10. О создании Комитета по делам Царства Польского, его организации, компетенции и составе см.: Высочайшее повеление об учреждении Комитета по делам Царства Польского // РГИА. Ф. 1270. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1–167.
11. Переписка Милютина Николая Алексеевича с Черкасским кн. Владимиром Александровичем за 1864 год // РГБ НИОР Ф. 327. Картон 30. Ед. хр. 2.
12. Переписка Милютина Николая Алексеевича с Черкасским кн. Владимиром Александровичем (за 1865 год) // РГБ НИОР Ф. 327. Картон 31. Ед. хр. 1.
13. Переписка Милютина Николая Алексеевича с Черкасским кн. Владимиром Александровичем (за 1866 год) // РГБ НИОР Ф. 327. Картон 32. Ед. хр. 1.
14. Черкасская кн. (урожд. Васильчикова) Екатерина Алексеевна. Дневник 1862–1864 // РГБ НИОР Ф. 327. Картон 35. Ед. хр. 1.
15. Черкасская кн. (урожд. Васильчикова) Екатерина Алексеевна. Дневник 1865 // Картон 36. Ед. хр. 1.
16. Черкасская кн. (урожд. Васильчикова) Екатерина Алексеевна. Дневник 1866–1867 // Картон 37. Ед. хр. 1.
17. Materiały dotyczące gen. Fiodora Berga // Archiwum Główny Akt Dawnych w Warszawie. Zespół 203 (Namiestnik i Głównodowodzący wojskami w Królestwie Polskim). Syg. 161.

Документы личного происхождения

1. Андреевский, Е.К. К воспоминаниям о графе Федоре Федоровиче Берге / Е.К. Андреевский // Русская Старина. – 1907. – Т. 132. – С. 439–456.

2. Анучин, Д.Г. Граф Федор Федорович Берг, наместник в Царстве Польском (1863–1874) / Д.Г. Анучин // Русская старина. – 1893. Т. 77. – С. 45–97, 382–425, 630–644. – Т. 78. – С. 153–185.
3. Андриевский, И. Е. О наместниках, воеводах и губернаторах / И.Е. Андриевский. – М.: Ин-т бизнеса, психологии и управления: Научная книга, 2008. – 159 с.
4. Бакунин, М. А. Избранные сочинения / М. А. Бакунин. – П.: Книгоиздательство Союза анархо-синдикалистов «Голос труда», 1920. – Т. 3. – 218 с.
5. Герцен, А.И. Собрание сочинений в 30-х томах / А.И. Герцен. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – Т. 12. – 676 с.
6. Герцен, А.И. Собрание сочинений в 30-х томах / А.И. Герцен. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1958. – Т. 14. – 702 с.
7. Дневник П. А. Валугина министра внутренних дел: в 2 томах / [Акад. наук СССР, Ин-т истории, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР]. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
8. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы) / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 2002. – 475 с.
9. Карцов, П.П. Граф Федор Федорович Берг / П.П. Карцов // Русская Старина. – 1883. – Т. 37. – С. 305–323.
10. Кропоткин, П.А. Записки революционера / П. А. Кропоткин. – СПб.: Азбука, 2011. – 380 с.
11. Перетц, Е.А. Дневник Е. А. Перетца государственного секретаря (1880–1883) / Е. А. Перетц. – М.–Л.: ГИЗ, 1927. – 172 с.
12. Самарин, Ю.Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина / Ю.Ф. Самарин. – М.: Д. Самарин, 1877. – Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. – 402 с.
13. Korespondencja namiestników Królestwa Polskiego sierpień 1863 – maj 1864 / [red. S. Kieniewicz, I. S. Miller]; [Polska Akademia Nauk. Instytut Historii, Naczelna

Dyrekcja Archiwów Państwowych]. – Wrocław : Zakł. Nar. im. Ossolińskich, 1978. – 300 S.

Статьи и монографии

1. Валуев, П.А. Дума русского во второй половине 1855 года / П.А. Валуев // Русская старина. – 1893. – Т. 79. – С. 503–514.
2. Варадинов, Н.В. История Министерства внутренних дел: [Ч. 1-3] / [Соч.] Н.В. Варадинова. – СПб.: тип. М-ва внутр. дел, 1858–1863. – 8 т.
3. Вербицкий, Д.А. Князь В. А. Черкасский и конфессиональная политика в Царстве Польском в 1864–1867 гг. / Д.А. Вербицкий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 6 (20). – Ч. 1. – С. 58–61.
4. Веселовский, Б.Б. История земства за сорок лет в 4-х томах / [Текст] Б.Б. Веселовский. – СПб: Изд-во О. Н. Поповой, 1909-1911.
5. Вех, С. Русские в Царстве Польском во второй половине XIX в. и начале XX в. / С. Вех // *Studia slavica et balcanica petropolitana*. – 2013. – № 2 (14). – С. 198–215.
6. Вицын, А.И. Краткий очерк управления в России от Петра Великого до издания Общего учреждения министерств / [Соч.] А.И. Вицына. – Казань: И.В. Дубровин, 1855. – 299 с.
7. Градовский, А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России / А. Д. Градовский // Собрание сочинений А. Д. Градовского. СПб: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. – Т. 1. – С. 299–338.
8. Гильфердинг, А.Ф. Статьи по современным вопросам славянским / [Соч.] А.Ф. Гильфердинга, – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – 494 с.
9. Горемыкин, И.Л. Очерки истории крестьян в Польше / [Соч.] И.Л. Горемыкина. – СПб.: тип. В. Демакова, 1869. – 159 с.
10. Горизонтов, Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 272 с.

11. Градовский, А.Д. История местного управления в России / [Соч.] А.Д. Градовского. – СПб: печ. В. Головина, 1868. – Т. 1. – 527 с.
12. Гурак, А. Привилегии чиновников русского происхождения в администрации Царства Польского после восстания 1863 г. / А. Гурак // Поляки и Россия, Польша и русские. Краснодар. – 2009. – С. 21–40.
13. Долбилов, М.Д. Русскоязычное католическое богослужение в Западном крае империи: практика перевода 1860–1870-е гг. // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2008. – № 1. – С. 40–60.
14. Дюгамель, К.О. Опыт государственного права Российской империи / К.О. Дюгамель. – СПб: тип. Рос. акад., 1833. – 417 с.
15. Западные окраины Российской империи / [монография] Л. А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: Новое лит. обозрение, 2006 (М.: Типография "Наука"). – 605 с.
16. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П.П. Зайончковский. – М.: Мысль, 1978. – 288 с.
17. Иванов, В.А. Губернское чиновничество 50-60 гг. XIX в. в России: (По материалам Моск. и Калуж. губ.): Ист.-источниковед. очерки / В. А. Иванов. Калуга: КГПИ, 1994. – 229 с.
18. Князь Владимир Александрович Черкасский, его статьи, его речи и воспоминания о нем. – М.: тип. П.А. Лебедева, 1879. – 372 с.
19. Колюпанов Н.П. Административное и судебное устройство Царства Польского от Конституции 1815 года до реформы 1864 года // Юридический вестник. – 1890. – №10. – С. 175–191.; – 1890. – № 11. – С. 335–358.; – 1891. – №5. – С. 323–353.
20. Корелин, А.П. Дворянство в пореформенной России: 1861–1904 гг.: состав, численность, корпоративная организация / А.П. Корелин. – М.: Наука, 1979. – 303 с.

21. Корнилов, А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А. А. Корнилов. – СПб.: Тип. "Обществ. пользы", 1905. – 473 с.
22. Костыркин, А.Н. «У нас возможна только римско-католическая церковь...» / А.Н. Костыркин // Родина. – 1994. – №12. – С. 107–109.
23. Костюшко, И.И. Крестьянская реформа 1864 года в Царстве Польском / И.И. Костюшко. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 496 с.
24. Кудряшев, В.Н. А. И. Герцен и М. А. Бакунин о «польском вопросе» (40–60-е гг. XIX в.) / В.Н. Кудряшев // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 326. – С. 80–84.
25. Луферчик, Е.Г. Органический статут Царства Польского 1832 г. / Е.Г. Луферчик // Сборник работ 69-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, 14–17 мая 2012 г. г. Минск. Минск, 2013. – Ч. 2. – С. 181–185.
26. Нольде, Б.Э. Юрий Самарин и его время / Б.Э. Нольдэ. – Paris: Soc. anonyme Impr. de Navarre, 1926. – 240 с.
27. Обушенкова, Л.А. Королевство Польское в 1815 – 1830 гг. Экономическое и социальное развитие / Л. А. Обушенкова. – М. Наука, 1979. – 295 с.
28. Описание празднования в Варшаве, 26 июля (7 августа) 1872 года, юбилея 60-летней службы генерал-фельдмаршала наместника в Царстве Польском и главнокомандующего войсками Варшавского военного округа графа Федора Федоровича Берга. – Варшава : тип. Варш. учеб. окр., ценз. 1872. – 20 С.
29. Погодин, М.П. Великое начало. Русский дух / М.П. Погодин. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. – 832 с.
30. Ратников, К.В. «Польский вопрос» в русской консервативной публицистике 1830-х – 1840-х годов (М. П. Погодин, С. П. Шевырев, Ф. В. Булагрин, Н. И. Греч) / К.В. Ратников // Изв. высш. учеб. заведений. Урал. Регион. – 2013. – № 1. – С. 73–80.

31. Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн / [ред. кн. и координация проекта: Черникова Т. В.] – М.: Р.Валент, 2012. – 403 с.
32. Симоненко, Г.Ф. Сравнительная статистика Царства Польского. Обработана Витольдом Залэнским. Народонаселение и экономические отношения. Варшава. 1876. / [Рец. Г. Симоненко]. – СПб., 1877. – 29 с.
33. Сталюнас, Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60–х гг. XIX в. / Д. Станюлас // Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет. Антология. М.: Новое издательство, 2005. – С. 570–588.
34. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. Формирование бюрократии / С.М. Троицкий. – М.: Наука, 1974. – 393 с.
35. Трубецкая, О.Н. Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского / О. Н. Трубецкая. Т. 1. М.: тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1901. – 522 с.
36. Чернуха, В. Г. Внутренняя политика царизма с середины 50–х до начала 80–х гг. XIX в. / [Текст] В.Г. Чернуха, под ред. Р.Ш. Ганелина. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – 248 с.;
37. Шилов, Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802 - 1917: Библиогр. справ. / Д.Н. Шилов. – СПб: Дмитрий Буланин (ДБ), 2001. – 830 с.
38. Щебальский, П.К. Николай Алексеевич Милютин и реформы в Царстве Польском: [С прил. копии докл. записки Милютина о проекте преобраз. учеб. части в Польше] / [Соч.] П.К. Щебальского. – М.: Унив. тип., 1882. – 123 с.
39. Щеголев, С.И. Александр I и польская конституция 1815 г. / С.И. Щеголев // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. – 2014. – № 12. – С. 79–87.
40. Bandurka, M. Zmiany administracyjne i terytorialne ziem województwa łódzkiego w XIX i XX wieku / M. Bandurka. – Warszawa; Łódź: Państwowe Wydaw. Naukowe – Oddział w Łodzi, 1974. – 210 s.

41. Brodowska, H. Ruch chłopski po uwłaszczeniu w Królestwie Polskim 1864–1904 / H. Brodowska. – Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1967. – 384 s.
42. Chimiak, Ł. Gubernatorzy rosyjscy w Królestwie Polskim 1863–1915. Szkic do portretu zbiorowego / Ł. Chimiak. – Wrocław: Funna, 1999. – 355 s.
43. Chwałba, A. Imperium korupcji. Korupcja w Rosji i Królestwie Polskim w latach 1861–1917 / A. Chwałba. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2006. – 363 s.
44. Chwałba, A. Polacy w służbie Moskali / A. Chwałba. – Warszawa ; Kraków : Wydaw. Naukowe PWN, 1999. – 257 s.
45. Ćwik, W., Reder, J. Lubelszczyzna: dzieje rozwoju terytorialnego, podziałów administracyjnych i ustroju władz / W. Ćwik, J. Reder. – Lublin: Wydaw. Lubelskie, 1977. – 207 s.
46. Emmons, T. The Russian Landed Gentry and the Peasant Emancipation of 1861 / T. Emmons. – Cambridge: Cambridge University Press, 1968. – 484 pp.
47. Field, D. The End of the Serfdom: Nobility and Bureaucracy in Russia, 1855–1861. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1976. – 472 pp.
48. Głębocki, H. "Co zrobić z Polską": kwestia polska w koncepcjach konserwatywnego nacjonalizmu Michaiła Katkowa / H. Głębocki // Przegląd Wschodni. – 1998. – № 4. – S. 853–889.
49. Głębocki, H. Fatalna sprawa : kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866) / H. Głębocki. – Kraków: Arcana, 2000. – 582 s.
50. Grabski, W. Historia Towarzystwa Rolniczego: 1858-1861 r. T. 1, Historia rozwoju rolnictwa i sprawy włościańskiej w pierwszej połowie XIX wieku / przez W. Grabskiego. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1904. – 633 s.
51. Grabski, W. Historia Towarzystwa Rolniczego : 1858-1861 r. T. 2 / przez W. Grabskiego. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1904. – 482 s.
52. Groniowski, K., Historia Polski 1795–1914 / K. Groniowski, J. Skowronek. – Warszawa: Wydawnictwa szkolne i pedagogiczne, 1977. – 518 s.

53. Groniowski, K. Walka Milutina z Bergiem :(spór o reorganizację Królestwa Polskiego po roku 1863) / K. Groniowski // Kwartalnik historyczny. – R. 69 (1962). – № 4. Warszawa, 1962. – S. 891–906.
54. Holzer, J. Historia Polski / J. Holzer, J. Kieniewicz, M. Tymowski. – Warszawa: Editions Spotkania, 1990. – 381 s.
55. Jedlicki, J. Nieudana próba kapitalistycznej industrializacji: analiza państwowego gospodarstwa przemysłowego w Królestwie Polskim XIX w. / J. Jedlicki. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1964. – 414 s.
56. Jedlicki, J. Jakiej cywilizacji Polacy potrzebują : studia z dziejów idei i wyobraźni XIX wieku / J. Jedlicki. – Warszawa: Wydaw. W.A.B., 2002. – 438 s.
57. Kieniewicz, S. Kartka z dziejów polsko–rosyjskiej przyjaźni z 1853 roku / S. Kieniewicz // Przegląd Historyczny. – 1964. – T. 55. – S. 266–274.
58. Kieniewicz, S. Problem rewolucji agrarnej w Polsce w okresie kształtowania się układu kapitalistycznego / S. Kieniewicz // Przegląd Historyczny. – 1956. – T. 47. – S. 3–39, 249–251.
59. Kieniewicz, S. Problem ugody w Polsce w XIX wieku / S. Kieniewicz // Przegląd Powszechny. – 1986. – № 10. – S. 23–35.
60. Kieniewicz, S. Sprawa włościańska w powstaniu styczniowym / S. Kieniewicz. – Wrocław : Zakład imienia Ossolińskich, 1953. – 408 s.
61. Kieniewicz, S. Teodor hrabia Berg – wielkorządca w feudalnym czy też w burżuazyjnym stylu? / S. Kieniewicz // Między feudalizmem i kapitalizmem. Studia z dziejów gospodarczych i społecznych. Wrocław: Zakład imienia Ossolińskich, 1976. – S. 277–286.
62. Koberdowa, I. Wielki Książę Konstanty w Warszawie, 1862–1863 / I. Koberdowa. – Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1962. – 305 s.
63. Konopka, K. Reforma uwłaszczeniowa w Królestwie Polskim i jej wpływ na ograniczenie obrotu gruntami włościańskimi (1864–1914) / K. Konopka. – Białystok: Wydawnictwo Politechniki Białostockiej, 2007. – 123 s.

64. Kozłowski, J. Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867–1875 / J. Kozłowski // *Przegląd Historyczny*. – № 4. – Warszawa, 1996. – S. 819–841.
65. Latawiec, K. Działalność gospodarcza urzędników rosyjskich w Królestwie Polskim po powstaniu styczniowym / K. Latawiec // *Dzieje biurokracji*. – Lublin-Siedlce, 2011. – T. 4. – Cz. 1. – S. 483–497.
66. Leroy-Beaulieu, A. Un homme d'etat russe: (Nicolas Milutine) d'apres sa correspondance inedite: etude sur la Russie et la Pologne pendant le regne d'Alexandre II (1855-1872) / A. Leroy-Beaulieu. – Paris: Librairie Hachette et Cie, 1884. – 332 c.
67. Lincoln, W.B. N. Miliutin: an Enlightened Russian bureaucrat / W.B. Lincoln. – Newtonville: Oriental Research Partners, 1977. – 130 pp.
68. Lubicz, S. Sprawa włościańska w Polsce porozbiorowej / S. Lubicz. – Kraków: Muzeum Narodowe w Rapperswilu, 1909. – 326 s.
69. Macey, D. Government and Peasant in Russia 1861–1906: The Prehistory of the Stolypin Reforms / D. Macey. – Dekalb, Illinois: Northern Illinois University Press, 1987. – 380 pp.
70. Maciejowski, W.A. Historia włościan i stosunków ich politycznych, społecznych i ekonomicznych, które istniały w Polsce od czasów najdawniejszych aż do drugiej połowy XIX wieku / W.A. Maciejowski. – Warszawa: druk K. Kowalewskiego, 1874. – 409 s.
71. Malec, D., Malec, J. Historia administracji i myśli administracyjnej / D. Malec, J. Malec. – Kraków: Wydaw. Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2003. – 266 S.
72. Naworski, Z. Status prawny urzędników Królestwa Polskiego w okresie międzypowstaniowym (1832–1863) / Z. Naworski // *Dzieje biurokracji na ziemiach polskich*. – Lublin-Siedlce, 2010. – T. 3. – Cz. 2. – S. 377–392.
73. Nietyksza, M. Rozwój miast i aglomeracji miejsko-przemysłowych w Królestwie Polskim 1865–1914 / M. Nietyksza. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1986. – 395 s.

74. Nikiforuk, A. Kancelaria Rządu Gubernialnego Łomżyńskiego z lat 1867–1918 / A. Nikiforuk // *Archeion: czasopismo naukowe poświęcone sprawom archiwalnym*. – Warszawa, 1984. T. 78. – S. 193–208.
75. Nowak, A. Jak rozbić rosyjskie imperium: Idee polskiej polityki wschodniej: (1733–1921) / A. Nowak. – Kraków: Wydaw. Arcana, 1999. – 372 s.
76. Ohryzko-Włodarska, C. Organizacja władz włościańskich w Królestwie Polskim i ich pozostałość aktowa / C. Ohryzko-Włodarska. – Warszawa: Państwowe Wydaw. Naukowe, 1973. – 128 S.
77. Okolski, A. Wykład prawa administracyjnego oraz prawa administracyjnego obowiązującego w Królestwie Polskiem / A. Okolski. – Warszawa: Redakcja Biblioteki Umiejętności Prawnych; Druk. S. Orgelbranda Synów, 1880. – T. 1. – 475 S.
78. Petrozolin-Skowrońska, B. Przed tą nocą / B. Petrozolin-Skowrońska. – Warszawa: Pax, 1988. – 404 s.
79. Ramotowska, F. Rząd carski wobec manifestacji patriotycznych w Królestwie Polskim w latach 1860–1862 / F. Ramotowska. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1971. – 439 s.
80. Ramotowska, F. U źródeł tzw. Reform Wieloposkiego / F. Ramotowska // *Wiek XIX. Prace ofiarowane Stefanowi Kieniewiczowi w sześćdziesiątą rocznicę urodzin*. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967. – S. 304–315.
81. Remy, J. Higher Education and National Identity. Polish Student Activism in Russia 1832–1863 / J. Remy. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. – 380 pp.
82. Rutkowski, M. Zmiany strukturalne w Królestwie Polskim wczesnej epoki paskiewiczowskiej. T. 1 / M. Rutkowski. – Rzeszów : Wydaw. WSiFiZ, 2004. – 468 S.
83. Smyk, G. Administracja publiczna Królestwa Polskiego w latach 1864–1915 / G. Smyk. – Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2011. 453 S.
84. Smyk, G. Korpus urzędników cywilnych w guberniach Królestwa Polskiego w latach 1867–1915 / G. Smyk. – Lublin: Wydawn. Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. – 282 S.

85. Smyk, G. Odrębności rosyjskiego modelu zarządu cywilnego w guberniach Królestwa Polskiego po powstaniu styczniowym / G. Smyk // *Dzieje biurokracji*. Lublin-Toruń-Włocławek, 2013. – T. 5. – Cz. 2. – S. 403–424.
86. Stankiewicz, Z. *Dzieje wielkości i upadku Aleksandra Wielopolskiego* / Z. Stankiewicz. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1967. – 310 s.
87. Szwarc, A. *Od Wielopolskiego do Stronnictwa Polityki Realnej: zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycznej (1864–1905)* / A. Szwarc. – Warszawa: «Gryf», 1996. – 331 s.
88. Szwarc, A. *Pod obcą władzą : 1795–1864* / A. Szwarc. – Warszawa: Wydawnictwa Fundacji "Historia pro Futuro": Bellona, 1997. – 133 s.
89. Śreniowski, S. *Studia nad prawem i stosunkami agrarnymi Królestwa Polskiego 1831–1864* / S. Śreniowski. – Warszawa: Książka i Wiedza, 1963. – 304 s.
90. Śreniowski, S. *Uwłaszczenie chłopów w Polsce* / S. Śreniowski. – Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1956. – 424 s.
91. Targowski, J. K. *Komitet Urządzający jego ludzie* / J. K. Targowski // *Przegląd Historyczny*. – Warszawa, 1938. – T. 14. – S. 156–197
92. Walicki, A. *Rosja, katolicyzm i sprawa polska* / A. Walicki. – Warszawa: Prószyński i S-ka, 2002. – 462 s.
93. Walicki, A. *Rosyjska filozofia i myśl społeczna od oświecenia do marksizmu* / A. Walicki. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1973. – 629 s.
94. Wereszycki, H. *Historia polityczna Polski 1864–1918* / H. Wereszycki. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990. – 309 s.
95. Zaleski, A. *Towarzystwo Warszawskie: listy do przyjaciółki przez Baronową XYZ* / A. Zaleski; oprac. Ryszard Kołodziejczyk. – Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1971. – 614 s.

Электронные ресурсы

1. Final Act of the Congress of Vienna / General Treaty [Электронный ресурс] / URL: https://en.wikisource.org/wiki/Final_Act_of_the_Congress_of_Vienna/General_Treaty (дата обращения 11.02.2016).

2. Конституционная Хартия Царства Польского 1815 года [Электронный ресурс] / URL: http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Alexandr_I/kx1815.html (дата обращения 11.02.2016).

3. Манифест 14 февраля 1832 года. О новом порядке управления и образования Царства Польского [Электронный ресурс] / URL: http://www.pereplet.ru/history/Russia/Imperia/Nicolai_I/man14021832.html (дата обращения: 6.03.2016 г.)

4. Кудрик А. «10 октября – память блаженной матери Марии Ангелы Трушковской» [Электронный ресурс] / А. Кудрик URL: <http://www.cathmos.ru/content/ru/publication-2013-10-09-15-56-21.html> (дата обращения 22.03.2016 г.)